

Ованес Туманян

Стихотворения и поэмы

Вступительная статья

Туманян был и остается самым популярным, любимейшим писателем Армении. Он вошел в историю литературы как великий национальный поэт. Жизненная правда, естественность и искренность чувства, простота и ясность языка характеризуют народную музу Туманяна. Он умел из богатой сокровищницы народного творчества, выражаясь языком Белинского, «извлечь дивную поэму, наполовину фантастическую, наполовину фактически-положительную, и в обоих случаях удивительно верную поэтической действительности».

Белинский сравнивал поэзию Пушкина с морем, которое приняло в себя многие малые и большие реки русской литературы «как свое законное достояние». Слова Белинского о Пушкине в известной степени применимы и к Туманяну, в поэзии которого слились воедино лучшие традиции армянской литературы.

В развитии поэтического мирозерцания Туманяна важную роль сыграла русская литература. Пушкин и Лермонтов освещали его творческий путь. Эстетические воззрения армянского поэта сложились под влиянием Белинского.

Любовь к отечеству и любовь к народу были нераздельны в общественном сознании Туманяна. Его поэмы, легенды, сказки, рассказы и стихотворения проникнуты идеями подлинного демократизма и гуманизма, искренним и горячим сочувствием к труженикам.

Ованес Туманян родился 19 февраля 1869 года в деревне Дсех (ныне Туманян)^[1]. Отец его был сельским священником.

Детство поэта прошло на родине. Яркие ощущения и впечатления ранних лет, вызванные к жизни природой горного края, оказали благотворное воздействие на воспитание и развитие поэтического чувства Туманяна. Его память навсегда сохранила картины дальних гор, покрытых голубым туманом, густых, непроходимых девственных лесов, которые «не слышали еще звука топора».

Может быть, ничто в такой степени не волновало будущего поэта, как грозный шум реки в глубоком ущелье. «Моим великим учителем был шум реки Дэвбет,» — говорил потом поэт. — «В ночной тиши я всегда прислушивался к ее голосу, то глухому и глубокому, то ясному и страшному. И, казалось, река говорила с моей душой...» Поздно вечером любил он лежать на краю ущелья и слушать в тиши глухой гул реки.

Начальное образование Туманян получил в деревенской школе. В 1879 году отец отвез десятилетнего мальчика в город Джалалоглы, который в те времена был административным центром Лори. Весной 1883 года Туманян, не окончив школу, покинул Джалалоглы и вернулся в родное село. В августе того же года отец привез Ованеса в Тифлис, где и прошла вся жизнь поэта. После успешной сдачи экзаменов Туманян поступил в нерсисянское духовное училище, откуда ушел через два года. В 1887 году из-за материальной необеспеченности Туманян вынужден был поступить писцом в тифлисскую духовную консисторию. В 1892 году он перешел на работу в издательское товарищество в качестве конторщика, но ненадолго. В том же году он ушел оттуда, — это была его вторая и последняя служба. Туманян отдался исключительно литературному труду и до конца своих дней оставался профессиональным писателем.

Первые литературные опыты Туманяна относятся к школьным годам. Он начал писать с десяти-одиннадцати лет.

К концу 1880-х годов он уже был автором многих произведений: легенд «Пес и кот», «Злосчастные купцы», «Солнце и луна», поэм «Маро», «Сако Лорийский», стихотворений «Пахарь», «Старинное благословение» и других. К 1890 году относится первоначальный вариант лирической поэмы «Ануш».

Однако все эти произведения существовали только в рукописи; знали о них лишь немногие почитатели таланта Туманяна. В начале 1889 года молодой поэт знакомится с известным писателем, педагогом и публицистом Газаросом Агаяном. Благодаря покровительству и хлопотам Агаяна в детском журнале «Агбюр» («Родник») была напечатана легенда Туманяна «Солнце и луна». С этого времени имя молодого поэта все чаще появляется на страницах армянской периодической печати.

С 1891 года Туманян стал печататься в издававшемся в Тифлисе журнале «Мурч» («Молот»). По своему прогрессивному направлению, богатству и разнообразию публикуемого материала этот журнал принадлежал к числу лучших армянских периодических изданий того времени.

Туманян явился достойным преемником демократических традиций прошлого, прежде всего Абовяна, с именем которого связана целая полоса развития армянской общественной мысли и освободительного движения, начальный этап становления новой армянской литературы. Эти традиции были продолжены затем Налбандяном, в прозе которого в конце 1850-х годов были заложены основы критического реализма. Налбандян первый из армянских писателей наметил и творческие принципы этого нового направления. В последующие десятилетия во главе прогрессивно-демократического лагеря в армянской литературе стали Прошян, Агаян, Сундукян. Появились произведения, в которых затрагивались острые проблемы, правдиво изображалась жизнь армянской деревни и городской бедноты, обнажались основные социальные противоречия. В романах Прошяна, в стихотворениях и повестях Агаяна, в комедии Сундукяна «Пэпо» нашел отражение стихийный протест армянских трудовых масс против

угнетателей народа. В конце XIX века центральной фигурой реалистической школы в области прозы становится Ширванзаде.

Виднейшими деятелями армянской поэзии эпохи 1860–1880-х годов явились Патканян и Шахазиз, патриотические произведения которых сыграли важную роль в пробуждении и развитии народного самосознания. Однако, не отрицая неоспоримых заслуг этих двух поэтов, Туманян сожалел, что в силу обстоятельств они оба жили вдали от родины, и это, по его мнению, не могло не сказаться отрицательно на их творчестве. «Цветок, росший в чужом краю,» — говорит Туманян, — «Не может иметь аромата и пышности родины... Поэт должен обеими ногами стоять на родной почве, и только тогда его голос будет звучать во всю силу...»

Первый сборник Ованисяна, изданный в 1887 году в Москве, составил новый этап в развитии армянской лирики. Народно-демократический характер творчества Ованисяна раскрывается в его патриотических и социальных песнях; в них, правда, еще слабо звучат мотивы гнева и протеста, но стоны и ропот крестьянства выражены вполне отчетливо. Высокая поэтическая культура, широкий диапазон и незаурядное дарование дали Ованисяну возможность создать произведения во всех основных жанрах лирической поэзии. Лучшие традиции этих писателей, реалистов и демократов, были унаследованы Ованесом Туманяном.

В 1890 году при активной поддержке ближайших друзей Туманяна в Москве был издан первый сборник его стихотворений и поэм. Через два года увидел свет и второй сборник. Имя молодого автора стало известным широкой литературной общественности.

Передовая критика сочувственно встретила выступление молодого поэта. Она отмечала самостоятельность и оригинальность дарования Туманяна, народность его творчества, простоту и ясность языка.

Молодого автора не оставляют тревожные думы о судьбах Армении. Он жаждет облегчить страдания народа, помочь своей родине, хотя он еще не представляет, каким путем это следует сделать. Туманян видит «реки

невинных слез», нищету и горе широких масс. Вот почему так печальны его песни. Вот почему он рисует скорбные картины родного края.

Кто будит сумрак гробовой,
Не устает рыдать, стонать?
Чей вопль мешается с мольбой?
Увы, всего не рассказать!
...Ночь над Арменией темна...

Туманян показывал нищую, разграбленную страну, где царил произвол, где деспотические завоеватели всё могли отнять силою. В стихотворениях молодого поэта лирические мотивы вплетались в тему общего, народного горя. Личная боль, личные переживания поэта отражали безотрадную жизнь народа; вокруг он слышал лишь «горький плач, вопли нищеты», и душа его омрачалась «ядом зла, зависти и лжи». Для интимной лирики Туманяна характерны грустные думы:

Не проси меня, не воспою
Я печаль безмерную свою, —
Отшатнется прочь твоя душа.
Увидав до дна всю боль мою...
Милый друг, ты не проси меня, —
Не спою тебе про это я...

Однако было бы неправильно думать, что молодой поэт предавался лишь печальным мыслям, что жизненные трудности убили в нем веру в будущее. Мечта о том, что несправедливый строй будет разрушен и засияет заря новой жизни, служила для него неиссякаемым источником силы и энергии:

Вперед, борясь! Я знаю — день настанет
И настоящее падет, как черный сон,
А на обломках горделиво встанет
Грядущее в сиянии знамен.

В ранних сборниках Туманяна особый цикл составили пейзажные стихи. Часть из них носила несколько отвлеченный характер. В них автор стремился воссоздать образ родной страны общими поэтическими формулами. Так, например, в одном из стихотворений, где Туманян рисует идиллическую картину покоя и довольства, он пользуется обычными средствами романтической поэзии. Здесь мы находим и «далекие горы в тумане», и «роскошные поля и леса», и «с нежным шепотом протекающую тихую речку», и ее богатые плодородные берега, где «вольно и спокойно живут звери», а «птички поют в небесах». Однако и это стихотворение заканчивается размышлением о том, зачем же в этом прекрасном мире, где есть все для счастья, люди живут беспокойно, враждуют друг с другом, убивают друг друга.

Постоянное непосредственное общение с народом не могло не открыть глаза молодому писателю на несправедливость и жестокость политического строя царской России. Наблюдая безотрадную картину старой деревни, он невольно вспоминал о том, как неверно изображена жизнь крестьянства в произведениях некоторых армянских поэтов, и не без основания говорил: «Удивительный мы народ! Армянского поэта больше волнуют и огорчают темные тучи, сгустившиеся над белоснежной вершиной Арарата, нежели тучи, омрачающие чело нашего крестьянина...»

Сам Туманян изображал прежде всего «тучи, омрачающие чело» армянского земледельца. В стихотворении «Пахарь» поэт рассказал о горькой доле деревенского труженика, которого самый тяжелый, изнурительный труд не мог вывести из безысходной бедности.

В конце 1880-х и в особенности в начале 1890-х годов все более и более ухудшалось экономическое положение армянского крестьянства.

Наблюдения этих лет, размышления Туманяна о «крестьянской доле» нашли выражение в незавершенной поэме «Стенания», сохранившиеся отрывки которой относятся к 1890 году. Она написана в форме задушевной беседы

между юным гостем и стариком, который начинает свой рассказ жалобами на участь земледельца.

Автор показывает классовое расслоение армянской деревни. С одной стороны, тавады-помещики, владеющие лучшей и большей частью земли, которые сами не пашут, не сеют, но которые являются хозяевами жизни и держат в кабале «весь Крестьянский народ», с другой — обездоленные и нищие сельские труженики.

В поэме не только правдиво изображен царивший в деревне социально-экономический гнет, но и показан стихийный протест армянского крестьянства. В сочувственных тонах автор рисует образ бунтаря, пастуха Чати, не пожелавшего покориться воле «богатеев». Он с высоко поднятой головой гордо стоял на сельской площади:

«Вот суд, вот тавад, вот, смотрите, и я.

Пусть выйдет! А ну-ка? Посмотрим, что станет!»

Чати, разумеется, через суд и законы не мог добиться наказания тавада, но смелость пастуха пробуждала в крестьянстве дух непокорности. Автор говорит о тех, кто не смирился с насилием и произволом, кто не покорился злой воле кулаков и «царскому закону». Покинув свой дом, с оружием в руках скрылись они в далеких горах. Стали они «качахами» — народными мстителями. Симпатия старика рассказчика, в словах которого звучит гнев и ярость, на стороне бунтарей; так много горечи накопилось в сердце, что и он, восьмидесятилетний старик, готов взяться за оружие:

Эх, друг! Не расспрашивай. Больше нет мочи.

Не то мне придется разбойником стать...

«Стенания» Павло Тычина в своей статье «Ованес Туманян» справедливо сравнивает с гневными песнями Шевченко и Некрасова. В них не «проста стоны, а энергичные протесты».

Суеверие, рабское подчинение адатам, жестокость, многие темные стороны жизни патриархальной армянской деревни нашли яркое отражение в ранних произведениях Туманяна.

В поэме «Маро», созданной восемнадцатилетним автором, уже достаточно четко выступали характерные особенности его творческого облика. Туманян многое воспринял от армянских сказителей. Темой поэмы послужила трагическая судьба девятилетней деревенской девочки, которую выдают замуж. Такие ранние браки в то время не были редкостью. Автор с сердечной болью вспоминает историю Маро, отчетливо понимая, что она стала жертвой отсталости, диких обычаев старой деревни. В печальных строках поэмы скрыто осуждение всего строя жизни. Так сильна была власть предрассудков, что окружавшие Маро, в сущности неплохие, но невежественные и суеверные люди отвергли несчастную девочку. Ни один человек не протянул ей руку помощи, никто не попытался предотвратить трагическую развязку.

По своей тематике близка к «Маро» другая ранняя поэма Туманяна, «Сако Дорийский». В ней автор, обращаясь к народным поверьям, стоит в то же время на вполне реалистических позициях. Будучи бытописателем родного края, он интересовался всеми явлениями, в которых отражались наиболее характерные черты жизни армянской патриархальной деревни.

С поэмами «Маро» и «Сако Дорийский» тесно связана и ранняя проза Туманяна. В ней особое место занимает рассказ «Гикор». Тонкая наблюдательность автора, его умение даже в мелочах подметить типичное и характерное, строгое построение, простой, ясный язык — эти бесспорные достоинства говорят о высоком мастерстве Туманяна-художника. Он далек от натуралистической созерцательности и от грубой тенденциозности. Правдивость сочетается с глубокой идейностью, с активным отношением автора к жизни. Он не декларирует, не произносит громких слов о справедливости, но заставляет читателя задуматься над жизнью, самому сделать необходимые выводы.

Зрелость пришла к Туманяну очень рано. Только детство его хотя порою и омрачалось безотрадными картинами жизни старой деревни, но все же прошло без забот, «под улыбкой звезд», как он говорил. Быстро пролетели годы юности, они принесли ему уже немало огорчений и разочарований, рассеялись мечты, настали дни неустанной жестокой борьбы с «трудной жизнью». Страшным казался Туманяну «отвратительный мир» зла и несправедливости. Он не находил ни одного уголка, где бы «не господствовали разбой и насилие». Уродливые явления социальной действительности, обстоятельства личной жизни породили в душе Туманяна чувство недовольства, глубокой неудовлетворенности. Еще восемнадцатилетним юношей он написал стихотворение «Старинное благословение». В нем, возвращаясь к картинам детства, рассказывая о традиционной веселой пирушке дедов под тенью орешника, вспоминает он их слова, обращенные к детям и внукам: «Живите дети, но не так, как мы». С тех пор прошло немного лет, но автору уже стали понятны и близки эти мудрые слова дедов.

В 1888 году, девятнадцати лет, Туманян женился. Прибавились заботы о семье, которая быстро росла. В 38 лет Туманян был отцом десяти детей. Нужно было постоянно думать об изыскании средств, чтобы прокормить многолюдную семью. Окружающие близкие люди постоянными упреками в недостаточной практичности не давали поэту покоя. Они надоедали ему своими уговорами идти по стопам отца, принять сан священника. Его родные не считали литературу серьезным делом и не понимали, что Туманян давно и твердо избрал трудный путь поэта. В письмах к друзьям Туманян говорил о переживаниях человека, которому не чужды высокие порывы вдохновения, сильные и глубокие чувства, смелые взлеты творческой мысли, и вместе с тем этот человек лишен элементарных условий для осуществления своих замыслов.

Туманян предпочитал большие поэтические формы, его излюбленным жанром была поэма. Но она требовала длительного, спокойного, сосредоточенного труда.

Жизненные невзгоды подсказали Туманяну сатиру «Поэт и муза». Многие эпизоды в ней явились отражением жизни самого автора, он рассказывал о своем собственном тернистом пути.

В жизни каждого большого писателя бывают периоды особого подъема творческой деятельности. Иногда несколько месяцев вдохновенного труда приносят больше плодов, чем долгие годы напряженной работы.

Таким периодом в жизни Туманяна было лето 1900 года, проведенное в высокогорной живописной местности Абастуман. Здесь Туманян вернулся к поэме «Ануш» и почти заново ее написал. Здесь им были созданы «Парвана» и «Взятие крепости Тмук», в основе которых лежат фольклорные мотивы.

Еще в ранний период своей литературной деятельности Туманян подчеркивал огромное значение устного народного творчества для развития литературы. В 1894 году он говорил о столетних стариках, которые часто встречались ему в деревне. «Каждый из них — житница, музей преданий, сказаний, народных верований. Многие их рассказы, обычаи, сказания дошли до нас из глубокой старины; они отражают жизнь и нравы наших предков, являются созданием их мысли... Вот где источник армянской литературы, вот откуда должен черпать свои силы армянский романист, поэт, писатель!» Сказки, легенды, пословицы и поговорки — фольклор в целом Туманян воспринимал как жизненный, исторический опыт народа, его мудрость, его философию. Всю свою сознательную жизнь поэт любовно и бережно собирал памятники устного народного творчества, считая их самым драгоценным материалом для писателя.

В легендах и преданиях, где изображение реальных исторических событий переплеталось с чудесными, сказочными мотивами, Туманян находил самобытный мир народной поэзии. Фольклор был для него одним из основных источников, откуда он черпал темы многих произведений. Для восприимчивой

натуры писателя иной раз нужен был лишь внешний толчок, простодушный рассказ крестьянина или сказание, живущее в памяти народа, чтобы в воображении возникла законченная картина, полная поэзии и драматизма. Именно такова творческая история многих произведений Туманяна.

В 1901 году поэт побывал в горной местности Джавахк, славившейся своими певцами и сказителями. Здесь и зародилась идея поэмы «Парвана». Основой ее послужило народное предание. Туманян с большой теплотой и любовью рисует образ героини поэмы, юной девы, которая совсем не похожа на надменную гордячку, на царскую дочь. Она нежна и скромна, одарена красотой, умом и чувством справедливости. Она не желает склоняться перед грубой физической силой. Девушка из Парваны ищет в жизни нравственное совершенство, душевную красоту, неугасимое чувство любви.

«Парвана Туманяна,» — говорил поэт Ваан Терьян, — «Понятна и прекрасна для всех народов, так же как Золотая рыбка Пушкина».

Поэма проникнута лиризмом, но в ней уже намечается переход к исторической теме, к широким эпическим полотнам. Летом 1902 года Туманян писал Ф. Вартазаряну: «Знаешь, я постепенно начинаю любить философию, а в поэзии — то, что не содержит ни слез, ни волнений, но величавое спокойствие, олимпийский, благородный полет к лучшим мирам, в более ясные, чистые сферы». При этом армянский поэт сообщал, что он приступил к написанию «большой национальной поэмы», в которой будет выражено то, что «давно хаотически бурлит» в нем. Какое свое произведение имел в виду Туманян, трудно теперь сказать, но за год до этого письма у него возникло намерение побывать в старинной крепости, недалеко от Ахалкалаки, с которой связывалось историческое предание о тмукской красавице. Ознакомившись в этнографическом сборнике с записью предания, поэт заинтересовался им, и оно стало темой поэмы «Взятие крепости Тмук».

Внимательно изучив все доступные ему источники, Туманян счел себя вправе не следовать слепо за фольклорной традицией. В его поэме действие переносится в конкретную историческую эпоху. Подвергся значительным

изменениям и сюжет предания. Одни черты получили естественное развитие, другие были вовсе отвергнуты поэтом. Изменилась трактовка основных образов, психологическая канва была осложнена и обогащена новыми мотивами. Бесславный конец изменницы подтвердил одну из излюбленных идей Туманяна о том, что зло, подлость и преступление должны быть наказаны.

Поэма начинается и завершается песней ашуга; весь сказ ведется устами народного певца. Собрав вокруг себя слушателей, он рассказывает о событиях прошлых времен. Идея поэмы раскрывается в словах старика:

Проходит любовь, проходят радость,

Красота, богатство и троны...

Лишь дело человека бессмертно...

(Подстрочный перевод)

В основе поэмы лежит мысль о том, что человек после смерти оставляет след лишь своими делами. Старый ашуг клеймит позором злодейство и подлость, он поет славу тем, кто уходит из мира с чистым сердцем и чистой совестью.

В поэме «Взятие крепости Тмук» автора занимала задача создания исторической героической поэмы. Иные цели преследовал Туманян в поэме «Ануш». В это время он вплотную подошел к решению задачи первостепенной важности — к созданию национальной поэмы из народной жизни. В осуществлении своих замыслов он не нашел достаточной опоры у своих предшественников. В то время жанр поэмы, и в особенности на темы современной жизни, в армянской литературе был чрезвычайно слабо разработан. Ни «Скорбь Левона» Шахазиза, ни «Аварарийский соловей» Алишана не могли удовлетворить Туманяна. Первая из них не могла служить Туманяну опорой, так как она не имела четкой сюжетной линии. Вторая, «Аварарийский соловей» Алишана, написанная в романтических тонах, была посвящена далекому историческому прошлому Армении. Туманян же поставил перед собою цель создать реалистическую поэму из армянской

народной жизни, и, естественно, он должен был обратиться к богатейшему опыту русской литературы.

Туманян искал форму, которая была бы способна выразить новое содержание, которое он вносил в армянскую поэзию. Это новое содержание определялось двумя основными творческими принципами зрелого Туманяна: народностью и реализмом — чертами, более всего привлекавшими его и в поэмах Пушкина и Лермонтова.

В лирической поэме «Ануш» трагедия любви изображена на широком фоне жизни и быта армянской патриархальной деревни, что придает поэме огромное познавательное значение. Прав был В. Брюсов, когда писал: «Наибольшей силы поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении [\[2\]](#) и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследований».

В армянской деревне царил старый, традиционный быт. Крестьянское население строго придерживалось дедовских обычаев — адатов. В особенно тяжелом положении находилась женщина, ее отношения со всеми членами семьи и обществом строго регламентировались суровыми законами гор. Ее положение определялось доброй волей мужчины или его капризом.

Много уродливых явлений порождал этот темный мир, много суеверий и предрассудков, которые были освящены и закреплены в сознании крестьянской массы традицией. Туманян своим правдивым рассказом заставляет читателя задуматься над темными сторонами жизни. Девушка не имела права руководствоваться собственными желаниями, не могла решать свою судьбу; она была обязана слепо подчиняться воле родителей. Сестра обязана во всем быть послушной брату, тем более, если он глава семьи. Ануш полюбила всем сердцем Саро, но он оскорбил честь ее брата Моси, поэтому

она должна навсегда забыть своего возлюбленного. Этого требуют и брат, и отец. Наконец, этого требует честь всей семьи.

В «Ануш» действие развивается закономерно, по естественному ходу событий. Жизненно правдив психологический конфликт, возникший на почве нарушения старинных обычаев, установленных норм поведения.

В разработке образов армянский поэт часто достигает типизации и глубины при помощи отдельных штрихов, намечая лишь контуры психологического портрета. Такими штрихами, например, создан образ брата Ануш, пастуха Моси. Нет в поэме и подробной психологической характеристики Саро. Но стоит несколько вдуматься в те немногие строки, в которых говорится о переживаниях пастуха, чтобы перед нами предстал цельный образ сына гор с его простым и ясным душевным миром.

Прекрасной иллюстрацией высокого мастерства Туманяна может служить песня обезумевшей Ануш. С максимальной экономией слов, простыми средствами автор достигает в раскрытии трагического образа героини потрясающей глубины. Быстрая смена впечатлений, переходы от реальных ощущений к безумным грезам, бессвязная речь — все это психологически оправдано и глубоко верно рисует душевное состояние девушки.

В основе поэмы лежит глубокая человеческая трагедия. Туманян показывал мир невежества и темноты, мир горя и страданий, и делал он это с болью сердечной, полный безграничной любви к своему народу. Он не оправдывает Моси, когда тот, ослепленный эгоистическим самолюбием, следуя закону гор, убивает своего друга. Не оправдывает он в другой поэме и отца Маро, отвергнувшего свою несчастную дочь. Но вместе с тем Туманян и не осуждает их, считая жертвами неумолимого адата. Им тоже нелегко, они тоже страдают. В поэме исключительно важное место занимает пейзаж. В бесконечно богатом и разнообразном мире природы Туманян искал и находил красоту и гармонию. Природа была для него неиссякаемым источником вдохновения. Его поэтическое чувство каждый раз протестовало, когда он видел вырубленный лес, взорванные скалы, бессмысленно варварское разрушение природы.

Бесконечная влюбленность Туманяна в природу, обогатившую его мироощущение и воспитавшую в нем лирическое чувство, не могла не оказать влияния и на формирование его поэтического мирозерцания. Уже в раннем его творчестве имеются такие образцы пейзажных стихотворений, как «Две черные тучи», «Концерт», «Перед картиной Айвазовского». Но ни в одном из своих произведений Туманян не достиг такого совершенства, гармоничного слияния пейзажа с другими художественными элементами, как в поэме «Ануш».

Туманян далек от натуралистического восприятия природы. В его поэзии она никогда не служит простым фоном или украшением, не выступает в роли немой, равнодушной свидетельницы печальных событий. В прологе поэмы поэт обращается со словами приветствия к зеленым горам. Реки, горы, темные ущелья, поля и цветы под пером поэта оживают, обретают язык человеческих чувств. Вместе с ним оплакивают несчастную любовь горные цветы, «сердца и глаза которых были полны слезами-росинками» Добрые феи, красавицы пери «на крыльях ветерка, на лучах луны» поют грустную песню Ануш и, как только первые лучи озаряют вершины гор, прячутся в стволах толстых дубов, в синих струях родников, в пене волн летящей со скал реки.

Пейзаж в поэме Туманяна появляется не в форме лирического отступления, а как органическая, необходимая часть художественного целого, как непосредственное звено сюжетного развития. В отношениях героев поэмы к природе преобладает чувство близости к ней, теплоты непосредственного общения с нею. Девушки, шумной гурьбой с песнями идущие за водой, ведут как бы дружескую беседу с прозрачными струями родника, обращаясь к ним с сердечной тревогой: не видели ли они любимого, не напился ли он холодной воды и «не прошла ли боль в его груди?» И Саро в минуту тоски и одиночества обращается к родным горам, в которых видит он верных друзей, и рассказывает им о своем горе.

Творческая история «Ануш» свидетельствует о том, как долго и упорно работал Туманян над своими произведениями, как часто прибегал он к

тщательной переработке текста, иногда меняя всю структуру отдельных глав в поисках более экономной, точной формы и художественной выразительности. Для Туманяна характерна высокая требовательность к писательскому труду.

В поэме очень сильно песенное начало. В ней, как и в традиционной народно-музыкальной драме, повествование чередуется с песней. Хор горных фей в прологе, песня Саро, хор идущих за водой девушек, песня Ануш, хор девушек на весеннем празднике, снова песня Саро, песня прохожего странника и, наконец, песня обезумевшей Ануш. Песни и элегическое вступление, гармонирующее с трагическим финалом, обуславливают музыкальность поэмы. Эти особенности «Ануш» привлекли внимание композитора Армена Тиграняна, и он с большим воодушевлением принялся за создание оперы на сюжет поэмы Туманяна. Ее музыкальные достоинства облегчили задачу композитора, который опирался на богатые традиции армянской народной мелодии и достиг полной гармонии между текстом и музыкальной формой. Композитору удалось настолько близко подойти к истокам народной мелодии, что многие песни из оперы были восприняты широкой массой как собственные творения. «Ануш» Тиграняна стала первой армянской национальной оперой.

Думы о судьбе народа, мысли о его вековой борьбе за свободу и счастье привели Туманяна к армянскому героическому эпосу. Им овладело желание написать поэму, опираясь на богатую фольклорную традицию сказа о сасунских богатырях.

Эпический цикл «Давид Сасунский» складывался в течение многих столетий, но окончательно оформился в X веке. «Есть возможность утверждать, — пишет акад. И. А. Орбели, — что в том виде, как сложились основные моменты сказаний, вошедших в эпос, они получили оформление приблизительно тысячу лет тому назад: деяния мифических героев были приурочены к обстановке напряженной борьбы армянского народа с

арабскими завоевателями». В «Давиде Сасунском» древнейшие мифологические мотивы переплетаются с изображением реальных исторических событий. Его основное содержание составляет героическая борьба армянского народа с чужеземными поработителями за свободу и независимость родины. Сказ о сасунских богатырях отражает идеологию широких слоев народа, их стремление к созидательному труду, их желание жить в мире и дружбе с другими народами.

Армянский героический эпос в передаче народных сказителей распадается на четыре группы повестей о славных делах четырех поколений богатырей. Первое поколение сасунских храбрецов — Санасар и Багдасар, второе — Мгер старший, или Мгер, подобный льву, отец Давида; третье — Давид и, наконец, Мгер младший, которым и завершается эпический сказ.

Еще предшественники Туманяна пытались создавать литературные произведения на сюжет эпического сказа о Давиде Сасунском. Однако стоило появиться поэме Туманяна, как все более ранние попытки были забыты и его «Давид Сасунский» полностью овладел вниманием читателей.

Автор не увлекается заманчивой перспективой охвата эпического памятника в целом, со всей многосложностью и многоплановостью его идейно-сюжетного развития. Он ограничился определенным тематическим кругом, выделив, со своей точки зрения, наиболее важное и существенное, характеризующее народный дух эпоса. Темой для своей поэмы Туманян выбрал деяния Давида Сасунского, центральной фигуры эпического памятника. Давид изгнал врагов, восстановил армянское государство и остался в народной памяти благородным, бесстрашным богатырем.

В работе над поэмой автор стремился оставаться как можно ближе к народным вариантам, послужившим для него материалом и источником вдохновения. Отвергая и принимая отдельные эпизоды, Туманян, основываясь на изучении множества вариантов, правильно определял основные линии эпоса и создавал свои картины, не противоречащие идейной и художественной правде народной поэзии.

В соответствии с основным принципом своего творческого метода Туманян усилил исторические элементы эпического памятника, придав ему в целом реалистическое звучание. Этому немало способствует и язык поэмы, показывающий, как широко пользовался автор сокровищницей живой народной речи.

Не отрицая наличия исторических элементов в армянском эпосе, Туманян считал, что образ Давида Сасунского не является воплощением какого-либо армянского средневекового князя-нахарара. «Ошибаются наши филологи, — писал Туманян, — когда хотят ключом армянской истории отомкнуть большой замок армянского эпоса или национальным светильником хотят осветить его темные уголки, предполагая, что это дворец того или иного армянского князя или царя». В «Давиде Сасунском» Туманян видел «собирательный образ армянского народа», запечатленный в национальном эпосе. Последний представлялся поэту как огромный, освещаемый солнцем самобытный мир, где он искал выражение общечеловеческих идеалов.

В «Давиде Сасунском» Туманян, считаясь с эпическим характером сюжета, стремится к объективизации рассказа. Он последовательно излагает ход событий, не выражая ни своего восхищения, ни своего негодования. Тем не менее присутствие автора — патриота, демократа и гуманиста — постоянно ощущается, и это придает поэме особую теплоту и лиризм.

Демократизм автора с наибольшей яркостью проявился в описании кровавого боя. Когда Давид нападает на вражеское войско и начинает истреблять его, из среды солдат Мсра Мелика выступает вперед старик. Он говорит Давиду о том, что пришли они в Сасун не по своей воле, что они «бедные земледельцы и царь силой собрал и погнал» их на войну. «У нас нет вражды к тебе,» — говорит старик воин, — «Царь — твой враг, хочешь воевать — воюй с ним. Зачем избиваешь бедный народ своим мечом-молнией? И меч-молния богатыря повисает в воздухе,» — писал Туманян, поясняя идею своей поэмы. «Правду молвишь ты, старик» — отвечает Давид Сасунский, и, оставив простой народ, он поворачивает своего коня, направляя его к царскому шатру.

Основная тема поэмы — изгнание чужеземных завоевателей, борьба за свободу и независимость родины, но Туманяну чужда идея национальной исключительности. В солдатах противника он не видит врага. Виновники войны — это правящие верхи, цари, феодалы, жаждущие завоеваний и богатств ценою крови и страданий трудящегося люда.

Туманян всем сердцем сочувствовал справедливой, освободительной войне народа, он воспевал героизм Давида, идущего в бой с врагами родины. Вместе с тем он с гневом говорил о несправедливой, захватнической войне как о народном бедствии и выступал против поджигателей разбойничьих войн. Он утверждал, что подобные войны «всегда устраивались со стороны правителей стран, правительственных кругов и руками правителей... И всегда это делалось против воли и желания простого народа, трудящегося человека».

В годы первой русской революции национальный вопрос на Кавказе принял особую остроту. Перепуганное царское правительство не останавливалось перед жесточайшими мерами для того, чтобы подавить революционные выступления рабочих и крестьян. Но вместе с тем оно прекрасно понимало, что одними репрессиями невозможно остановить нарастающую активность масс. Самодержавие натравливало народы России друг на друга, чтобы расколоть силы революции.

В исторические дни революции 1905 года произошло спровоцированное царскими властями армяно-азербайджанское столкновение. Оно произвело тяжелое впечатление на М. Горького. «Бывая на Кавказе, — писал он, — я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринком и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и как трудно было поверить, что эти простые славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе».

Не хотел поверить этому и Туманян. Он боролся с национальной враждой. Он с белым флагом объезжал азербайджанские и армянские деревни, убеждая

крестьян не поддаваться провокации, сохранить добрососедские, мирные отношения между собою. Туманян, правильно оценив сущность кавказских событий 1905 года, писал с горькой досадой: «Занятые этой низкой и постыдной войной, мы оказались в стороне от освободительного движения в России». Тем не менее он имел полное основание гордиться тем, что сумел убедить поднявшиеся друг против друга народы «вложить мечи в ножны» и тем спасти многие тысячи жизней.

Активная общественная деятельность Туманяна, в особенности его участие в событиях 1905–1907 годов, привлекла внимание жандармерии, и за ним был установлен тайный надзор. 28 декабря 1908 года в квартире поэта был произведен обыск; он был арестован и посажен в Метехскую крепость.

В крепости Туманяном была написана сказка в стихах «Капля меда», явившаяся злой сатирой на царей и правителей. Автор показывает, как из-за случайного, ничтожного пустяка завязывается конфликт, который, все больше и больше разгораясь, приводит к невиданному кровопролитию. Автор изобразил войну как бессмысленное, страшное народное бедствие, приносящее много страданий и горя миллионам людей.

Туманян вынужден был высказать свои мысли в завуалированной форме. Тем не менее основная идея его сказки ясна. Она заключается в желании автора доказать, что войны можно было бы избежать, если б не цари и правители, которые по сути дела и являются виновниками кровавых событий. Туманян издевается над царями, произносящими высокопарные, лицемерные и фальшивые речи о причинах, заставивших их взяться за оружие. Не менее ярко в сказке Туманяна выражена мысль о том, что простому народу война вовсе не нужна.

В тюрьме, в день своего сорокалетия, Туманян написал стихотворение «Перевал», в котором как бы подводил итог пройденному жизненному пути. Шестимесячное пребывание в Метехской крепости не сломило волю поэта. Он спокойно и уверенно смотрит в будущее.

После освобождения Туманян с новой силой и творческой энергией отдался литературной работе.

Редко кто из армянских писателей, начиная с родоначальника новой армянской литературы Абовяна, не занимался педагогической деятельностью. Абовян писал о народной жизни и для народа. Но трудно было ему довести свое пламенное слово до широкого читателя в силу царившей в Армении неграмотности. И, продолжая свои литературные занятия, Абовян со страстным рвением отдался делу народного образования. Распространение грамотности, пропаганда просвещения, создание народных школ стали для Абовяна делом жизни.

Агаян, учитель и друг Туманяна, также вошел в историю армянской педагогической мысли как один из передовых деятелей народного просвещения.

После Агаяна лучшими произведениями для детей Армения обязана Туманяну. Стихи армянского поэта, написанные для самых маленьких читателей, привлекли внимание П. Г. Тычины, который с любовью и большим талантом перевел их на украинский язык. Из разнообразного и богатого наследия Туманяна украинский поэт намеренно выбрал именно детские стихотворения. Тычина отметил особое умение Туманяна говорить с детьми о понятных и близких им предметах простым и ясным языком. «А как он умел беседовать с детьми! — пишет Тычина о Туманяне. — Его стихи для детей, его сказки, рассказы — это настоящие жемчужины мировой поэзии».

1910–1916 годы были периодом кипучей литературно-общественной деятельности Туманяна. Он становится инициатором и активным членом целого ряда культурно-просветительных обществ, постоянно выступает в печати.

Чувствуя отвращение к буржуазно-националистическим группировкам, Туманян не мог примкнуть ни к одной из них. Не находил он и такого печатного органа, который целиком отвечал бы его демократической позиции, а потому вынужден был сотрудничать в разных газетах и журналах. Так,

например, с конца 1909 года армянский поэт выступал на страницах издававшейся в Тифлисе ежедневной газеты «Оризон» («Горизонт»), которая фактически стала трибуной буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн».

Сотрудничество Туманяна в этой газете явилось в известной мере случайным эпизодом в его биографии и не характеризует общественную позицию Туманяна. Недаром он по поводу своего участия в «Оризоне» писал, что это было не его место и он там чувствовал себя «только гостем». Однако это формальное сотрудничество, по-видимому, послужило поводом к тому, что 7 ноября 1911 года Туманян был вторично арестован. Около месяца пробыл он в Метехской крепости в Тифлисе, а затем по этапу был отправлен в Петербург, в Дом предварительного заключения. Туманяна обвиняли в причастности к буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн». Более четырех месяцев длилось судебное разбирательство, и лишь 22 марта 1912 года Туманян был освобожден.

После недолгого пребывания в Петербурге и Москве, в апреле 1912 года Туманян вернулся в Тифлис. Осенью того же года по его инициативе в Тифлисе было организовано Кавказское содружество армянских писателей, бессменным председателем которого он был в течение многих лет.

В эти годы армянский поэт продолжал активно выступать в печати. В статьях на историко-литературные темы он говорил о процессе постепенного освобождения литературы от опеки царей и меценатов и искренно сожалел, что Гете бывал при дворе, что Фирдоуси был певцом Махмуд-шаха, что Руставели воспевал царицу Тамару.

Туманяну больше по сердцу поэты, которые были с народом, «воспевая его горе», которые «воодушевлялись его мечтами, выбирали своих героев из его среды». Он приветствует литературу, в которой «вместо царской мантии появилась повседневная одежда простого человека, вместо дворцовой драпировки и парков раскинулась свободная природа и вместо напыщенных

трескучих фраз начал господствовать народный язык со своими живыми оттенками, строгим стилем и прозрачной ясностью».

Армянского поэта привлекали имена великих гуманистов Шекспира и Сервантеса, в творчестве которых он видел победу разума над предрассудками и невежеством средневековья. Эти имена в условиях первой мировой войны стали для Туманяна знаменем в борьбе за мир и дружбу народов. «Этот день спешит навстречу страдающему человечеству как символ международного единения, — писал Туманян в 1916 году к 300-летию со дня смерти Шекспира и Сервантеса, — как свидетельство того, что народы шлют друг другу не только разрушающие снаряды, но и все самое возвышенное, о чем может мечтать человек; что есть у народов священные связи, крепкие и нерушимые даже тогда, когда рвутся и попираются договоры, скрепленные королевскими печатями». Туманяну особенно дорога была мысль о «нерушимой, крепкой, священной» связи между народами. Шекспир и Сервантес и подобные им гиганты художественной мысли, по утверждению Туманяна, скрепляют, делают прочной эту «священную связь», общность высоких духовных интересов и конечных целей, помогая всем передовым силам человечества объединиться в борьбе за мир и счастье народов.

«Шекспир и Сервантес, Гамлет и Дон-Кихот! — это они освободили человеческую мысль от... средневековой мистерии... — писал армянский поэт, — вывели искусство и литературу за стены дворцов и монастырей, в просторный и необъятный солнечный мир». Для Туманяна с его широкими демократическими взглядами было особенно важно отметить великое освободительное значение творчества Шекспира и Сервантеса, указать, что благодаря им литература вырвалась из затхлой атмосферы монастырей и дворцов в «солнечный мир», что они «развенчали перед народами их властелинов и раскрыли перед ними человеческую душу».

В выступлениях на литературные темы Туманян уделял большое внимание вопросам языка. Спор о языке имел для него практическое значение. Для Туманяна, стоявшего на демократических позициях, признававшего творцом

языка народ, живой, разговорный язык в развитии литературы должен был занять особо почетное место. Туманян боролся против тех, кто ревностно защищал «чистоту» книжного языка, и тех, кто стоял на реакционно-консервативных позициях и с пренебрежением относился к народной речи. «Нашим могучим и живым литературным языком,» — говорил Туманян, — «Будет слияние народных наречий, «грабара» (языка древнеармянской литературы) и существующего ныне литературного языка». Положение это не явилось для Туманяна лишь теоретическим рассуждением; оно уже было проверено и оправдано жизнью самой литературы. "Ваан Терьян первый правильно определил место и значение Туманяна в развитии языка литературы: «Туманян сейчас довел свой язык до такой степени кристаллизации и ясности, — говорил Терьян в 1914 году, — что приблизил его к языку Пушкина. Это и следует считать одной из величайших заслуг Туманяна».

Терьян этим хотел подчеркнуть особо важную роль Туманяна в развитии армянского литературного языка. Характер языка Туманяна, его богатство и культура были обусловлены теми большими сдвигами, которые произошли в армянской литературе в конце XIX — начале XX века. Именно в этот период значительно обогащается словарный состав литературного языка, усиливается процесс растворения диалектов в едином общенациональном языке.

Туманян жил широкими общественными интересами. Не было ни одного животрепещущего, жизненно важного вопроса, мимо которого он прошел бы равнодушно. Вопросы о будущем Армении, проблема мирного сосуществования и дружбы народов Кавказа, вопросы народного просвещения, искусства и литературы — все глубоко волновало Туманяна. Чем глубже проникал Туманян в тайники жизни, тем больше росла в нем тревога за судьбу народа, тем настоятельнее он искал выхода из окружающего его мрака. Он сознавал противоречия социальной действительности, был свидетелем безотрадной, темной жизни крестьянских масс, видел произвол, жадность и жестокость сильных, богачей, правителей. Он видел войны и

разорения, бесчисленные раны народа. Туманян не мог не отрицать эту действительность и прекрасно понимал, что так жить нельзя. В поисках выхода обращался он иногда к прошлому, где искал мир и гармонию, где искал нравственные идеалы. Но и тут поэт сталкивался со страшными диссонансами жизни. Тогда мысль его обращалась к будущему.

Выработанный им социальный идеал нашел яркое отражение в его сказке «Золотой город». В ней поэт рисует картину всеобщего счастья, где миру «зла и горя» противопоставлен «золотой город», в котором нет хозяев и рабов и все живут спокойно, наслаждаясь плодами своего труда.

Мирный созидательный труд Туманян считал основой будущего, разумного общественного строя, но он не указывал конкретных путей достижения конечной цели. Правда, в творчестве его сквозит порой мысль о стихийном возмущении народа.

Уже в ранней поэме Туманяна «Стенания» появляется тема народной борьбы. Она присутствует и в его легенде «Шах и разносчик». В ней Туманян говорит: «Пока существует шах и пленник, хозяин и раб, не быть на земле ни правдивому слову, ни жизни, ни любви...» П. Тычина, сопоставляя легенду Туманяна с «Прогулками по Риму» Стендаля, в которой «римские ремесленники... дают сдачи, когда их бьют», писал: «Дают сдачи злобному шаху и армянские бедняки, невзирая на то, что одного из них шах мечом зарубил». Мотивы стихийного протеста несомненно составляют одну из самых сильных сторон творчества армянского поэта.

Туманян искренне верил, что проповедью идеи мира и братства можно достигнуть всеобщего счастья на земле. Перед первой империалистической войной, в раскаленной атмосфере ожесточенной борьбы, когда надвигались грозные события, Туманян взывал к человечности, обращаясь к людям различных партий и направлений. Он горько жаловался на то, что люди слишком окаменели, слишком привыкли к желчи и ненависти. «Неужели останется для нас чуждым и недоступным светлое чувство любви,» — говорил Туманян, — «Неужели не можем мы сблизиться друг с другом, смотреть друг

на друга глазами добра, видеть друг в друге хорошее?» И когда его слова о братстве и любви, подобно «гласу вопиющего в пустыне», повисали в воздухе, Туманян глубоко скорбел.

Слабость мировоззрения Туманяна была в том, что он ясно не представлял перспектив реального выхода, не сразу оценил значение растущей новой социальной силы в лице пролетарского революционного движения, способного открыть путь к светлому будущему.

В годы первой мировой войны Туманян не оставался в стороне от грозных событий. С группой литераторов и общественных деятелей он дважды побывал на фронте. В письмах к друзьям поэт делился тяжелыми впечатлениями: он видел разрушенные деревни, видел обезображенные тела убитых, был свидетелем невиданных страданий народа. Война повсюду сеяла смерть и разрушение. В Армению хлынул огромный поток беженцев. Тысячи людей умирали с голоду, и тысячи сирот остались без крова и хлеба. Туманян прилагал огромные усилия, чтобы облегчить участь пострадавших: он организовывал помощь раненым, беженцам, принимал деятельное участие в устройстве приютов для сирот.

В эти годы Туманян пишет свои «Четверостишия».

Редко кто из армянских поэтов обращался к этому труднейшему жанру, требующему максимальной экономии слов, до предела сжатых, строгих форм. В «Четверостишиях» нашли отражение переживания и размышления Туманяна последнего периода его жизни, его тяготение к философским обобщениям. В этом смысле они являются «биографией души» автора. Их можно рассматривать как определенный этап в развитии лирики Туманяна, но не как синтез всего его творчества.

Эти поэтические миниатюры написаны преимущественно во время первой империалистической войны и в период недолгого, но кровавого господства в Закавказье буржуазно-националистических партий. Ужасы войны, жестокость, кровь и слезы невинных, толпы беженцев, голодные дети,

безутешное горе матерей, потеря любимого сына во многом определили содержание и скорбный характер «Четверостиший». В них отразились глубоко волновавшие поэта грустные события личной и общественной жизни. В них явственно видна смятенность чувств Туманяна.

В «Четверостишиях» нашли выражение и социальные воззрения Туманяна. В них поэт предаётся тяжёлым раздумьям, философским размышлениям о мире, о путях человечества, о цели существования, о жизни и смерти. Он мечтает о «тихом уголке, безмятежном сне младенца, спокойном и мирном существовании человечества». «Четверостишия» раскрывают богатый душевный мир, благородное сердце поэта-гражданина.

Скорбные мотивы «Четверостиший» не характерны для оптимистического и жизнеутверждающего в целом творчества Туманяна. Поэт обладал большой силой внутреннего мужества. В нём было развито живущее в сознании народа здоровое чувство оптимизма. «Поднялась буря, — писал он в дни первой империалистической войны, — за тяжёлым чувством последовали страшные потрясения и смятения, но и это пройдет, вновь взойдет яркое солнце и улыбнется мирный день... После нынешней войны с невиданной силой и глубиной встает проблема мира во всем мире».

В чем же видел Туманян источник взаимного недоверия, столкновений, вражды между народами, в частности между народами Кавказа? Они, по утверждению армянского писателя, жили бы спокойно и мирно, если бы господствовавшие классы не отравляли сознания масс. Туманян был глубоко убежден, что национализм не только антинародное явление, но что он вообще чужд широким массам.

В 1918 году, когда в Закавказье хозяйничали буржуазно-националистические партии, когда подняли голову силы реакции, подстрекаемые и поддерживаемые английскими интервентами, Туманян указывал на единственно правильный путь — солидарность народов Кавказа с новой Россией в великой освободительной войне.

Победу социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества, поэт горячо приветствовал как зарю новой жизни. В завоеваниях Великого Октября Туманян видел осуществление вековых чаяний армянского народа. «Идет власть,» — говорил он в 1921 году, — «Которая должна навсегда покончить с кровью и разорением, создать вечный мир для народов. О такой власти в течение многих веков мечтало трудящееся человечество... эта власть ведет народы не на войну и убийство, она несет им мирную и спокойную жизнь, основанную на честном труде...»

Туманян осознал всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Он горячо приветствовал Советскую Россию, которая навсегда покончила с миром рабства и указала угнетенным народам путь к освобождению. «Малые страны, — писал поэт в 1920 году, обращаясь в Революционный Комитет Армении, — это источник наживы для алчных, бесстыдных и могучих империалистических держав. Новая Россия выводит эти страны из рабского состояния, открывает новую эру в истории человечества...» И поэт призывал все народы «крепко, в меру своих сил, помогать только что вставшему на ноги русскому богатырю».

Когда в 1919 году многонациональный Кавказ, следуя примеру русского народа, поднял знамя борьбы за власть Советов, поэт был всем сердцем на стороне революционного народа. Туманян всегда верил в возрождение своей страны. Еще в 1915 году он ощущал дыхание грядущих бурь и воспевал светлый час освобождения родины:

В одеждах пламенных придет заря грядущих дней,
И будут сонмы светлых душ — как блеск ее лучей.
И жизни радостной лучи улыбкой озарят
Верхи до неба вставших гор, священный Арарат...

Туманян стал свидетелем тех исторических дней, когда освобожденный русский народ протянул Армении братскую руку помощи и она стала Советской Социалистической Республикой.

Осенью 1921 года по приглашению правительства Советской Армении с группой литераторов Туманян посетил Ереван с горячим желанием принять непосредственное участие в строительстве новой жизни.

Возвратившись в Тифлис, Туманян по приглашению Комитета помощи Армении, председателем которого состоял, поехал в Константинополь. Вернулся поэт из заграничной поездки совершенно разбитым и больным. Более двух лет он был прикован к постели. В это время он взялся за переработку некоторых своих произведений, его волновали и новые темы, он мечтал вернуться к своей сказочной поэме «Тысячеголосый соловей». Однако тяжелая болезнь помешала осуществлению широких творческих замыслов.

После операции, в марте 1922 года, состояние Туманяна на некоторое время улучшилось, но ненадолго. Осенью ему стало хуже. В декабре 1922 года, по решению правительства Советской Армении, он отправился за границу на лечение. Однако состояние Туманяна было настолько тяжелым, что, когда он приехал в Москву, врачи не решились отправить его дальше. Были приложены все усилия, чтобы спасти больного поэта, но сделать ничего не удалось. 23 марта 1923 года Туманян скончался.

Туманян прошел долгий, сложный путь. В нем никогда не угасала вера в народ, в его созидательную силу, в его способность бороться за справедливые основы жизни.

Вглядываясь в глубину веков, мысленно обозревая более чем двухтысячелетнюю историю своей родины, Туманян мечтал о времени, когда
...утро вспыхнет зарей

В армянских горах,

Зеленых горах...

В его мудрой, мужественной поэзии, выражаясь языком его стихов, «радостью грядущих славных дней звенели струны вдохновенно...»

Неувядаемая поэзия Туманяна и ныне служит советскому народу, его великому созидательному труду, его неуклонной борьбе за мир и дружбу народов.

К. Григорьян

Стихотворения

ПРОЛОГ

© Перевод М. Петровых

О горы, я вновь смятеньем объят.
Предчувствуя вас, ликует душа.
Очнулись мечты, раздольем дыша,
К вам, гордые, к вам влюбленно летят.

Грустишь в небесах, родная краса!
На кручах, как скорбь, темны облака.
Как туча, тяжка на сердце тоска.
К вершинам летят души голоса!

Ты вновь предо мной, отчизны печаль.
Младенческих дней наставница ты.
Смущала покой, будила мечты
И властно звала в заветную даль.

Вы чудитесь мне, родные края:
То голос тоски на сотни ладов.
К тебе я, к тебе на горестный зов
Всем сердцем стремлюсь, отчизна моя!

Не песен весны живую красу
Иль свежий цветок — родная страна.

Лишь стоны мои тебе принесу,
Ущелья твои заполню до дна.

Вы, бездны, темны и ночью, и днем.
Как раны страны на сердце моем.
И вас поразила громовой удар.
Вам песни несусь, примите мой дар.

Откликнитесь мне, померьтесь со мной
Бездонных теснин глухой глубиной.
О! правда ли так они глубоки,
Как бездны моей бессонной тоски?!

1890

СТАРИННОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

© Перевод Б. Серебряков

Там, под орешником, развесившим листву,
На корточках, по старшинству
В кругу почетном восседаю,
Обычай соблюдая,
Смеялись, пили
И шутили,
Вели беседы длинные за чашей
Хозяева села — отцы и деды наши.

Мы — трое школьников — стояли тут же рядом,
Сняв шапки, с любопытным взглядом,
Сложивши руки на груди покорно.
Ребячески задорно

Мы пели песни, громок был их звук,
Отцов и дедов радовался круг.

Но вот мы кончили. Тогда,
Крутя усы, поднялся тамада,
За ним, поднявши чаши налитые,
Все остальные.
Сказали нам: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас...»

Прошли года. Не сосчитать потерь...
И песни наши горестней теперь.
И, настоящее слезами орошая,
Я понял, почему, благословляя,
Нам говорили старшие в тот час:
«Живите, дети, но счастливей нас...»

О, вы, давно почившие! Мир вам!
Все ваши горести близки теперь и нам,
И ныне, скорби час иль радости встречая.
Детей своих в дорогу провожая,
Как вы, мы говорим: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас...»

1887

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

© Перевод М. Павлова

Наши, мой плуг, — до темноты
Должны мы пашню побороть,

Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

Тяни же, вол, пришел твой срок,
Паши, трудись, мой верный вол.
Эй, подхлестни кнутом, сынок,
Чтоб черный день от нас ушел!

Заимодавец вгонит в гроб,
И староста грозит избить,
Молебен отслужил нам поп,
Сказал, что мы должны платить.

Вчера за податью пришли,
А чем платить? Ведь я сам-друг...
Что снять могу с клочка земли?
Паши, паши, мой верный плуг!

Уходят силы день за днем.
Здоров ли, нет, — трудись, как вол,
А малолеток полон дом,
И каждый голоден и гол...

Паши, мой плуг, — до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

© Перевод Н. Адамян

Блаженство обещала мне надежда.
Но не нашел его я до сих пор,
И, ободренный обещаьем тщетным,
Вступил напрасно с трудной жизнью в спор

Казалось мне — ждут люди с нетерпением
Прихода моего, ждут слов моих, идей.
Что встречу я любовь и вдохновенье,
Что совесть, честь живут в сердцах людей.

Мгновенная мечта рассеялась так скоро,
Подобно быстрому, пустому ветерку,
И вот повержена, как челн, что, бросив море.
Плыть захотел по зыбкому песку.

Да, ты пришел. Но правит этим светом.
Как прежде, свой, незыблемый закон.
Под маской лжи великий благодетель
Оружьем тайным вновь вооружен.

Вот недугом смертельным пораженный,
Плащом невинности и святости покрыт.
Толпа приверженцев его неугомонно
Делам позорным фимиами кадит.

Здесь тысячи невинных душ гонимы
По воле необузданных страстей.
Здесь, с разумом людским несовместимо,
Прав навсегда сильнейший из людей.

Злорадствуя, ликуя, пресмыкаясь,
Ватага жадная без сердца, без основ
Кишит, шумит, трибуны занимая
Как предводитель мыслей и умов.

Вот голоса́ и крики ликования,
Как эхо злобных, яростных речей,
Какое выразить хотят они желанье,
Бичи народа, горе всех людей?

Чего вы жаждете? Чтоб пал, погиб достойный?
Хотите лучшего нещадно растоптать?
Всё для того, чтоб свой кусок спокойно
Имели хлеба вы. Хотя, как знать,

Быть может, мрак возвел вас в сан высокий
Тиранов разума, губителей умов,
И мните вы в безумии глубоком,
Что обратили всех в своих рабов?

Несчастные! Смотрите — перед вами,
Не посягая, нет, на ваш кусок,
Дитя простое разума и знания
Рассвета ждет. Желанный близок срок.

Блаженство обещала мне надежда,
Но пусть ко мне блаженство не придет,
Я не грущу. Одна мечта, как прежде.
Еще ведет меня всегда вперед.

Вперед, борясь! Я знаю — день настанет
И настоящее падет, как черный сон,
А на обломках горделиво встанет
Грядущее в сиянии знамен.

1889

УЖ НЕ ВЕРНУТЬ

© Перевод Р. Ивнев

То чувство выжжено дотла.
Которым ты пренебрегла.
Оно со вздохом улетело.
Теперь то место опустело

Уж не взывай, не плачь, мой друг, —
От слез твоих проснутся вдруг
Печальные воспоминанья,
Но поздно воскрешать желанья.

21 апреля 1890

«С горных высей стремится ручей...»

© Перевод К. Бальмонт

С горных высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни он бьется,
И журчит, и ворчит, и смеется,
И звенит под сияньем лучей.

Сочетанию радостных звуков
Лес кругом слабый отзвук дает, —
Так старик еле внятно поет.
Слыша звонкое пение внуков.

Но безмолвствует вечный утес;
Наклонившись громадой угрюмой,
Он охвачен загадочной думой.
Он исполнен неведомых грез...

1890

ПЕРЕД КАРТИНОЙ ХУДОЖНИКА
Г. БАШИНДЖАГЯНА^[3] «ДЗОРАГЕТ^[4] НОЧЬЮ»

© Перевод Э. Александрова

Ущелье это в грозной красоте
Изобразил ты живо на холсте.
Поистине, душою исполин
Ты, охвативший мощь родных вершин.
Задумчиво застывших под луной,
И блеск реки, вскипающей волной.
И звездное сияние небес,
И сонный сумрак, скрывший всё окрест.
Гляжу — немym покоем ночь полна...
В моей душе такая ж тишина.

Но что это? В ущелье, одиноко,
В глубокой мгле мерцает огонек, —
Там хижина стоит среди камней.
Ты знаешь ли, кто обитает в ней?
О нет, не знаешь ты! Когда б, на миг
Ты в душу заглянув к нему, постиг,
Какая буря затаилась там, —
Тогда б покоя не дал ты сердцам!

1890

СО ЗВЕЗДАМИ

© Перевод В. Звягинцева

Звезды, звезды! Вы

Очи синевы.

Ярок средь ночей

Светлый смех лучей.

Под улыбкой звезд

Я ребенком рос;

Я скакал, резвясь,

Как и вы, смеясь.

Так же в вышине

Светите вы мне

В час, когда теперь

Плачу от потерь.

Над моей простой

Гробовой плитой

Так же с синевы

Улыбнетесь вы.

1890

«Любуюсь бледных роз игрою...»

© Перевод Р. Ивнев

Любуюсь бледных роз игрою,

Что на щеках твоих зажглась,

И меланхолией покоя

Двух черных и глубоких глаз.

Глубинам сердца лишь известно

О тайне той — любви моей,
И никогда в стихе и песне
Я миру не скажу о ней.

Но и хранить ее не властен,
В себе носить ее нет сил,—
Как не сказать об этом счастье,
Не рассказать, как я любил!

18 марта 1892

НЕ ПРОСИ МЕНЯ

© Перевод Н. Сидоренко

Не проси меня, не воспою
Я печаль безмерную свою, —
Отшатнется прочь твоя душа,
Увидав до дна всю боль мою...
Милый друг, ты не проси меня, —
Не спою тебе про это я!

Раз в горах пропел я те слова —
И завяли розы и трава!
Голая пустыня там легла,
Вздохами иссушена, мертва...
И в горах, где серый пепел лег,
Уж теперь не расцветет цветок!

Ветерки и аромат земли,
Зори золотистые вдали
Мне нужны, — ведь песню для тебя

Я сплету из них, а ты внемли...
Только не поется! В сердце — ночь.
Пламень скорби гонит радость прочь.

1892

«Грусть свою я принес из родимой страны...»

© Перевод Н. Адамян

Грусть свою я принес из родимой страны,
Ею песни мои неизменно полны.
Ею лира моя и сегодня горда,
В ней одной обретаю я крылья всегда.
И никак вам понять и постичь не дано.
Что с любовью ту боль я встречаю давно...

И в часы ваших шумных пиров, за столом
Поднимая заздравную чашу с вином,
Я рыдаю, но слезы не льются из глаз,
Плачет сердце мое незаметно для вас,
Ну, а песня... Не слышите вы, как она
Стонет, скорби полна: «О, родная страна...»

<1893>

У СКЛЕПА Н. БАРАТАШВИЛИ^[5]

© Перевод О. Румер

Утешься, Грузия! В заветный этот миг
Что омрачило так твой мужественный лик?
То, что безмолвный прах увидела ты вновь
Певца, снискавшего в душе твоей любовь?

Иль тьма глубокая могилы дорогой
Смутила тяжко дух осиротелый твой?

Да, своего певца вновь похоронишь ты,
Но им зажженные все чувства и мечты
Гореть останутся, — для них кончины нет.
Покуда над землей сияет солнца свет.
И, верь мне, некогда в их пламени сгорит
Всё бремя мук твоих и горестных обид.

Тебе же, родины-страдалицы певец.
Обретший вечную могилу наконец,
За всё, что вынес ты мятежною душой.
Пусть небо ниспошлет заслуженный покой.

1893

ПЕРЕД КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКОГО

(Экспромт)

© Перевод В. Брюсов

Восстав, в океане неистовость вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот.
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря безбрежный, безгранный простор
Одевает, как в дым,
Дуновеньем своим.

«Ни с места!» — воскликнул — палитра в руках —
Старик чародей, и взмутившийся прах
Покорен, слышавши гения зов;

И, в бурю, безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне.

1893

ДВЕ ЧЕРНЫЕ ТУЧИ

© Перевод И. Тхоржевский и А. Тхоржевская

С зеленого трона спокойной вершины,
Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
Гонимые бурен, по краю стремнины
Две тучки печальные мчались вперед.

Но даже и буря, в порыве жестоком.
Одну от другой оторвать не могла,
Хоть злобой дышала и в небе широком
Их, с места на место бросая, гнала.

И вместе, всё дальше, по темной лазури,
Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь,
Гонимые злобным дыханием бури,
Две тучки, две грустные тучки неслись.

1894

«Если время придет и ты...»

Перевод Н. Адамян

Если время придет и ты
Этот холм посетишь, мой друг,
Хорошенько всмотришь в цветы,

Распустившиеся вокруг.

Не ветрами и не дождем
Семена их занесены,
И не щедрой рукой весны
Разукрашен мой новый дом.

То — неспетые песни, друг,
Что я в сердце с собой унес.
Славословья любви, что вслух,
Умирая, не произнес.

Поцелуи мои, что я
Шлю из горнего мира той,
Для которой в мои края
Путь закрыт гробовой плитой.

1894

НОЧЬ

© Перевод С. Мар

Ночь избавление дарит
От слез, мучений и тоски.
И горы изменили вид
И стали призрачно легки.

Все охватил глубокий сон,
Спят люди, звери. Тишина.
И, освещая небосклон,
Плывет торжественно луна.

И над Сипаном^[6] диск повис,
 Мерцая светлым серебром,
И он глядит безмолвно вниз
На грустный мир, объятый сном.

 Сереброкудрою струей
 Лучи прохладные текут
И, распыляясь над землей,
 Дремоту сладкую несут.

Но край несчастный мой лишен
 Отдохновения и сна,
 И полон ужасами он:
 Скрывает муки тишина.

Кто будит сумрак гробовой.
 Не устает рыдать, стонать?
Чей вопль мешается с мольбой?
 Увы, всего не рассказать!

Там путник занемог в пути,
Прихода смерти в муках ждет;
 Отцу покоя не найти, —
 Он дочь умершую зовет.

И старца стон в тюрьме сырой,
И стон страдальцы во мгле.
 И гибнет юноша-герой.
Отдавший жизнь родной земле.

Ночь над Арменией темна,
Вокруг необорима тень.
Когда ж рассеется она
И засияет новый день?

1895

СТРАННИКИ

© Перевод С. Городецкий

Моя прошлая жизнь, с нею прошлый мой год —
Два седых старика, ослабевших, недужных, —
К дальней вечности путь свой держали вперед,
В задушевном раздумье, в беседах содружных

«Я взрастил благовонный, сияющий сад,—
Первый вымолвил так, обращаясь к второму, —
Животворный струили цветы аромат, —
Все цветы расточил я по миру людскому».

И ответил второй: «Много чувств, много сил,
Много было во мне вдохновенья святого.
Как и ты, я всё отдал и всё расточил
В песнопеньи любви, в светлой щедрости слова».

Первый снова сказал: «Но в долине людской
Я оставил и холод, и сумрак, как прежде». —
«Я оттуда ушел, — так ответил другой, —
И тоскуя душой и не веря надежде».

Первый громко сказал: «Вновь настанет расцвет,
И покроется снова долина цветами!»
Но другой ничего не промолвил в ответ.
И к дороге своей он поникнул глазами

Так вся прошлая жизнь, так и прошлый мой год —
Два седых старика, ослабевших, недужных, —
К близкой вечности путь свой держали вперед
В задушевном раздумьи, в беседах содружных.

1897

ДОЛГИЕ НОЧИ

© Перевод Р. Ивнев

Бессонница томит меня в постели,
Лежу и тщетно жду прихода сна,
И мысли мрачные мной овладели,
И эта ночь особенно длинна.

Ах, были дни, еще совсем недавно,
Мир нежно, точно мать, меня ласкал,
Познал тогда я дни восторга явно
И мрак ночной меня не угнетал.

Любовь прошла, развеялись мечтанья.
Нет бодрости и силы прежних дней.
Настали дни глубокого страданья,
И ночи кажутся теперь длинней.

Бессонница теперь меня терзает,

В своей постели мучаюсь без сна.
Ночь бесконечна, всё не рассветает, —
Как долго, долго тянется она!

1897

ГРУСТНАЯ БЕСЕДА

© Перевод Я. Кейхауз

В печальном сумраке ночном
Бессонны я и скорбь моя.
Хотим припомнить мы вдвоем.
Как с нею повстречался я.

«Скажи мне, скорбь, моя родня,
Товарищ неразлучный мой,
Из-за чего, с какого дня
И как связалась ты со мной?..»
И, вспоминая в тишине.
Она рассказывает мне:

«Давным-давно, коль хочешь знать,
Смотря на колыбель твою
И тихо плача, пела мать
Уныло „баюшки-баю“.
И в сердце детское твое
Вошла я с песенкой ее.

Ты был когда-то очень мал —
Не больше сына своего —
И с хилым сверстником играл.

Он сиротою был. Его
Все колотили, не любя.
С тех пор узнала я тебя.

Однажды, дверь загородив.
Хозяин должнику грозил.
Бедняк, отчаявшись, чуть жив,
У неба помощи просил:
„Спаси, о боже! Нет житья!“
С тех пор я спутница твоя.

Пришел раз человек с сумой,
Держа ребенка под тряпьем:
„Нас гонят прочь с земли родной.
Так пожалей, молю Христом!
Дай нам погреться у огня“.
С тех пор и знаешь ты меня.

Теперь уже не вспомню я,
Кто это был: твой верный друг.
Возлюбленная ли твоя,
Которой ты любим, — но вдруг
Надежда навсегда ушла.
С тех пор тебя я обрела.

Увянув от забот и дел,
Угасла милая, бледна...
Сквозь слезы долго ты глядел
На гроб любимой, но она
Навеки скрылась под землей.

С тех пор сдружилась я с тобой».

В печальном сумраке ночном
Бессонны я и скорбь моя.
Хотим припомнить мы вдвоем,
Как с нею повстречался я.
И долго речь ее течет,
И бедствиям потерян счет.

1898

«Прошла, о боже, дымом жизнь моя!...»

© Перевод Ю. Верховский

Прошла, о боже, дымом жизнь моя!
Иссохли кости — сжег их полдень жгучий.
Иссякло сердце. Пал, подкошен, я,
Свой путь забыл от скорби неминучей.

Мой хлеб — укор людей чужих;
Мой отдых — на путях изгнаний;
День полон злых вестей и криков злых;
Ночь до утра полна глухих рыданий.

Томился я, как филин средь руин.
Как воробей на крыше — одиноко.
О боже! Я бессилен, я один...
Ужели час спасения далеко?

1898

ПЕРЧУ ПРОШЯНУ^[7] — НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ

© Перевод А. Гатов

К сорокалетию его литературной деятельности

Земля армян, наш край родной,
Землею бедствий был века.
Сравнил бы их с Масис^[8]-горой,
Горой, ушедшей в облака.

Писал в мучительной тоске
О ранах родины поэт^[9], —
И сорок лет с пером в руке
Всегда ты шел ему вослед.

К крестьянам ты входил как друг.
Ты знал их горестный удел,
О бедах хижин и лачуг
Поведать людям ты сумел.

Заслужен твой венец! И вот
Посланцы родины идут —
Тебя благодарит народ
За твой большой, священный труд.

Певец, твое бессмертье в нем.
Твой дар — могучий дар творца,
Который трепетным огнем
Воспламеняет нам сердца.

1899

«Ты почему меня забыл?..»

© Перевод Н. Адамян

«Ты почему меня забыл?» —

Я слышу девушки укор.

«Ты почему про нас забыл?» —

Пожаловались кручи гор.

Ах, вы не сетуйте, друзья,

Что я вас больше не пою.

Душою изменился я,

Боль истомила грудь мою.

«Мы исцеление найдем», —

Сказала девушка, любя.

Сказали горы: «Мы снесем

Твое страданье за тебя».

О нет, красавица, любви

Уж больше сердца не спасти.

Вам, горы милые мои,

Моих страданий не снести.

Ах, боль таю, но как мне быть,

Чтоб эту боль другой постиг?

Глубоко сердце — не открыть.

Глубоко сердце. Нем язык.

1900

РОПОТ

© Перевод Р. Ивнев

Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

Я их похоронил. О, путь жестокий!
Я стал чужим в родной стране моей.
Иду, томясь, как путник одинокий,
Без крова, теплой ласки и друзей.

Те, кто вокруг, меня не понимают,
Им чужд язык мой, скорбь моя тяжка,
О лучшем дне они и не мечтают,
Им по нему неведома тоска.

Ничтожная толпа, тупое стадо,
Трусливые лжецы и торгаши,
От вашего всё увядает взгляда:
Улыбка, вера и полет души.

Так перед кем же сердце я открою,
Кому спою о горечи моей?
И для кого пожертвую собою?
Возможно ль жить на свете без друзей?

Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих

Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

16 августа 1902

НАШИМ ПРЕДКАМ

© Перевод Н. Павлович

Певцы былые! Чуть блеснул рассвет,
Счастливые, вы песнь свою слагали,
Вы видели предел армянских бед,
Живой мечтой народ свой утешали.

О благородной родине своей
Вы пели, хоть она томилась пленной,
Но радостью грядущих славных дней
Звенели ваши струны вдохновенно.

А вот сейчас растерзана страна
И с нею сердца нашего святыни.
Мечта — мираж. Рассеялась она
И не обманет больше нас в пустыне.

Чуть возмужав, мы головы клоним,
Увяли мы, умолкли в сердце звуки.
Ни божества, ни песен не храним,
И лиру выронили руки.

1902

В АРМЯНСКИХ ГОРАХ

© Перевод Н. Сидоренко

Нелегко был путь, полночный наш путь...

Но выжили мы

Средь горя и тьмы:

К вершинам идем, чтоб вольно вздохнуть

В армянских горах,

В суровых горах.

Сокровище мы издревле несем:

Глубокой оно

Душой рождено,

Народной душой в пути вековом

В армянских горах,

В высоких горах.

Из светлых пустынь кидались на нас

Орда за ордой;

Разили бедой,

Весь наш караван терзая не раз

В армянских горах,

В кровавых горах.

Ограблен, разбит был наш караван...

Разрознен средь скал,

Дорогу искал,

Считая рубцы бесчисленных ран,

В армянских горах,

В печальных горах.

И наши глаза взирают с тоской
На сумрак земли,
На звезды вдали:
О, скоро ли утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
В зеленых горах?!

1902

«Я странник, сестра, простой пилигрим...»

© Перевод М. Павлова

Я странник, сестра, простой пилигрим,
В неведомый край ищу я дорог;
Оторван от жизни, судьбою гоним.
Бреду одинок.
Преследуют душу прошедшие дни,
Не знаю покоя, хоть всеми забыт,
Изранены ноги, устали они,
И сердце болит.
Но дальше бреду я, усталый, в пыли.
Всё дальше от счастья бегу, что ни день.
От отчего дома, родимой земли,
Как дикий олень...
Тебя повстречал я, и я не солгу,—
Ты мне говоришь, что рассеялся мрак,
Что счастье мне дашь, что напрасно бегу
И жалею так...
Наивная! Небо свидетелем мне,
Ужель я так низок, бесчестен, жесток.
Чтоб в этой тюрьме, в этой мрачной стране.

Счастливым быть мог!

1902

ПЕСНЯ АРМЯН

© Перевод Л. Уманец

Идем, идем с далекого Востока,
От синих гор, где дальний небосклон;
Давно, давно идем мы издалека —
Из тьмы веков, из сумрака времен...

Лилася кровь, как волны океана,
Текла рекой из наших тяжких ран,
Страдали мы от зноя, от тумана,
Дышал в лицо угрюмый ураган...

Погибла ты, отчизна дорогая,
И знамя всё истерзано в куски,—
Покоя нет, и нет родного края,
И бродим мы средь мрака и тоски...

Но мы идем, надеждою согреты,
Идем вперед, гонимы роком злым,
Святой огонь священного завета
В своей груди упорно мы храним...

Идем, идем... Нам путь лежит далеко.
Нас не страшат удары злой судьбы,
Идем, идем с далекого Востока
Мы, не боясь ни бури, ни борьбы.

1902

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

© Перевод В. Брюсов

Армянское горе — безбрежное море.

Пучина огромная вод;

На этом огромном и черном просторе

Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно

И ищет, где берег голубой;

Спускается вглубь иногда утомленно,

В бездонный, глубокий покой...

Но дна не достигнет она в этом море

И берега вовек не найдет.

В армянских страданиях на черном просторе

Душа моя скорбью живет.

1903

НАША КЛЯТВА

© Перевод М. Павлова

Мы поклялись стремиться к свету,

И нас с дороги не свернуть.

Туманом сумрачным одетый,

Безвестен наш далекий путь.

Мы шли, изранив грудь и ноги.

Сквозь ветры, пламя и клинки,
Но не свернули мы с дороги,
Мечам и бурям вопреки.

И пусть разорваны знамена,
И мы скитаемся в пыли,
И нет нам права и закона,
И горек хлеб чужой земли, —

Но мы бороться не устали,
И не забыли мы завет,
И ловит взор в небесной дали
Священной клятвы горний свет.

1903

ТЯЖЕЛЫЙ ГОД

(Народное)

© Перевод М. Павлова

Паши, мой плуг, пашня ждет,
Тяжелый выпал нам год.
Стоит пред старостой дед:
«Плати налог, дармояд!»
— «Нет денег, беден мой дом...»
— «Тогда вола отберем!»
— «Убей, мне жизнь не мила,
Оставь для плуга вола, —
Весной посеём, даст бог,
Тогда отдадим налог...»

И снова весна пришла.
Мы в плуг запрягли вола:
Паши, мой плуг, чернозем,
Пшеницу мы соберем.
Налог отдадим тотчас,
Останется вол у нас.

1908

ВЕРЕТЕНО

(Народное)

© Перевод Т. Спендиарова

Ты вертись, веретено,
Не ленись, веретено,
Для сирот, веретено,
Ты оплот, веретено.

Лунный свет в окно упал,
На веретено упал.
Ночь я целую пряду,
Пряжу белую пряду.
Я пряду сквозь слезы нить,
Чтобы сирых прокормить.

Ты вертись, веретено,
Не ленись, веретено,
Для сирот, веретено,
Ты оплот, веретено.

1908

ПЕРЕВАЛ

© Перевод Вяч. Иванов

С младенчества тропою вверх прямой
Я неуклонно
Иду на лоно
Святынь, — хоть их не знает разум мой.

С младенчества обрывистой тропой
По круче горной
Иду, упорный, —
И вот нашел на высотах покой.

Покинул я внизу, в глубокой мгле,
Почет, богатство,
Зависть, злорадство —
Всё, что гнетет свободный дух к земле.

И вижу я (прозрачна даль в горах)
С моей вершины —
На дне долины
Как просто всё и пусто! Душный прах!

Легка сума: в пути я не устал.
Песней и смехом
Играю с эхом —
И весело схожу за перевал.

1909

ТЫ МОЮ РОДИНУ ВИДЕЛ? СКАЖИ!^[10]

(На стихотворение Ованеса Ованисяна)

© Перевод Т. Алибекова

Ты мою родину видел? Скажи!

Видел ли ты те холмы небольшие
В роскоши яркой весенних лучей,
Где расхищают свои и чужие,
Слез окровавленных льется ручей?

Видел ли ты, как, росой омыты.
Грезили, в гроздьях алмазных, сады;
Как озлоблённой толпой паразиты
Грабили тяжких усилий плоды?

Видел ли ты, как угрюмо нависли
Скалы над бешенством вспененных вод?
Не пробудили ль печальные мысли
Сломанный мост и разрушенный свод?

Видел ли ты в одиноких селеньях
Грязь, нищету — результаты оков?
Видел ли дикие распри, гоненья,
Суд беспощадный старшин и попов?

Видел ли клад, под лохмотьями скрытый?
Юга цветущего жалкую дочь?
Губы печатью молчанья покрыты,
В сердце измученном вечная ночь?

Ты мою родину видел? Скажи!

1910

ЗОВ ВЕСНЫ

© Перевод К. Арсенева

Зеленой весны

Наступила пора.

Ты видишь, мой друг,

Зацветает гора.

Взберемся на гребень вершины с тобой, —

Там солнце и неба простор голубой!

Весна расцветает,

Долина пестра.

Мой друг, пробудись, —

Ожидает гора.

О, сколько на склонах цветов расцвело!

И ветром дыхание их донесло...

И птицы весну

Выкликают с утра.

Пойдем, милый друг, —

Зеленеет гора.

Поднявшись на солнечную крутизну,

Мы с птицами вместе прославим весну!..

<1911>

«С пеньем пришел...»^[11]

© Перевод Т. Спендиарова

С пеньем пришел,
Тенью ушел Саят Нова.
Любя пришел,
Скорбя ушел Саят Нова.
С лучом пришел,
С мечом ушел Саят Нова.
И всё ж нашел
Любви слова Саят Нова.

<1913>

«На странствия нас судьба обрекла...»

© Перевод Т. Спендиарова

На странствия нас судьба обрекла,
Лишила навек родного угла.
По миру скитальцами мы брели,
Прошли все моря, все страны земли.

И всё же, свидетель тому весь свет,
Не сломлен наш дух годами бед,
Живет он везде, куда б ни проник
И где б ни звучал армянский язык.

И наше потомство из рода в род
С горячей надеждой идет вперед.
И наши напевы еще гремят,
Развалины наши еще дымят...

И снова встает из праха руин
Могучий народ, народ-исполин.
Печатью страданий мечены лбы,
Во взглядах — тайна большой судьбы.

О древний Масис, родной Алагез^[12],
Двуглавый гигант, двугорбый колосс,
И вы, чьих мыслей орлиный взлет
Царит над вечным снегом высот, —

Месроп и Саак^[13], а с вами все те,
Что не дали нам блуждать в темноте,
Открыли родник умов и сердец,
Ваш лоб венчает алмазный венец!

Пока существуют подобные вам,
Внимая призыва горячим словам,
Всё вверх, всё вперед неуклонно пойдем,
Как ни был бы крут и тяжёл подъем

И праздник настанет, награда близка.

И мир узнает, что сквозь века
В писаньях и в песнях из рода в род
Свой светоч пронес армянский народ.

1913

С ВЫСОТЫ

© Перевод П. Железнов

Из тех великих и бессмертных дум,
Что создает в союзе с сердцем ум,
Из тех глубин душа взвилась в эфир,
Чтоб с высоты взглянуть на божий мир.

И вот моей души струится свет
Там, где ни лжи, ни сплетен, ни клевет,
Где нет в помине ни теней, ни туч.
Где никогда не меркнет солнца луч.

Высокое сродни душе моей.
Без злобы, без печалей, без страстей
Душа, сияя, в небесах парит,
С надзвездной высоты на мир глядит.

Огромен мир, широк — но всюду он
На части рубежами разделен,
Что ни страна — то свой суровый бог
И сонм святых, пристрастен и жесток.

И видно с высоты моей душе:
Мир утонул в нужде и грабеже.
И злобный бог мученья людям шлет,
И жизнь везде — страданье, тяжкий гнет.

И в целом мире нет страны такой,
Где б труд царил и творческий покой,
И где могла бы человека грудь
Любви чудесным воздухом вздохнуть...

Душа моя смущенно смотрит вниз:
Нет сердцу ни пределов, ни границ —
Всегда любовь находит в нем приют,
Всегда все чувства песню в нем поют.

С моих высот я нисхожу душой,
Чтоб в светлых думах обрести покой.
Опять она в мою вернулась грудь.
Чтоб чистым воздухом любви вздохнуть.

1915

ЭКСПРОМТ

© Перевод М. Павлова

Итак, признаюсь вам, друзья,
С моею музой в ссоре я,
Теперь по собственной вине
Писать экспромты трудно мне.

Да, да, почтенные друзья,
Давно в разлуке с музой я.
Теперь я выезжаю в свет,
Тут заседание, там обед,
Уж я политик, тамада,
А муза скрылась без следа...

Мне говорили, что она
Теперь в горах живет одна,
Что часто плачет в тишине,
Что не забыла обо мне...

Но кровью залиты пути,
И трудно ей назад прийти.
Когда б не груды мертвецов, —
 Благоухание цветов
Живило б мирные поля!..
Когда вздохнет моя земля,
Когда, отчизны вольный сын,
 Запросит песен армянин,
Она придет — и тут, друзья,
С экспромтом не замедлю я!

1915

С ОТЧИЗНОЙ

© Перевод М. Павлова

Я с юности направил взор в неведомый простор,
Мой ум и сердце всё парят над бездной с давних пор;
Но каждый раз, родимый край, тоска мне душит грудь,
Когда я оглянусь на твой многострадальный путь,
 На молчаливые ряды изгнанников-сынов,
На горе разоренных сел, сожженных городов,
 О, милый мой край,
 Унылый мой край!
Я вижу; топчет лютый враг тебя, моя земля,
 Твое прекрасное лицо, цветущие поля;
Я слышу стоны городов и разоренных сел
И крики тех, кто нам принес кровавый произвол,
 Кто превратил в долину слез родимые края,
И в песнях жалобных твоих осталась боль твоя.
 О, горный мой край,

О, скорбный мой край!
Ты вся изранена, земля, и всё же ты жива,
Стоишь готовая сказать заветные слова.
И веришь ты, что на твоём таинственном пути
Тебе сама судьба, сам бог поможет их найти.
Мы ждем великих слов твоих, мы напрягаем слух,
Ты станешь той страной, куда стремится вольный дух.

Священный мой край,
Бесценный мой край!
И верим мы — взойдет заря, настанет тьме конец,
И воссияет яркий свет ликующих сердец,
Блеснут вершины гор твоих, и, выглянув из туч,
Впервые старый Арарат улыбкой встретит луч!
И воспоет твою судьбу словами новых лет
Не осквернивший уст своих проклятьями поэт,
Грядущий мой край,
Встающий мой край!

1915

«Ты явился к нам из страны снегов...»

© Перевод А. Старостин

Валерию Брюсову

Ты явился к нам из страны снегов
Вестником любви, правды, красоты.
В жаждущих сердцах пробудились вновь
О счастливых днях светлые мечты.

Пусть же зов летит из страны в страну
Тех, кто будит ум и сердца людей,

И свои мечты пусть сольют в одно
Люди разных стран в эти дни скорбей.

Пусть сердца любовь верная скрепит.
Пусть союз их ввек будет нерушим,
И дыханье их пусть одно живит,
И сердца горят пламенем святым.

Об одном пусть спор будет у людей
И одно всегда им волнует грудь:
В чьей душе любовь крепче и светлей,
Кто к добру верней пролагает путь.

Пусть, поэт, мечты оживут твои,
Если правда то, а не звук пустой,
Что на свете есть место для любви,
Что мы можем жить все одной семьей.

<1916>

ГРУЗИИ

© Перевод О. Румер

Когда мне люди говорят,
Что злобой Грузия кипит,—
Я, изумлением объят,
Испытываю боль и стыд.

Неправда! Даже враг, и тот
Признает, что на белый свет
Тепло глядит ее народ,

Что хлебосольней края нет.

Она покрыта сотней ран
И претерпела сотни мук,
Но ни убийство, ни обман
Ее не оскверняли рук.

Не в преступлений мглу и муть,
А к блеску зорь грядущих дней
Она указывает путь
Рукой приветливой своей.

Кому не ясно, что ведет
Ее всё выше твердый шаг?
Кто может утверждать, что вот —
Ее окутал смертный мрак?

Недаром перед ней стеной
Казбек возносится в лазурь,
Чтоб охранять ее от злой
Напасти полуночных бурь.

Недаром Понт к ее садам
Свое дыхание струит,
Чтоб каждый куст был вечно там
Цветами свежими покрыт.

И кто же не слышал из нас,
Как всюду в Грузии народ,
Над бедами судьбы смеясь,

Беспечно, весело поет?

Когда мне злобно говорят:
«Над бездной Грузия стоит»,—
Я, изумлением объят,
Испытываю боль и стыд.

<1916>

«Резвился в Кошакаре я...»

© Перевод Л. Горнунг

Резвился в Кошакаре^[14] я,
С косулей бегая, Ануш,
На изумрудный склон взойдя,
Увидел дивный сон, Ануш.

Ту гору ветер тучей скрыл,
Свет солнца моего затмил,
И к богу я воззвал, но был
К моим словам он глух, Ануш.

Моя мечта была светла:
Чтоб жизнь вокруг, как рай, цвела,
Чтоб вечно длиться песнь могла
И светел был весь мир, Ануш.

Но быстро рвется жизни нить,
Кто умер — тех не возвратить,
Уйду и я, — недолго жить.
Как быстротечна жизнь, Ануш!

Ноябрь 1917

КАК ДИТЯ

© Перевод Л. Горнунг

Как дитя, придя в этот мир, я был
Послушным всему, наивным, простым, —
Что в руках держал, что в сердце таил,
Роздал людям всё, холодным и злым.

Лишь ребенком был я всегда для всех,
Обмануть меня каждый мог шутя.
И косились все на детский мой смех,
И обиды я терпел, как дитя.

Обращались все так грубо со мной —
И брат, и жена, и ближний, и друг,
И, сердцем скорбя, с глубокой тоской,
Как ребенок, всех я оставил вдруг.

И усталым стал, и бездомным стал,
А бездомным став, томясь и скорбя,
К вам иду теперь, — я от всех бежал, —
Вы тоже, увы, младенцы, как я!

1917

МОЯ ПЕСНЯ

© Перевод Р. Ивнев

Владею я бездонным кладом
И морем радостей и чар,
И, точно высшую награду,
Я получил прекрасный дар.

Сокровищ бесконечных бездна
В просторе сердца моего,
Их раздаю я безвозмездно,
Но нескончаемо добро.

Я не боюсь, не опасуюсь
Злодеев низких и воров,
Иду по свету, рассыпая,
Как солнце, блеск своих даров.

Богат я, счастлив с дня рожденья,
Вновь не вернусь я в этот мир,
И отдаю без сожаленья
Всё, чем меня он наградил.

5 января 1918

НАДПИСЬ НА КНИГЕ^{[\[15\]](#)}

© Перевод С. Городецкий

С дальних северных сторон,
Где бушует вьюги стон,
Вы примчались, нимфа, к нам,
В наш беспечный, светлый рай,
В наш могучий, тихий край,
К нашим солнечным лучам.

Но других стихий разгул
Здесь вас встретил. Обманул
Вас приветливый наш юг:
В час недобрый, грозовой
Тучи черные толпой
Собираются вокруг.

И у нас теперь — увы! —
Не найдете солнца вы,
Ни весны, ни тишины,
Ни такого уголка,
Где б вам жизнь была легка,
Дни уютны и ясны.

Есть один лишь уголок,
Где нет бури и тревог, —
В наших он сердцах. И там
Вы могли бы отдохнуть:
Ведь извилистый к ним путь
Хорошо известен вам.

Сердце — лучший наш дворец.
Наших солнечных сердец
Гостьей будьте вы сейчас!
Ведь на всем земном пути
Вам приюта не найти.
Где бы так любили вас!

29 июня 1918

ПОСТИЖЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

© Перевод Л. Горнунг

Ты раскрыл мне взор, он стремится ввысь,
К солнцу в горний рай я мечтой лечу,
Ты мне разум дал, рвется в небо мысль,
Твой безмерный мир я смерить хочу.

Ты меня привлек к своей вышине
И моей душе ты дал торжество,
Озарил лицо ты улыбкой мне,
Блеском солнца ты нарядил его.

Всё дело твое, весь мир мне знаком.
Я взором души и зорких очей
Взираю на них и солнечным днем,
И сквозь жуткий мрак роскошных ночей.

И весел мой дух, он высью влеком,
Нет ему преград, границ и дорог,
Вселенная вся — мой родимый дом,
Где свободный я, равнодушный бог.

<1919>

ПОЭТАМ ГРУЗИИ

© Перевод М. Шагинян

Шота!^[16] Огонь твоих стихов

Поныне не потух!

Неукротимый гнет веков

Не сокрушил тот дух.

Та лира славная гремит
Под новою рукой,
И новых песен звон разлит
По Грузии родной.

О мужественные друзья,
Вам всем поклон и честь!
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

Над рубежом былых годин —
Заря грядущих дней!
Споем же вместе, как один,
Гимн ликованья ей!

Да будет песня та светла,
Пусть гремит вдали —
Да заглушает голос зла
Во всех углах земли.

И пусть, Кавказ, твои сыны
На голос наших лир
Справлять сойдутся с вышины
Многоязычный пир!

Эй, брат и друг, сестра и мать
И с нами кяманча^[17],
Сзывайте всех — и стар и млад —

Тот новый день встречать!

Да, много, много слез текло, —

Будь каждая урок,
Что на земле отныне зло
Уж не найдет дорог!

Что ноешь, умник, заносясь?

Мечте не в небе цвесть!
Мы люди, мы живем, для нас
Жизнь — это то, что есть.

Под лиру славного Шота
Мы песнь свою споем,
И всем понятна песня та —
Достойным воздаем.

Гремит напевами страна,
Предела песням нет;
Тех песен тысяча одна —
И в них его завет!

Привет вам, новые друзья,
Былым поклон и честь.
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

УТРО

© Перевод Л. Горнунг

Петух три раза прокричал:
«Пора, проснись, кукареку!»
Восток багряный запылал, —
Лежать не время на боку!»

Уж темноты полночной нет,
Она сокрылась в край иной,
А землю заливают свет,
Приветный, чистый, золотой.

И шум, и радость в деревнях
С благоуханным встали днем,
И песнь крестьянина в полях
Сливается с его трудом.

<1907>

НА РАССВЕТЕ

(Народное)

© Перевод Л. Горнунг

«Кукареку!» —
Петух проснулся на шесте.
«Чик-чик, чирик!» —
Запела птичка в темноте.

«Кукареку!» —
С рассветом вновь поет петух.
«Но-но, но-но!» —

Погнал овец в луга пастух.

«Кукареку!» —

При солнце в третий раз поет.

«Ох-ох, ох-ох!» —

С постели бабушка встает.

<1907>

РУЧЕЙ

© Перевод Л. Горнунг

«Куда бежишь,

Скорей, скорей?

Проворен ты,

Красив, ручей.

Побудь со мной

В тени ветвей!»

— «Нет, милый мой, —

Зовут дела.

Вон мельница

Вблизи села:

Моя вода

Ей жизнь дала.

А вниз взгляни,

В долину ты —

Там ждут меня

Трава, цветы.

Там жаждут пить

Стада, гурты.

Прощай пока,
Мой дорогой,
Ты видишь, путь
В заботах мой,
Лишь в море я
Найду покой».

<1908>

УТРО ВЕСНЫ

(Народное)

© Перевод М. Павлова

Рассветные колокола
Поют вдали светло-светло,
Заря над миром расцвела,
Блестят лучи светло-светло.

В долине радостный ручей
Поет, журчит светло-светло,
Гуляет ветер средь полей,
Трава блестит светло-светло.

Летят по небу журавли,
Курлычут так светло-светло,
И перепелочка вдали
Поет во ржи светло-светло.

Выходят девушки в поля,

Блестит их взгляд светло-светло,
Вдыхает вешняя земля
Трав аромат светло-светло.

<1909>

Четверостишия

«Дни прошли...»

© Перевод О. Румер

Дни прошли...
Промелькнув вдали, дни прошли;
Вздохи, стоны, слезы мои
Сердце мне сожгли, — дни прошли.

1890

«Запели песнь, любимые...»

© Перевод Б. Серебряков

Запели песнь, любимые
Певцы мои незримые,
И кто теперь вас слушает,
Сверчки мои родимые?

Июнь 1916

«Где вы?..»

© Перевод К. Липскеров

Где вы?
Все те, кто сердцу мил, где вы?
Я к вам взывал, и плакал, и искал...

Быть может, скрыл вас мрак могил, — где вы?

Июнь 1915

«Меж двумя веками я...»

© Перевод К. Липскеров

Меж двумя веками я,
Меж двумя камнями я.
Всё мечусь меж новым днем
И былыми днями я.

15 января 1917

«Море скорби моей глубоко и безбрежно...»

© Перевод К. Липскеров

Море скорби моей глубоко и безбрежно,
И несметных полно драгоценных камней.
Гнев мой полон любви, безмятежной и нежной.
Ночь во мне. Но какие созвездия в ней!

9 февраля 1917

«Ко мне!...»

© Перевод К. Липскеров

Ко мне!
Вы с вешней водою вернитесь ко мне!
Минувшие дни, веселье, любовь,
Вернитесь, вернитесь ко мне!

11 ноября 1917

«Что напрасно мне бежать!...»

© Перевод К. Липскеров

Что напрасно мне бежать!

Сотен уз не разорвать.

Ведь со всеми я живу,

И со всеми мне страдать.

12 ноября 1917

«Сколько боли видел я...»

© Перевод К. Липскеров

Сколько боли видел я,

Сколько козней видел я!

Я терпел, прощал, любил,

Зло как благо видел я.

24 декабря 1917

«Я от многого сгорал...»

© Перевод О. Румер

Я от многого сгорал,

Я сгорал, огнем я стал,

Стал огнем и свет давал,

Свет давая, угасал.

24 декабря 1917

«Мне во сне одной овцой...»

© Перевод К. Липскеров

Мне во сне одной овцой
Задан был вопрос такой:
«Бог храни твоё дитя!
Был ли вкусен агнец мой?»

24 декабря 1917

«Куда ты стремишься безумно, душа?..»

© Перевод К. Липскеров

Куда ты стремишься безумно, душа?
За тысячью дел ты стремишься, душа!
Но как же поспею я в тысячу мест
С твоею поспешностью легкой, душа?

25 января 1918

«Я птицу в небе ранил раз...»

© Перевод О. Румер

Я птицу в небе ранил раз
И потерял ее из глаз;
Крылом кровавым в снах моих
Она все машет и сейчас.

2 февраля 1918

«Две могилы, как соседи молчаливые, легли...»

© Перевод С. Городецкий

Две могилы, как соседи молчаливые, легли,
Онемевшие навеки, две печальницы земли.
И в холодной, горькой скорби тихо думают о том,

Что с собой они из жизни этой бренной унесли.

4 февраля 1918

«Там на эдемские сады прозрачный падает закат...»

© Перевод К. Липскеров

Там на эдемские сады прозрачный падает закат.

Я знаю, ждут моей души там между сказочных палат.

Что ж в этом смраде медлю я, чего в нестройном шуме жду?

Ах, если бы туда — домой — дорогу отыскал мой взгляд!

21 ноября 1919

«Кичливый, жадный человек, твой долог ум, жизнь коротка...»

© Перевод К. Липскеров

Кичливый, жадный человек, твой долог ум, жизнь коротка.

Тебе подобных было — тьма, они текли века, века.

Что унести им жизнь дала? С собой возьмешь ли что-нибудь?

Ты мирно, радостно пройди двухдневный быстролетный путь.

Ноябрь 1919

«Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он...»

© Перевод К. Липскеров

Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он.

Но мучает и страждет он, и сам несчастьем поражен.

Так сделай, злобный человек, чтоб все живые жить могли,

И сам живи, вкушая мир обильной, благостной земли.

Ноябрь 1919

«Хотел быть с тобою и с жизнью священной вместе...»

© Перевод С. Мар

Хотел быть с тобою и с жизнью священной вместе.
Хотел бы я в поле быть и с высью нетленной вместе.
Кто даст мне блаженство утратить себя без возврата
И слиться навеки со всею вселенною вместе?

12 мая 1920

«Лунный луч — твоя улыбка — на лице моем скользит...»

© Перевод С. Городецкий

Лунный луч — твоя улыбка — на лице моем скользит
В час, когда я, насмерть ранен, вижу смерти лик вблизи.
Так под солнца животворным, благотельным лучом
Дуб стоит, грозой сраженный, высыхая с каждым днем.

1920

«Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем...»

© Перевод К. Липскеров

Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем.
Призыв его слышу и голос: он слышен во всем.
И я возвышаюсь, внимая, и ловит мой дух
Мелодию мира и шепот, — он слышен во всем.

14 февраля 1921

«Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой...»

© Перевод О. Румер

Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой,
Ревущей в ужасе толпой, истерзанной, тысячеглавой,
Из мертвых ледяных пустынь своей безвыходной тоски
Сюда, на мой родной Восток, божественный и величавый.

1 мая 1921

«Плывут века, жизнь коротка, что будет позже — всё равно!..»

© Перевод С. Мар

Плывут века, жизнь коротка, что будет позже — всё равно!
Я был, и есть, и буду я, но это тоже — всё равно!
Переменю я сотни форм, всё преходяще на земле,
Я со вселенной слит душой, пусть я прохожий — всё равно!

3 мая 1921

«В стране армян, как великан, стоит Масис могучий...»

© Перевод О. Румер

В стране армян, как великан, стоит Масис могучий;
С владыкой сил мой дух вступил в беседу там, на круче.
С тех дней, когда меж «нет» и «да» была темна граница,
Из века в век, чей вечен бег, беседа эта длится.

21 мая 1921

«Родник течет и протечет...»

© Перевод К. Липскеров

Родник течет и протечет,
Помедлит жаждущий, пройдет.
Блаженных, неземных ключей

Поэт возжаждет и пройдет.

9 июня 1922

«Немало развалин былого в сердце моем...»

© Перевод К. Липскеров

Немало развалин былого в сердце моем,
Мрачнеет прошедшее благо в сердце моем,
Не в силах я вспомнить в печальный, сумрачный час,
Гостило ль отрадное время в сердце моем...

12 июля 1922

«Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!...»

© Перевод Т. Спендиарова

Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!
Уйдет и это вдруг, подыдем чару!
Жизнь, как струя, звеня, прольется в мире.
Спеши, нам недосуг, подыдем чару!

14 августа 1922

Легенды и сказки

ПЕС И КОТ

(Сказка)

© Перевод С. Маршак

1

Скорняжным

Теплым

Ремеслом

Занялся кот
Когда-то.
Мурлыча песню,
За столом
Сидел
Скорняк усатый.
Как вдруг
К нему
Явился пес
И шкурку
Мягкую
Принес.

2

«Здорово, кот! —
Промолвил пес,
Протягивая лапку, —
Трещит
На улице мороз,
Скорее
Шей мне шапку!
Я за ценой
Не постою.
Ну что ж,
Сошьёшь?» —
«Изволь, сошью!»

3

«А долго ль ждать?» —
«В денек-другой

Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапкою в субботу!
Папаху шить —
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!»

4

«Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно.
А о цене
Поговорим.
Нам торговаться
Стыдно.
Папаху шить —
Не шубу шить.
С деньгами можно
Не спешить».

5

В субботу утром
Старый пес,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замерзший нос.

«Ну что,
Готова шапка?» —
«Нет», — говорят
Ему в ответ.
«А где хозяин?» —
«Дома нет!»

6

Продрогший пес
Присел и ждет
Перед крыльцом
На тряпке.
Вот по дорожке
Кот идет
В богатой
Новой шапке.
Увидев пса,
Сказал он так:
«Зачем торопишься,
Чудак?
С таким шитьем
Нельзя спешить.
Нешуточное дело!
Папаху шить —
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра,
Теперь кроить ее пора!»

7

«Мне очень жаль, —

Отвечил пес, —

Что шапка не готова.

Но не сердись

На мой вопрос:

Когда явиться

Снова?

Не в гости

Я хожу

В твой дом,

А за своим

Хожу

Добром!»

8

«Ну, так и быть, —

Бормочет кот, —

Приди к обеду

В среду!»

Среда настала.

Пес идет

За шапкою

К соседу.

«Как поживаешь?» —

«Жив-здоров!» —

«Готов заказ?» —

«Нет, не готов!»

Тут вышел крупный разговор,

Потом и потасовка.

«Ты, братец, плут!» —
«Ты, братец, вор,
Жена твоя плутовка!» —
«Щенок!» —
«Урод!» —
«Молокосос!» —
«Паршивый кот!» —
«Плешивый пес!»

9

Доходит дело
До суда.
Узнав
Про эту драку.
Судья сказал:
«Позвать сюда
И кошку, и собаку!»
Лукавый кот
И бедный пес
Вдвоем явились
На допрос.

10

Кто их судил,
Когда и как —
Отдельно
Или вместе, —
Я не скажу.
Но кот-скорняк
С тех пор пропал

Без вести.
Бежал он,
Хвост подняв трубой,
И все меха
Унес с собой!

11

А так как
Этот кот-скорняк
Всем нашим кошкам
Прадед, —
Семейства кошек
И собак
Между собой
Не ладят.
Кота увидев,
Честный пес
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
«Готова шапка
Или нет?»
А кот
Шипит ему в ответ.
При этом кот
Плюется так
В смущеньи
Или в страхе,

Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папахи.

1886

АХТАМАР

(Легенда)

© Перевод К. Бальмонт

Каждой ночью к водам Вана

Кто-то с берега идет
И без лодки средь тумана
Смело к острову плывет.

Он могучими плечами
Рассекает лоно вод,
Привлекаемый лучами.
Что маяк далекий шлет.

Вкруг поток, шипя, крутится.
За пловцом бежит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, волны, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк.

Каждой ночью искры света

Манят лаской тайных чар;
Каждой ночью, тьмой одета.
Ждет его к себе Тамар.

И могучими плечами
Бороздит он лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной,
А Тамар, объята страстью,
Ждет его во тьме ночной.

Не напрасны ожидания...
Ближе, ближе... вот и он!
Миг блаженства! Миг свиданья,
Сладких таинств райский сон!

Тихо. Только волны плещут,
Только полны чистых чар,
Звезды ропщут и трепещут
За бесстыдную Тамар.

И опять к пучинам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки средь тумана
Вдаль от острова плывет.

И со страхом остается

Над водой Тамар одна,
Смотрит, слушает, как бьется
Разъяренная волна.

Завтра — снова ожидания,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг свиданья,
Те же ласки, тот же мрак.

Но разведал враг жестокий
Тайну любящих сердец:
Был погашен свет далекий,
Тьмой застигнут был пловец.

Растоптали люди злые
Ярко блещущий костер,
Небеса молчат ночные,
Тщетно света ищет взор.

Не заискрится, как прежде,
Маяка привет родной,—
И в обманчивой надежде
Бьется, бьется он с волной.

Ветер шепчет непонятно,
Над водой клубится пар,
И вздыхает еле внятно
Слабый возглас: «Ах, Тамар!»

Звуки плача, звуки смеха...

Волны ластятся к скале,
И, как гаснувшее эхо,
«Ах, Тамар!» звучит во мгле.

На рассвете встали волны
И примчали бледный труп,
И застыл упрек безмолвный
«Ах, Тамар!» меж мертвых губ.

С той поры минули годы.
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды
И зовется «Ахтамар».

1891

ПРОКЛЯТАЯ НЕВЕСТКА

© Перевод А. Гатов

Невестки доля тяжела.
А эта уж такой была —
Она не только не всплакнет,
Но даже глазом не моргнет,
Пусть обижают вновь и вновь
Ее и свекор и свекровь.
Но раз, беспечно-весела,
Свободно косы расплела
И, в комнате своей одна,
Запела песенку она:

«Мой дом — тюрьма,

Печаль и тьма,
И я навек в плену.
Каким нарядом ни мани,
Что светлой молодости дни,
Когда я жизнь клянусь?
Ах, птичкой стать,
Порхать, летать
С любимым среди ветвей!
Дыша весной,
В тиши лесной
Как петь отрадно ей.
Рожденья день —
Проклятый день,
Печален он для нас.
Мой грустен сон,
И в сердце — стон,
И смех навек угас».

И вдруг старуха в дверь вошла.
Певунья в страхе замерла
И, ни жива и ни мертва,
Свекрови слушает слова:

«Удодом стань,
Невестка-дрянь!
Закрой поганый рот!
Ишь, весела!
Платок сняла,
Бесстыдная, орет!
Пусть немота

Скует уста,
Засохни, облысей!...»
Сказала, — что ж,
Стал облик схож:
Невестка перед ней
Стоит, страшна — лицо черно,
На плечи — гребешок,
И вдруг, взлетев, она в окно
Умчалась на восток.

Вот всё. Спустилась ночи мгла.
Домой бедняжка не пришла —
Удодом стала. Взад-вперед,
С торчащим гребешком,
В полях блуждает, не поет,
Не просит ни о чем.
Вся в пестрых перышках она,
Нема, растерянна, грустна.

Но если вдруг припомнит дом,
Где некогда жила,
Час, как запела пред окном
И косы расплела,
И тот, ее сгубивший миг,
Когда вошла свекровь, —
Она взлетает, стынет кровь,
И раздается крик...
Она дрожит, ее трясет,
Она кричит: «Уд-од... Уд-од!...»

1898

ОРЕЛ И ДУБ

© Перевод В. Звягинцева

Однажды в лесу дремучем, глухом
Поспорил царь-дуб с могучим орлом,
Кто дольше из них сумеет прожить,
Чья крепче к земле привязана нить.
Орел молвил: я, и дуб молвил; я,
У каждого спесь и гордость своя.
Расхваставшись так, затеяли спор,
И вот, наконец, каков уговор:
Пусть минет пятьсот — не меньше — годов.
И если царь птиц и дуб из дубов
В назначенный срок еще не умрут,
Друг с другом они пусть встретятся тут.
Крыльями взмахнул орел широко,
Оставил он лес, взлетел высоко.
И жил он, могуч,
На кручах, средь туч.
А дуб расстелил извивы корней,
И так он стоял всех выше, сильней.
Так сотни веков недвижим он был...
Промчались века. И срок наступил.
И старый орел, понурый, больной.
Едва ковылял по чаще лесной
С одышкой в груди и хрипло крича,
И крылья свои едва волоча.
Добрался орел... Вокруг он глядит

И видит, что дуб упал и лежит.
И зелень еще свежа на ветвях...
Он страшной грозой повержен во прах.
— Эге, погляди, заносчивый дуб!
Сравни-ка теперь, кто времени люб.
До срока еще остался нам час,
А ты, великан, лежишь развалясь!
— Полтысячи лет я стоя провел,
И, лежа, пятьсот мой выживет ствол.
Срок в тысячу лет судьбою мне дан, —
Орлу отвечал упавший титан.

1898

ПОГОС И ПЕТРОС

(Легенда)

© Перевод Вяч. Иванов

Прежде был ближе к земле небосвод,
И доносились молитвы сирот
Легче до бога. В тот век золотой
Жили два брата при мачехе злой.
«Что ненасытный разинули рот,
Два дармоеда? Еда не уйдет,
Живо за дело! Пяти лет Погос,
Парень не малый, шести лет Петрос!
Прутья возьмите, пасите телят!» —
Из дому гонит хозяйка ребят.

Мечется стадо, мычит от жары,
Вроссыпь телята пустились с горы.

Дети вдогонку, — а как их настичь?
Слышится звонкий в лесу переключ:

«Погос, поймал?» — «Нет!» —
«Петрос, загнал?» — «Нет!» —
«Ау, сюда!» —
«Ау, куда?» —
«Горе, беда!..»

Скрылись телята, и след их простыл.
Выбились братья-подпаски из сил,
С плачем вернулись: «Нет, мамка, телят!» —
«Что вас, проклятых, самих не съедят
Лешие, звери? Медведь бы задрал,
Иль задавил бы в ущелье обвал, —
Сгинули б оба, не видела б вас!
Пропада нет вам, шипы моих глаз!
Вон! И покуда скотины шальной
Мне не найдется в трущобе лесной,
Глаз не кажите! Иль в эту же ночь
Вас я пристукну, постылые... Прочь!»

Голод забыли Погос и Петрос,
Рыщут, с утеса бегут на утес;
Их не пугает ни чаща, ни дичь.
В дебрях глубоких звенит переключ:

«Погос, поймал?» — «Нет!» —
«Петрос, загнал?» — «Нет!» —
«Ау, сюда!» —

«Ау, куда?» —

«Горе, беда!..»

Нет окаянных телят! А уж ночь
Скоро настанет, и бегать невмочь.

Сумрачны сени
Лиственной сети
Став на колени,
Молятся дети,
Гóспода просят:
«Боженька милый!
Что тебе стоит?
Пусть твоей силой
Крылья нас носят,
Небо покоит,
Пташек укроет,

Чтоб не постиг нас злой мачехи гнев
Ночью, покуда пустует наш хлев!»
Только невинный их зов прозвучал,
Ласковый голос с небес отвечал:
«Птичками будьте! Доколе на двор
Скот не вернется, вам в небе простор.
На ночь дубрава, тиха и глуха,
Ложё постелет из мягкого мха.

Замкнут от сирых родительский дом, —
Будут им яства на пире моем».
Молвил всевышний — и в пташек лесных

Вдруг обернулись два братца родных.

Подняли крылья
Ввысь без усилия
Малых сирот;
В синей пустыне
Волен их лет.
Так и доныне
Птичками вьются
Горного луга,
Плачут, смеются,
Скачут, щебечут,
Кличут друг друга:
«Погос, поймал?!» — «Нет!» —
«Петрос, загнал?» — «Нет!» —
«Ау, сюда!» —
«Ау, куда?» —
«Горе, беда!..»

1898

ПАРВАНА^[18]

© Перевод К. Симонов

I

Высокотронные Абул и Мтин^[19]
В молчании стоят спиной к спине,
И на плечах, над синевой вершин,
Страну Парвана держат в вышине.

И люди говорят, что с давних пор

Под небом, над бескрайней крутизной
Жил в замке царь, седой хозяин гор,
Владевший всей парванской стороной.

А у царя росла такая дочь,
Что ни один охотник и стрелок,
Кругом в горах охотясь день и ночь,
Прекрасней лани выследить не мог.

Года и горы старого царя
Украсивши младенчеством своим,
Его под старость счастьем даря,
Она росла боготворима им.

Большую радость годы им несли, —
Желанный день подходит наконец,
И, посланы во все концы земли,
Летят по замкам за гонцом гонец.

«Где есть достойный девушки храбрец? —
Пускай берет оружие и коня,
Пусть явится в доспехах во дворец
И дочь возьмет по праву у меня».

II

Бряцали шашки острые,
Плясали жеребцы,
Перед дворцом на площади
Съезжались удальцы.

Все ждали с нетерпением,
С утра сюда примчась.
Когда же состязания
Придет желанный час.

Народ со всех окрестностей
Собрался поглядеть,
Кому удастся девушкой
По праву завладеть.

Труба поет... Придворные
Покинули дворец.
Явилась дочь прекрасная,
За ней седой отец.

Он — словно туча мрачная,
И как луна — она.
Они, обнявшись, выплыли,
Как туча и луна.

Все были в изумлении
От этой красоты.
Все удалыцы задумались,
Погружены в мечты.

«Взгляни на этих витязей,
Приехавших к тебе.
Чтоб здесь, на этой площади,
Добыть тебя в борьбе.

Кто будет хвастать ловкостью,
Кто силою крутой,
Кто трудной джигитовкою,
Кто птичьей быстротой.

Когда ж, тягаться бросивши,
Они окончат бой,
Когда из них храбрейшие
Пройдут перед тобой,

Узнав непобедимого,
Кинь яблоко ему,
Чтоб целый свет завидовать
Мог счастьем твоему».

И царь уже готовился
Подать условный знак...
Но дочь, поднявши яблоко,
Ему сказала так:

«Вдруг слабого хорошего
Сразит силач дурной,
Ведь ни одной минуты он
Любим не будет мной!»

Столпились вокруг соперники.
Вопросам нет конца:
«Скажи, за что ж ты, девушка,
Полюбишь удалца?

Сокровищ хочешь? Жемчуга
И золото найдем!
Звезду захочешь? На землю
Звезду мы низведем!»

— «Не нужно мне от милого
Ни крупных жемчугов,
Ни серебра, ни золота,
Ни звезд из облаков.

Огня неугасимого
Пускай достанет он,
С огнем вернувшись, будет он
Мне мужем наречен».

И на коней оседланных
Вскочили удалцы,
Чтоб разными дорогами
Скакать во все концы.

Огня неугасимого
Вдали им брезжит свет...
Но год за годом тянется,
А их все нет и нет...

III

«Отец, где наши витязи?
Ужели для меня
Нигде неугасимого
Им не сыскать огня?»

— «Не бойся, дочь любимая,
Они найдут огонь,
Но полон путь искателей
Сражений и погонь.

И черный мир им встретится,
И черная вода,
И с дэвами жестокими
Им предстоит вражда».

За годом год проносится,
Но не везут огонь.
«Отец, взгляни, не виден ли
С горы летящий конь?

Во сне всё чаще витязя
Я вижу своего.
Держа огонь, влетает он,
Проснись — и никого».

— «Жди дальше — он появится.
Охотясь за огнем,
Порой душа искателя
Сама сгорает в нем».

За годом год проносится,
Напрасно дева ждет,
С горы верхом на лошади
Никто не промелькнет.

«Отец, от горя вяну я,
Печален стал мне свет.
Ужель неугасимого
Огня на свете нет?»

Но скорбный царь ответить ей
Не в силах ничего,
И черные сомнения
На сердце у него.

IV

За годом год промчались,
Напрасно день и ночь
Окрестности безлюдные
Оглядывала дочь.

Отчаявшись — заплакала,
Так много слез пролив,
Что слезы слились в озеро,
Весь замок затопив.

Она исчезла в озере,
Проплакавши глаза;
С тех пор стоит там озеро,
Прозрачно, как слеза.

Под волнами прозрачными
В зеленой глубине
Видны хоромы царские,

Стоящие на дне.

* * *

Едва в ночи засветятся
Повсюду огоньки —
Безумьем одержимые.
Запляшут мотыльки.

Они сгорают в пламени,
И люди говорят
Про них, что это витязи
Парванские горят.

Принявши в долгих странствиях
Обличье мотылька,
Они, огонь завидевши,
Летят издалека.

И силятся приблизиться,
Чтоб овладеть огнем,
И вечно приближаются,
И вечно гибнут в нем.

1902

ВСЕ ИМЕЕТ СВОЙ КОНЕЦ

(Старое предание)

© Перевод Т. Спендиарова

То вправду было или нет.

Кто даст на это нам ответ?

Ведь в мире правда лишь одно,
Что правду знать нам не дано.

Всем это ведомо. Итак,
На свете жил один бедняк.
Был юный сын его умен,
И отдал сына в слуги он.

Шло время. Умный паренек
Сердца хозяйские привлек
Сноровкой, рвением деловым
И скоро в доме стал своим.

И вот отец издалека
Собрался навестить сынка.
«Ты славно, говорят, живешь,
И вкусно ешь, и сладко пьешь?»
— «Да, я не жалуясь, отец,
Но всё имеет свой конец».

Летело время, шли года.
Парнишка не жалел труда.
Вот сын крестьянский при дворе,
Спит в досталь, ест на серебре.
Соскучившись, отец опять
Собрался сына повидать.
«Ты, ходят слухи, стал высок,
Завиден жребий твой, сынок!»
— «Да, вхож я ныне во дворец,
Но всё имеет свой конец».

Проходят дни, года идут,

Заслуги юноши растут.
Царь за труды и удалство
Назиром утвердил его.
И снова сына во дворец
Приходит навестить отец.
— «По слову твоему за честь
Теперь считают встать и сесть?»
— «Да, власть мне ниспослал творец.
Но всё имеет свой конец».

И вновь прошли за годом год.
Царь умирает в свой черед.
Бездетный, оставляет он
Пустым свой пышный царский трон.
Вот во дворце собралась знать
Царю преемника избрать. —
Назир прославлен на весь мир,
Так пусть же царствует назир.
Отец, известьем поражен,
Приходит к сыну на поклон.
Старик бормочет: «Знать, мой сын,
Всем миром правишь ты один?»
— «Да, славный принял я венец.
Но всё имеет свой конец».

Проходят годы. Новый царь
Народом правит, как и встарь:
Он всю страну зажал в кулак,
Но до могилы только шаг.
И, как бы ни был царь богат,

Придется всё отдать назад.
В злой час злым недугом сражен,
Предстал перед всевышним он.
Вот до отца доходит слух,
Что испустил правитель дух.
Спешит он, слышен скорбный звон
И плач и стон со всех сторон.
Так провожают в мир иной
Царя всем войском, всей страной.

Шло время. Вновь приобрел старик
И у надгробья сына сник,
Где надпись начертал резец:
«Знай, всё имеет свой конец».

Летят года, за годом год.
Годам, векам кто знает счет?
Давно того надгробья нет
И тех времен простыл и след,
И лишь поет ашуг-слепец:
«Брат, всё имеет свой конец.
Теперь владеем миром мы,
Лелеем славу, чтим умы,
Для нас раскрыла жизнь ларец,
Но всё имеет свой конец».

<1908>

КОНЕЦ ЗЛА

© Перевод В. Звягинцева

Стояла гора.
Как время, стара.
Росло деревцо,
И трое птенцов
Гнездились в дупле,
В уюте, в тепле.

Кукушка пела на суку:
«Ку-ку, кукушечки, ку-ку.
Растите вы!
Летите вы!»

Так пела мать, и дни неслись.
И вдруг приходит страшный Лис:
«Хозяин здесь — я,
Гора тут моя.
Мое и дупло,
Гнездо и тепло.
И кто мог посметь
Моим завладеть?

Кукушка, глупая, скорей
Скажи мне, сколько там детей?» —
«Их трое, сударь Лис, втроем
Птенцы сидят в гнезде своем». —
«Ах, значит, нет в тебе стыда!
Дай в слуги мне скорей сюда
Хоть одного! Напрасен спор.
Не то пойду возьму топор
И ствол срублю,

И всех сгублю!»

— «Ой, не руби,

Ой, не губи!

Птенца отдам.

Но только нам

Оставь наш дом:

Дупло с гнездом»,—

просила мать-кукушка и сбросила вниз одного из птенцов. Лис — хватъ, взял
и ушел.

«Ку-ку! Ай-ай!

Дитя, прощай!

Где — на горе

Или в норе,

Там, где кусты,

Погибло ты?

Дитя, прощай!

Ку-ку... Ай-ай!» —

плакала мать-кукушка, но вот Лис вернулся.

«Хозяин здесь — я,

Гора тут моя.

А в дереве том

Дупло есть с гнездом.

И кто мог посметь

Моим завладеть?!

Кукушка, глупая, скорей

Скажи мне, сколько там детей?»

— «Их двое, сударь Лис, вдвоем

Птенцы сидят в гнезде своем». — «Ах ты, разбойница, ах, ах!
И так от них рябит в глазах;
Гляди, всю местность, все кусты
Кукушками заселишь ты!
Брось одного! Напрасен спор.
Не то пойду возьму топор,
И ствол срублю,
И всех сгублю». —
«Ой, не руби,
Ой, не губи!
Бери птенца,
Но до конца
Не разоряй,
Не убивай,
И жить нам дай!» —

просила кукушка-мать и сбросила вниз второго птенца. Лис — хватить и ушел.

«Ай-ай, ку-ку!
Сиди — тоскуй.
Глупа была —
Сюда пришла,
В недобрый час
Вскормила вас.
И Лис пришел,
Птенцов увел.
Куда, ку-ку!
Девать тоску?» —

плакала мать-кукушка. В это время — кра-кра-кра! — пролетала по тем
местам ворона. Услышала плач кукушки.

«Ой, как ты плачешь! Кра-кра-кра!

О чем ты плачешь так, сестра?»

— «Кума, послушай, подивись.

Пришел жестокий сударь Лис,

Наговорил мне страшных слов,

Унес и съел моих птенцов».

— «Ну, горе мне, как ты глупа,

Кукушка, или ты слепа!

Ведь этот Лис бесстыдно врет,

Коль гору он своей зовет.

И кем ему здесь всё дано?

Гора для всех стоит равно.

И кто позволит, чтобы он

Установил здесь свой закон?

Всем угрожает топором

И разгоняет всех кругом.

Вчера — птенца, сегодня двух

Он съел. А ты лишь плачешь, друг...

Откуда взять ему топор?

Ну вот, не бойся с этих пор

И, если он придет опять,

Скорей спеши его прогнать»,—

так сказала ворона и улетела. Вот опять пришел Лис.

«Хозяин здесь — я,

Гора здесь моя...»

Едва успел промолвить он, — кукушка высунула голову из гнезда:

«Не верю я тебе теперь,

Проклятый, ненасытный зверь!

И кем тебе гора дана?
Для всех равно стоит она.
Зачем так врал ты мне, злодей?
Я лжи поверила твоей,
Я отдала тебе птенцов.
С меня довольно лживых слов!
И сколько ты теперь ни злишь,
Меня не испугаешь, Лис.
И про топор ты мне солгал....»

— «А кто сказал?»
— «Ворона... Кто ж?»
— «Отмщу за ложь!»

Сердитый Лис убрался восвояси. В поле он прикинулся мертвым, а ворона подумала, что Лис подох, прилетела, чтобы выклевать ему глаза. Лис —
хватать и поймал ее.

— «Кра-кра! Ой-ой!
Ой, сударь мой..»

— «Так, ябедница злая, так!..
Ты наплела кукушке врак,
Что нет у Лиса топора.
Ну, кончилась твоя пора!» —
— «Ой, сударь, ой,
Перед тобой
Грешна, грешна! Винюсь во всем.
Терзай меня, глотай живьем.
Карай как хочешь, но сперва
Услышь последние слова:

На той вон горке, против нас,
Я клад зарыла про запас;
Хоть все насесты обойдешь,
Нигде такого не найдешь.
Обидно зря ему пропасть, —
Ведь ты бы мог покушать всласть.
Пойдем, достанем этот клад
Из-под земли. Сам будешь рад.
А если я тебе совру, —
Что ж, я в зубах твоих умру!»

«Пойдем, — сказал Лис. — Будет клад — хорошо, не будет — я тебя съем».
Пошли.

Пролетая, ворона заметила лежащую в кустах собаку крестьянина. Вела-вела
она Лиса и прямехонько привела к этим кустам.

«Вот, — сказала, — в этих кустах мой клад».

Лис с жадностью бросился в кусты. Собака вскочила, схватила Лиса за горло
и подмяла. Лис, задыхаясь, захрипел:

«Ах, с давних пор

Я был хитер!

И вдруг, дурак,

Попал впросак.

Будь проклята Ворона та!..»

— «Да, сударь Лис, ты злой хитрец,

Но должен быть и злу конец,

Таков закон. Судьба мудра.

Кра-кра... Кра-кра!..» —

ответила ворона и улетела.

<1908>

КАПЛЯ МЕДА

© Перевод С. Маршак

В ущелье гор, среди села
Лавчонка тесная была.
Туда забрел в базарный день
Пастух одной из деревень.
Он на плече дубину нес.
За ним бежал мохнатый пес.

— «Есть мед, купец?»

— «Есть, молодец!

Давай горшок или корец.

Ай, что за мед, душистый мед!
Похвалит всякий, кто возьмет».

Купец по капле мед цедил,
Но слов медовых не щадил.
Его и медом не корми,
А дай поговорить с людьми!
И за беседой невзначай
Он пролил каплю через край.

Сверкнула капля, как топаз.
О ней и будет наш рассказ.
Почуяв мед издалека,
Слетела муха с потолка.

Жужжит и жадно тянет мед,
А к ней ползет хозяйский кот.
Припал к земле и в тот же миг
На муху — прыг!

Но пес, пришедший с пастухом,
Такую прыть почел грехом.
Вскочил он с пеною у рта,
И ну терзать, трясти кота,
Трепать, катать,
Валять, мотать!
Чуть отпустил —
И снова хватать!
Потом, как тряпку, отшвырнул.

Кричит хозяин: «Караул!
Мой славный кот! Моя краса!
Держите бешеного пса!
Ах, он такой! Ах, он сякой!...»

И всё, что было под рукой —
Горшок, жаровню с кочергой,
Полено, ось от колеса, —
Обрушил на голову пса.
Пес завертелся, завизжал
И на пол лег, где кот лежал.

«Мой бедный лев! — вскричал пастух.—
С тобою свет очей потух!
Кто будет мне стеречь овец?

Тебя прикончил злой купец.
Пусть он провалится со всей
Дрянной лавчонкою своей!
Ему припомнится мой пес...»

Тут над купцом силач занес
Свою дубину — и купец
Нашел безвременный конец.

* * *

«Грабеж! Разбой средь бела дня!» —
Кричит, орет его родня.
Со всех дворов, из всех ворот,
Из всех дверей валит народ.

Бегут на шум
Сосед и кум,
И теткин сват,
И тещин брат.

Свекровь, и деверь, и сноха
Колотят, валят пастуха.

«Ах ты, медведь косматый с гор!
Головорез, разбойник, вор!

Не покупать
Пришел, злодей,
А убивать
Честных людей!»

С врагами в бой вступил пастух,
Сбил одного, отбросил двух
И пал на землю вниз лицом
Между собакой и купцом...

И вот до горного села,
Как дым пожара, весть дошла.
Всех взбудоражил этот слух:
«Убит в долине наш пастух!
Нельзя нам смерть его простить.
Убийцам надо отомстить!...»

Ребята летнею порой
Вспугнут в гнезде осиный рой
И убегут. А тучи ос
Прохожих жалят в глаз и в нос.

Так муха бурю подняла...
Бегут со всех концов села
И старики, и молодежь,
Хватают вилы, серп и нож,
Лопату, вертел и топор
И вниз спешат с высоких гор.

Ведут коней на поводу
И рассуждают на ходу:
«Худой народ внизу живет.
Таким он исстари слывет.
За каплей меда вниз пойдешь —
Да и погибнешь ни за грош.

Черна их совесть от греха.
Идем же мстить за пастуха!

Мы их сожжем!
Мы их убьем!
Мы их — ножом!
Мы их — дубьем!»

Так верхнее село пошло
Войной на нижнее село,
На брата — брат.
Галдят, кричат.
Кто бьет кого — не разберешь.
И вот уж в ход пустили нож.
Сверкнул отточенный кинжал.
Огонь по крышам побежал.
При виде крови и огня
Еще сильнее пошла резня.
Младенцы плачут, и ревет
В хлевах, в клетях забытый скот...

Огонь село спалил дотла.
А были эти два села,
Где жили сотни две крестьян,
В пределах двух различных стран.
Рубеж меж ними проходил,
Закон различный их судил,
И подати несли они
Царям различным в эти дни.

Вот одному царю гонец
Донес, явившись во дворец,
Что жители чужой земли
В его стране село сожгли.
Властитель скипетром потряс
И начертал такой указ:

«Мы, божьей милостью и проч.,
Сим возвещаем: нынче в ночь
Король соседний, словно вор,
Презрев священный договор,
Границы наши перешел,
Вступив в одно из наших сел.
У поселян он отнял кров.
Стенанья жен и слезы вдов
Текут к престолу моему.

А посему,
А потому

Приказ мы отдали войскам,
Лихим наездникам, стрелкам,
Начав немедленно войну,
Занять соседнюю страну.
Согнем врага в бараний рог!
За нами — пушки. С нами — бог!»

Под сим — число календаря
И подпись грозного царя.

Но и во вражеской стране
На каждой городской стене,
На каждом тыне и плетне,
На всем, что только видит глаз,
Монарший вывешен указ:

«Мы, сын небес и царь царей,
Сим объявляем, что злодей
Соседний царь идет войной,
Чтоб нашей завладеть страной.
В наш край он вторгся, точно вор,
Презрев священный договор
И для сего найдя предлог.
Но с нами меч и с нами бог!»
Под сим — число календаря
И подпись одного царя.

И запылал огонь войны,
И две страны разорены,
И поле некому косить,
И мертвых некому носить.
И только смерть, звеня косой,
Бредет пустынной полосой...

Склоняясь у могильных плит,
Живой живому говорит:
«Откуда и за что, сосед,
На нас свалилось столько бед?»

1909

ГОЛУБИНЫЙ СКИТ^[20]

© Перевод Вяч. Иванов

Ленг-Тимур^[21] пришел — изувер, палач;
С ним — огонь и меч, с ним — туга^[22] и плач;

Не узлом сдавил нас удав-дракон —
Наше племя враг полонил в полон.
На побережье, где дышит мглой Севан,
У озерных струй он разбил свой стан —
Там, где, к богу сил воскрылясь душой,
Сторожит наш край монастырь святой.

В те поры в скиту — опекун армян —
Преподобный жил схимонах Ован,
День и ночь молясь за родной народ,
За крещеный люд, за неверный род.
Как прознал Ован из затворных стен
Злых татар набег, христианский плен,
Осерчал зело, затужил вельми,
Что владеет так сатана людьми.
Не скончал молитв седовласый мних^[23],
Хватя за жезл — и вон из ворот святых.
Бормоча идет, куда путь ведет,
В забытии — на гладь бирюзовых вод:
Заплескал Севан, но седой росой

Доплеснуть не смел до ступни босой.
Как увидел то басурманский князь.
Хилым былием задрожал, склонясь,
Завопил, завыл с высоты крутой:

«Не гневись, вернись, человек святой!
С миром в дом вернись!» Так взмолился хан.

Повернул стопы в монастырь Ован.
Чуть на брег сухой оперся жезлом,
Бьет угоднику супостат челом:
«Ты бери с меня, что велишь, старик:
Золоту казну аль на власть ярлык!» —
«Не купить меня ярлыком, казной:
Отпусти, отдай мне народ родной!
Пусть, куда хотят, без помех идут,
Песню вольную жития поют!
Аль в поднебесье уж простора нет
Птицам Божиим? Али тесен свет?»
Лиходей в ответ: «Столько душ отдам,
Сколько душ войдет в монастырский храм.
Ну, ступай, старик, да не помни зла!»
И велел тотчас с одного крыла
Заходить толпе полоненной в скит:
Стольким вольным быть, скольких храм вместит.

Стража грозная от застав ушла;
Потянулся люд, что река текла,
За святым вослед чрез одно крыло;
За сто тысяч их в малый скит вошло, —
Не наполнился и один притвор.
Удивляется басурманский вор
Диву дивному, сторожам кричит,
Новых пленников отпускать велит.
Тучей люд валит, в церковь вваливает, —

За тьму темь число переваливает:
Всё не полон скит, всё гостей зовет;
А людской поток плывет да плывет.
Уж и в третий раз Ленк-Тимур кричит,
Остальной полон распускать велит.
Идут задние, и — за рядом ряд —
Все прошли во храм. Одичалый взгляд
Водит лютый враг до окружных гор:
Пленных нет как нет. И всё пуст собор.
Ужаснулся хан: «Это явь иль бред?
Обыскать весь скит! Разыскать их след!»
Входят бирючи во святой притон:
Там Ован один; на коленях он,
Очи ввысь вперил, словно в землю врос;
Борода влажна от обильных слез.

Сколько в малый скит ни вошло армян,
Обернул их всех в голубей Ован —
Умолил на то благодать с небес, —
И в родимый дол, и в родимый лес
Выпускал он птиц на живой простор:
Все в приют ушли неприступных гор.
Упорхнули все — и сполох утих,
И стоит, один, на молитве мних.

1912

СЕРДЦЕ ДЕВЫ

(Восточное предание)

© Перевод Вяч. Иванов

Некогда в царстве восточном цвела
Юная дева, резва, весела,
Краше всех сверстниц красою лица,
Радость и гордость вельможи-отца.
Только, зная, сердцу не писан закон:
В дочь властелина безродный влюблен;
Дева любовью ответной горит:
«Он мой избранник, — отцу говорит, —
Он — не другой —
Суженый мой».

Крикнул вельможа: «Тому не бывать!
Легче мне в землю тебя закопать!
Нищего зятем назвать не хочу;
В крепкую башню тебя заточу».
Камень, скала он... Что страсти скала?
Юноше дева тем боле мила.
Нежностью пылкой невеста горит:
«Он мой желанный, — отцу говорит, —
Он — не другой —
Суженый мой».

Деспот угрюмей, чем хмурая ночь;
В тесную башню сажает он дочь.
«С милым в разлуке, вдали от людей,
Блажь с нее схлынет. Остынет он к ней...»
Нет для любви ни стен, ни замка;
Лишь распаляет желанье тоска.
Страстию дева в затворе горит:
«Он мой любовник, — отцу говорит, —
Он — не другой —
Суженый мой».

Дух самовластный осетила тьма;
Сводит гордыня владыку с ума:
Башню, где клад свой ревниво берег.
Мстящей рукою безумец поджег...
Что для любви, что жарче тюрьма?

Ярым пожаром пылает сама!
Узница в душной темнице горит,
Клятвы обета, сгорая, творит:

«Он — не другой —
Суженый мой!...»

Грозная башня сгорела дотла,
В пепел истлела, что прежде цвела.
Только — о, чуда безвестного дар! —
Сердца живого не тронул пожар...
Стелется горький с пожарища дым;
Юноша плачет над пеплом седым.
Плакал он долго; застыла печаль;
В путь поманила далекая даль...

Бродит он, сир;

Пуст ему мир.

Нежная тайна! Под холодной золой
Что содрогнется — не сердце ль — порой?

Жаркое сердце в огне спасено;
Только под пеплом сокрыто оно.
Сердца живого из дремлющих сил,
Словно из корня, что ключ оросил
Слез изобильных, — в таинственный срок
Вырос прекрасный и легкий цветок.

Огненный мак;

Глубь его — мрак.

По чужедальным блуждает краям
Юноша, цели не ведая сам,
Вкруг озираясь — любимая где? —
Милой не видит нигде и нигде!
В грезах о нежной склоняет главу.
Но безнадежность одна наяву.
Верной любви и смерть не конец;
Чувства не гасит небесный венец,
В оный предел
Вздых долетел...
Стон долетел к ней и тронул ее:
Тень покидает жилище свое,
К милому сходит, тоскуя, во сне,
Благоуханной подобна весне.
Молвит: «Внемли, мой печальник, завет!
Вырос над пеплом моим алоцвет.
Девы сожженной он сердце таит.
Жизнью моею тебя упоит.
В соке огня
Выпей меня!
Неги медвяной, разымчивых чар
Хмель чудотворный, целительный дар
Выжми и выпей пчелой из цветка:
Черная душу покинет тоска.
Так ты спасешься, избудешь печаль.
Смоет земное волшебная даль,
Не увядают ее красоты;
Мир и блаженство изведает ты —
В тонкой дали
Лучшей земли!»

Нежная тайна, ты сердцу мила!
Стала скитальца душа весела.
Соком заветным навек опьянен,
Волен, беспечен и мужествен он.
В смене вседневной воскреснет тоска,—
Радость за нею, как рай, глубока:
Прекнее бремя его не долит,
Прекнее пламя его не палит —
В тонкой дали
Лучшей земли.

1913

ШАХ И РАЗНОСЧИК

© Перевод С. Шервинский

«Эй, кто не брал?
Бисер, коралл!
Кольцо, браслет,
Любой предмет!
Курят неси,
Меняй, проси!
Всё для девиц,
Для молодежи!
За грош товар.
Хорош товар!»

Разносчик кричит, подзывает народ, —
Таких постоянно встречаешь у нас.
Но этот?.. — змеей по базару ползет
Торговцем одетый властитель Аббас.

«Иголки, нитки! Эй, кому?
Сюда! Недорого возьму!»
— «Браток разносчик! а, браток!
Иголки есть? Продай пучок».
И подошел, ускорив шаг,
К армянке-выселенке шах:
«Острее жал. Каков закал!
Пучок — за хлеб».
— «Ой, обобрал!..»
— «Не спорь, сестрица, о грошах,
Коли тебе твой дорог шах!»
— «Да будь он проклят во все дни!
Господь от шаха нас храни!
Живи, разносчик, много лет,
Но шаха поминать не след...»
— «И зла же у людей в сердцах!
Что вам дурного сделал шах?
Отвел от турка меч лихой,
Вас вывел из Джульфы сухой,
В богатый край переселил,
Заботой всякой окружил...»
— «Закрой, чарчи, свой грешный рот,
О шахе толки прекрати!
Нагрянул он, угнал народ, —
Хоть ногу бы сломал в пути!
По нашим нивам и садам
Прошел, как паводок весной.
Не внял Христу, не внял и нам, —
Всех снял, всех вывел в край чужой.

Замкнули мы дома, дворы,
Ключи забросили в Араз.
Вот обернулись с полгоры
На край родной в последний раз.
Молились: „Богоматерь-свет.
Ты наши кровы соблюди
И, где б наш ни терялся след,
Назад из плена приведи!“ —
Так мы молились, а потом,
Вновь оглянувшись, побрели
И под мечом да под кнутом
Толпой к Аrazу подошли.
Что море, пенится Араз,
Волну выплескивает вон.
„В брод!“ — раздается вдруг приказ.
Самим Аббасом отдан он.
Там, сзади, меч, тут — бездна вод.
Рыданья, вопли... Страшный час...
Стар, млад — все мечутся... И вот,
Обнявшись, кинулись в Араз.
Такую страсть переживать
Не пожелаешь и врагам...
Да не доносятся, видать,
Проклятья наши к небесам...»
И вот изгнанниками вмиг
Аббас смущенный окружен.
Мятежный нарастает крик:
«Будь проклят шах и шахов трон!»
Аббас косится, страшен взгляд,
Угроза прячется в глазах,

Колени у него дрожат,
И мрачно спрашивает шах:
«Вы так ли речь вели о нем?
У всех, бывало, на устах:
Мы в счастье, мол, теперь живем,
Благословен Иран и шах!»
— «Мы лгали, братец! Ты ведь свой,
Чего нам от тебя таить?
А шах — он хищник, зверь лесной, —
Как сердце перед ним раскрыть?
Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвести
Ни счастье, ни любовь, ни честь».

Взвыл страшно разносчик, отбросил покров —
Встал шах перед пленными, грозно-суров.
Сверкнул ятаган у владыки в руках,
И старец изгнанник простерся во прах.

Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвести
Ни счастье, ни любовь, ни честь.

1917

Поэмы

МАРО

© Перевод М. Гальперин

Там, высоко, над скалой,
В глуби гор, покрытых мглой.
Скал украсило чело
Наше старое село.
И утес, как великан,
Призадумался угрюмо:
Только ведает туман,
Что таит утеса дума...
Не постигнуть, что за мысли
Над селением нависли...
Там молящийся народ
Свято все посты блюдет.
И ходили в церковь чинно,—
Всё же горе беспричинно
И неожиданная беда
Постигали нас всегда...
Вот... сейчас... одно преданье,
Быль одну вам расскажу...
Утешенья, оправданья
Я ему не нахожу...
И живет в душе моей
Память, скорбь далеких дней...

1

Близ села до этих пор
Ива грустная растет...
Пощадил ее топор,
Близок леса темный свод...
Жгли, бывало, зноем скалы,
И не раз батрак усталый

В трудовой и жаркий день
Находил под ивой тень...
Тут же вился с гор поток,
Сладкогласый ручеек,
Неустанный и звенящий,
Он журчал в зеленой чаще,
И гурьбою детской, голой,
Шли долиной мы веселой
В жаркий полдень искупаться,
Порезвиться, посмеяться...
Так беспечной детворой
Жили летней мы порой,
Над цветным спеша песком
За лучистым мотыльком...
И когда мы уставали,
Мы, утихнув, отдыхали,
Вдруг задумавшись глубоко,
Там, под ивой одинокой,
Зло забыв, забыв добро,
Над могилою Маро...
О, Маро, дитя, подруга,
Радость детского досуга,
Как беспечны все мы были.
Как резвились и любили!

2

Был в Маро лучистый свет...
Девять минуло ей лет...
В это время золотое
В дом к отцу явились двое...

Мать Маро в хозяйской роли
Понесла им хлеба-соли.
А они благодарили,
Добрый дом благословили...
«Будьте вы хранимы небом...
За землей мы, не за хлебом!»^[24]
Слова вашего мы ждем:
Отчий дом — невестин дом!...»
И отец, бокал наполнив,
По завету всё исполнив,
Отвечал покорно, строго:
«Да свершится воля бога!»
И сосватали Маро
Пастуху из гор, Каро...

3

А Каро, с высоких гор,
Устрашал прохожих взор...
Был огромного он роста.
Всё в нем было кротко, просто,
Но дрожали, как перо,
Видя страшного Каро...
Теща зятя полюбила
И приветом одарила,
Даже милая Маро
Говорила, что Каро —
Добр и ласков и несет
Сласти в каждый к ней приход.

Вот пришел он за женою
С барабаном и зурною, —
И Маро принарядили
И фатой ее накрыли,
Положили хну на руки,
Не спросив про сердца муки,
И ребенка на венчанье
Повели, как на закланье...
Поп с крестом спросил Каро...
Тот сказал «беру», довольный,
И молчала подневольно
Неподвижная Маро...
Вот отец благословенье
Зятю дал: «Пусть умноженье
Благ твоих цветет полнее,
Стань на свете всех сильнее,
Пусть тебя, без тяжких зол,
Ждет у мельницы помол!»
К мужу горною тропой
Увели Маро толпою....
Мужем маленькой Маро
Стал большой пастух Каро.

5

Не пойму, пошло с чего бы...
Ворожкой иль черной злобой
Над малюткой начудили,
Сердце страхом отравили...
Может, злобная вещунья.
Чародейка и колдунья

Отравила тайно платье,
Нашептала ей проклятье...
Сколь над горем толковали
И в беде причин искали...
Не нашла приюта-места
В новой хижине невеста,
Убежала вновь к отцу...
Слезы лились по лицу...
«Пожалейте, пощадите!
Я люблю вас... не гоните!..
Страшно... сжальтесь надо мной!
Не могу я быть женой!»
А отец стал злобы полон,
И в побоях гнев отвел он...
«Вон из дома, прочь, срамница!
Здесь тебе уж не укрыться...
Позабудь жите свое!
Имя ты чернишь мое!»
И, стыдясь и горько плача,
От соседей горе пряча,
Отчий бросила порог
Безутешная Маро...

6

Так, отца и мать покинув.
Отчий дом из сердца вынув,
Под прикрытьем гор и неба,
Чуть жива, без корки хлеба,
От страданий цепenea,
В дом чужой войти не смея.

Там, в горах, где взрослым жутко,
Там брела Маро-малютка,
Мукой темною объята,
Одинока... виновата...

7

Дни и месяцы текли..
Весть однажды принесли;
Наш соседний, с гор, пастух
Нам принес зловещий слух,
Весть о случае ужасном,
О ребенке в платье красном...
«Девочка — вон в тот провал —
Сбросилась сейчас со скал!»
Тут все в страхе прибежали,
В жутком горе и печали
Все, понутившись, смотрели
На безмолвное ущелье.
И отец, забыв свой гнев,
Весь от горя побелев,
Плакал, мукою терзаясь...
Мать рыдала, убиваясь...
Много плакал и Каро...
Умерла — ушла Маро...

8

Близ села до этих пор
Ива грустная растет.
Пощадил ее топор.
Близок леса темный свод...

Там под ивой одинокой
Яму вырыли глубоко,
Без молитв Маро зарыли...
И землей ее закрыли...
Не по божеским обрядам
И не с дедушкою рядом...
Обтесали камень черный,
И вблизи дороги горной.
Под склонившимся стволом
Спит Маро глубоким сном.

9

У села, там, под горою.
Часто тихою порою
В черном женщина приходит
И с могилы глаз не сводит.
Над могилой слезы льет
И Маро к себе зовет...
«Дорогая Маро! Маро-джан!^[25]
Пожалей и скажи... слышит горный туман...
Кто обидел тебя, Маро-джан?
Возвратись же, любя, Маро-джан!
Все мы плакать должны, Маро-джан...
Я не вижу вины, Маро-джан!
О, вернись же домой, Маро-джан!
Но ты спишь под землей, Маро-джан!»
Так, склонясь над камнем скорбным,
Молчаливым, спящим, черным,
Кос печальных серебро
Сыплет, плача, мать Маро...

Тщетно слышатся моления,
И возносятся куренья...
В полумгле ночи глубокой
Пламя свечи одинокой
Там, над камнем, чуть заметно,
Отвечает безответно
О далеких, грустных днях
И... теряется в горах...

1887

САКО ЛОРИЙСКИЙ

© Перевод А. Гатов

1

Вот Лорийское^[26] ущелье — неподвижны, там и сям
Скалы древние, седые, равнодушны к пропастям,
Скалы смотрят друг на друга, ничего не говорят.
Немигающий, упорный, неподвижный черный взгляд.
А внизу, у ног беснуясь, извивается Дэв-Бед^[27].
Он выплевывает пену, дикой гонкой разогрет,
Бьет о берег каменистый, будто он крушит врагов.
Ищет он былых, цветущих, озаренных берегов
И ревет, не умолкая, ненавидя сонь и тишь:
«Ваш-виш-ш-ш! Ваш-виш-ш-ш!»

Из пещер глубоких, темных там на множество ладов
Слышен отклик беспокойных и дразнящих голосов.
То на вопль-стенанье Дэва все каджи, расвирипев,
Откликаются, и слышно, как бушует гневный Дэв.
Завывают злые духи, и повсюду слышно лишь:

«Ваш-виш-ш-ш! Ваш-виш-ш-ш!»

По ночам, когда ущелье оживает от луны
И пугливыми лучами берега озарены,
Волны резвые играют с чистым лунным серебром.
Это, к жизни приобщаясь, скрыто в сумраке густом,
Пробуждается ущелье — дышит ужас под луной,
И ущелье обретает древний свой язык живой.
Монастырь на плоскогорье молится, как на тахте;
На краю утеса крепость, точно сторож, в темноте.
С темной башни на вершине, вознесенной к облакам,
Раздается безутешный крик совы по временам.
И, подобен человеку, молчалив и одинок,
Древний крест в ущелье смотрит, где Дэв-Бед рычит у ног.

2

Есть в ущелье этом домик над рекою высоко.
Грустно в домике сегодня одинокому Сако.
Он — пастух, и постоянно с ним живет пастух другой.
Но, как демон, этой ночью тот исчез — ушел домой.
Чабану в горах не сладко — до деревни далеко.
Тысяча одно несчастье происходит оттого:
Может, вышел корм собакам — от муки мешки пусты,
Или соли не хватило для овечьей баранты?
То ль яичницу у тещи съесть решил в той стороне?
То ли очень истомился — стосковался по жене,—
Бросил стадо и в деревню убежал он во весь дух.
Поутру собрал и вывел баранту один пастух.
Только выглянуло солнце на луга окрестных гор.
Возвратясь, Сако снял лапти и ступни себе растер.

Поразвесил для просушки он носки.
Лег у печки и раскиснул от тоски.

3

Ты один, но кто с тобою равен силой, богатырь?
Если он на землю ляжет, — великана рост и ширь!
Точно дуб! А если встанет он с дубинкою своей,
С набалдашником, который словно слиток из гвоздей,
И свирепых псов покличет, — дик, могуч и страшен он.
Зверь и вор обходят робко этот домик и загон.
Каждый божий вечер, только загорается звезда,
К пастуху приходят гости, наполняется ода^[28].
В печку — хворост, и свирелей начинается игра.
Песни, шутки-прибаутки, пляска юная быстра.

4

У Сако сегодня скучно. Темнота и тишина.
В доме глухо-одинокое без второго чабана.
Он разлегся поудобней — от камина шло тепло.
И так много разных мыслей неожиданно пришло.
Он ущелие увидел — вековую глушь и тьму,
Тут — то бабушкины сказки сразу вспомнились ему,
Сразу вспомнились, и, темной этой древности под стать
Он о духах злых невольно начал думать-размышлять:
Как они толпой веселой на своих ногах кривых,
Принимая ночью образ тюркских женщин молодых,
К людям грустным, одиноким, не просясь, приходят в дом.
Вспомнил он каджи, которым есть что делать здесь кругом.
Лишь увидят из пещеры человека на скале
Или путника, устало проходящего во мгле, —

Родственным или знакомым подражая голосам,
Зазывают на пирушку, поднимают шум и гам.
Бьют наотмашь в барабаны и играют на зурне...
Сказки бабушки покойной зазвучали в тишине,
Будто в детство золотое возвратился снова он,
Сказок древние напевы — точно призрак, точно сон;
Они зовут:

«Сако, приди,
Сыграем свадьбу мы на диво!
Мы буйно пляшем, погляди!
Невесты-девушки красивы.

Возьми лепешку у меня!
Смотри, яичница какая!
Я — твоя тетя, я — родня,
Я — твоя нани^[29], я — родная.

С тобой я буду так нежна!
Тебе любовь платочком машет.
Красавица поет и пляшет,
Трани-на-на! Трани-на-на!»

И нелепые картины безобразной чередой,
Возникая в беспорядке, взор смущают молодой
И к Сако идут навстречу грузной поступью своей.
Но, мгновенно превращаясь в пляску медленных теней,
Удаляются неспешно, разлетаются они,
Тени злобные уходят в их пещеры-западни.

5

Может быть, то лань метнулась? Или это серый волк
Мимо домика промчался? Иль качнулся древний ствол?

Или прыгнула козуля к пропасти на самый край
И свалила ножкой камень сверху в бездну невзначай?

Или ветер кружит листья и бросает на скалу?

Или мечется мышонок, заблудившийся в углу?

Или блеянье ночное пробудившихся овец?

Он прислушивался долго, и решил он наконец:

Кто-то влез в его загон.

Кто?

Прислушивается он...

6

Кто в трубу бросает сверху то золу, то горсть песка?

Кто в ертык ^[30] сию минуту посмотрел исподтишка?

Кто легко прошел по крыше, тихо-тихо, точномышь?

Кто ты там, эгей! Откликнись! Притаился и молчишь?

Нет ответа. Только слышен Дзорагета хриплый стон.

Ах, я знаю, кто там бродит! То — Гево. Никто как он.

Кто отважится? Все знают пса свирепого... «Гево!»

Не боюсь...

«Гево!»...

В ответ он не услышал ничего.

И еще страшней молчанье, да ревуший Дзорагет.

Дзорагет о берег бьется. Ни людей, ни ветра нет.

Мир уснул. Спит ветер. Только духи темные не спят

И шныряют по ущелью взад-вперед, вперед-назад,

Свой бесовский пир справляют на скалистой высоте

И танцуют, словно тени, веселятся в темноте.
Одинокого им нужно человека... Нет ли тут?
И в загон они проникнут... С визгом-хохотом вбегут.
Тяжело пастух вздыхает. Вот на тлеющий огонь
Он уставился глазами и прижал ко лбу ладонь.
Лихорадит великана, и лежит он не дыша.
Переполнена смятеньем горца дикая душа.

Не волчья тень, не ветра крик, —
Нет, звезды сыплются в ертык,
В пастушьей хижине сверкают.
Он хочет вверх взглянуть, но страх
Сжимает сердце и в ушах
Шушуканье, шипенье, шорох.
И в дверь удары, от которых
Он в ужасе. — Да, это он!
Ха-ха! Ха-ха! Он нам смешон!
Ха-ха! Взгляни-ка, погляди-ка!
Оцепенев, он смотрит дико...

Шевельнулся он, свой ужас, наважденье превозмог.
Только пуще задрожал он, поглядев через порог.
Шыррк! Раскрылась дверь, качаясь, и ворвался хоровод,
Перед ним кружится быстро, песни звонкие поет.
Черноглазых, смуглых женщин — он их видит — полон дом.
Рев и писк их безобразный, смех и хохот их кругом.

7

Это страшное ущелье. Только краешек луны
Из-за туч украдкой взглянет. Звезды в тучах не видны.
В этот час, когда ужасен пропастей скалистых вид,

По Лорийскому ущелью великан Сако бежит.
Демонские за собою он слышал голоса,
Злые духи вслед пустились, по ветру — их волоса.
Настигают и хватают за руку его... Потом,
Замахнувшись, бьют змеиным отвратительным хвостом,
А каджи^[31] в своей пещере барабанят и дудят;
Голосов знакомых звуки к пастуху Сако летят.

«Сако, на свадьбу к нам приди!
Повеселимся мы на диво!
Мы буйно пляшем, погляди!
И много нас, невест красивых.

Возьми лепешку у меня!
Смотри, яичница какая,
Я — твоя тетя, я — родня,
Я — твоя нани, я — родная.

С тобой я буду так нежна!
Моя любовь платочком машет.
Красавица поет и пляшет,
Трани-на-на! Трани-на-на!»

А Дэв-Бед летит, грохочет и ревет, бурлив и зол:
«Убежал Сако, держите! Он с ума сошел».

СТЕНАНИЯ

<Отрывок>

© Перевод Б. Серебряков

Стемнело. Старик, муки сердца скрывая,
Подбросил охапку поленьев в огонь
И, древний обычай страны соблюдая,
Он юного гостя приветствовал вновь.

И друг против друга мы чинно уселись,
Костер разгорался горячим огнем.
Вдали перед нами шумело ущелье,
Дыханье свое расстилая кругом.

Бессонные птицы шумят и кудахчут,
И каркают жалобно в темной ночи,
Кричит «сирота», одинокая птаха,
Сова ужасающе жутко кричит.

И ночь вся охвачена жутью глубокой.
И ночь вся охвачена страшной тоской...
Вот где-то раздался из чащи далекой
Голодного волка протяжный вой.

* * *

И длинный чубук свой наполнивши куревом.
Кряхтя тяжело, растянулся старик,
И брови, подобные туче, нахмутив.
Раскатисто-глухо он стал говорить:

— Рассказывай, что у вас в городе нового,

Расскажешь — и люди узнают кругом
О мертвых, живых, дорогом и дешевом,
О новой газете, о прочем таком...

Болтают у нас, будто три государства —
Однако не верится что-то мне —
Решили, чтоб тот, кто войною ударит.
Престола лишился в своей стране.

Кто слышал, чтоб чудо случилось такое?
В природе ли царской, в природе ль князей.
Чтоб в страны чужие не шел он войною.
Не грабил бы земли, не резал людей?

— Эй, брось, старина, о царях, ради бога!
Давно надоела мне в городе жизнь.
Ты лучше о вашей жизни убогой,
О болях и горестях мне расскажи.

— Ну, что потерял ты? Чего ты тут ищешь? —
Старик начал речь свою, горько смеясь.—
Не умерли, видишь, живем, дружище,
Завидую всем умирающим я.

Что жизнь наша? Хлеба кусок
зачерствелый.
Зависит от неба у каждого жизнь.
А если зависит, известное дело,
Какою должна его жизнь быть, скажи?

Вот я, например. В этих мрачных ущельях,
Четырежды двадцать — мои вот года,
Я радости в жизни не видел доселе,
Достатка не видел еще никогда.

Всё лето не знаю горячей пищи,
Кручусь здесь, работаю в поте лица,
Невзгод, огорчений — целые тыщи,
И нет моим бедам тяжелым конца.

От лоз не имею такого дохода,
Который равнялся б налогу на них.
Вот если бы денег иметь хоть немного,
Тогда у нас не было б жалоб таких.

А я, вот, за колья, за хворостинки,
Без пользы лежащие, деньги несу.
Шалаш этот — видишь? Две-три лишь жердинки,
А тоже раз шесть волокли меня в суд:

«Ты лес молодой порубил», — что ты скажешь?
И слушать не хочет, свое говорит,
Пока писарей, старшины не подмажешь...
А нынче у них ведь большой аппетит...

И воры, и волки ограбить стремятся,
Ты чуть отвернулся — и нет добра.
Воруют из дому, несут со двора,
И даже не знаешь, куда бы податься.

Подать старшине, что ли, жалобу? Что ты!
Врага наживу в нем — и только всего:
След вора приводит к его ведь воротам...
Попробуй-ка правду найти у него!..

Сажает тебя он за стол, угощает,
Горячего чаю иль водки дает:
«Ступай себе, дедушка! Спи спокойно!
Уж вор от меня никуда не уйдет...»

Весь мир превратился в «хватай что можешь»,
Любовь — это меч, кровь людская — вода.
Ни страха, ни совести нет у сильных,
А слабых совсем одолела беда.

Вчера на столбе том — был вечер — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил.
Бездомные люди, а может и беглые,
Пришли, а наутро вновь след их простыл.

А кто виноват? Вот и думаю думаю,
И кто тут повинен, никак не пойму.
Везде темноты и невежества уйма,
И все мы во власти бесчисленных мук.

Вот видишь, чем жизнь наша, братец, богата.
У нас — языка нет. Кто сильный — тот бог.
Мы старого нынче лишились адата,
А новых еще мы не знаем дорог.

Живут с нами здесь, по соседству, тавады —

Хозяева наши. У них все права.

С расстегнутым поясом, водкой брюхаты,

На крышах стоят, засучив рукава.

Один у нас пядью землицы владеет:

Как плюнешь с конца, до другого дойдет.

Другим не дает, сам не пашет, не сеет,

Зажал в кулаке весь крестьянский народ.

Чужую скотину, гляди, забирает,

Загонит тихонько на поле свое,

А после, ругаясь, ее выгоняет

И штраф за потраву с владельца берет.

Порою на свадьбах танцует зимою,

Вокруг богатеев юлит, блюдолиз,

Добудет монеты, добро наживное,

И едет проесть и пропить их в Тифлис.

Напраслину как-то он взвел на чабана:

Мол, тот в его поле скотину загнал.

Чабан же не дался такому обману:

«Пусть явится, скажет, что это видал...»

Уж так мне его образумить хотелось:

«Чаты, — я молил его, — брось это дело,

А ну его к черту! Уйди от греха...»

Да грубого разве проймешь пастуха?

Так нет! Заупрямился он. Как скала,
Он стал неподвижно на сельском майдане:
«Вот суд, вот тавад, вот, смотрите, и я.
Пусть выйдет! А ну-ка? Посмотрим, что станет!»

Столкнулись. И начали слово за словом.
Чаты ляпнул несколько грубых слов, —
Уж если дерутся, порядок таков:
Друг друга, вестимо, не потчуют пловом.

А наш старшина благословенный —
Под стать ему случай этот отменный.
С тавадом всегда заодно он. И вот.
Он с длинною плетью на площадь идет.

Чабана на людях к столбу прикрутили.
Избил он чабана что было силы.
«Далеко тебя упеку, — говорит, —
Отныне не взвидишь ты солнца Лори...»

И вот стариков мы почтенных избрали,
Послали к таваду, чтоб пали с мольбой.
Просили его мы и деньги давали.
Чтоб миром закончили спор меж собой:

«Ну чем провинились вы друг перед другом?
Повздорили. Кровь ведь не пролил никто?
Ну, высечь заставил... Возьми и штрафные, —
Кончай это дело. Довольно. Идем».

На лавку тавад положил свою ногу:
«Несите вот столько, — тогда и простим...» —
«Вот всё, что имеем. Клянемся богом!
Откуда еще нам тебе принести?..»

Но, как мы ни бились, он был непреклонен.
Отправил он жалобу выше еще:
Что он — сын тавада, что он — оскорбленный,
И что оскорбитель — пастух простой.

На следствие прибыл чиновник большой,
С кокардой на шапке, с густой бородой.
Приехал, отправился в дом к старшине:
«А где тут Чаты? Приведите ко мне...»

Приходит Чаты, — несуразный, нескладный.
Как дерево, стал посредине — громадный.
Не знает закона, глядит в упор,
Как зверь бессловесный, живущий средь гор.

И начали следствие. Парня схватили.
«Как смел ты, несчастный, тавада ругать?»
И толстую книгу закона открыли,
Решили чабана в Сибирь сослать.

И вот стариков мы почтенных избрали,
Послали к таваду, чтоб пали с мольбой,
Просили его мы и деньги давали,
Чтоб миром закончили спор меж собой:

«Ну чем провинились вы друг перед другом?
Повздорили. Кровь ведь не пролил никто?
Ну, висечь заставил... Возьми и штрафные, —
Кончай это дело. Довольно. Идем».

— «И я, — отвечал он, — имею ведь совесть.
Не нужно мне вовсе чабановой крови...
Пусть только жена его мне помочь
Постель постелить придет в эту ночь».

Имеющий совесть — и так заявляет.
Ну, ясно. О чем же еще говорить?
Мужчина, который про честь понимает,
Сам знает, как надо ему поступить...

Вчера на столбе том — был вечер — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил...
Как много народу из дому исчезли,
Как много убийцами стали из них...

А кто виноват? Вот я думаю думу,
А кто виноват, не пойму я никак.
Хоть ум мой короток, однако я вижу,
Что жить невозможно становится так.

Один по своей поступает воле.
Другой — даже слова сказать не волен.
Ведь ты образованный. Вот и скажи,
Какой это бог так устроил нам жизнь?

Единоверцы, армяне ведь оба,
А вот ведь — мужик, а другой — богатей.
Иль кровь богача нашей крови красней?
Иль нас он искусней, умней и способней?

И вот ты, тавад, будешь делать что хочешь
И я даже слова не смею сказать?..
Эх, друг! Не расспрашивай. Больше нет мочи
Не то мне придется разбойником стать...

Старик замолчал. Прилегли мы на землю.
Костер разгорался горячим огнем.
Вдали перед нами шумело ущелье,
Дыханье свое расстилая кругом.

<1890>

ПОЭТ И МУЗА

© Перевод О. Румер

Однажды я сидел — уныл, угрюм,—
Устав от горестных и тяжких дум
О том, как облегчить свою беду.
«За ссудой вновь к кому-нибудь пойду! —
Решил я наконец, тоской томим. —
А как устроюсь дальше, поглядим».
— «С парнасской высоты тебе привет!»
Я обернулся. Муза, с давних лет
Знакомая, вошла. «Восстань, певец,
Стряхни с себя унынье наконец!
Гляди: страдает твой родной народ,

И кровь невинных к небу вопиет, —
Бредут несчастные из края в край.
Восстань, поэт, надежды луч подай
Тому, кто духом пал, скитальцам влей
Отвагу в душу и утешь детей.
На юных девушек, поэт, взгляни!
Как розы свежие, цветут они,
Сверкает светом солнечным их взгляд, —
Любовных песен все они хотят.
Весна пришла и яркий свой ковер
Везде раскинула по склонам гор.
Полны долины рокотом воды,
Щебечут птицы, и цветут сады.
Приди ж и ты в себя и песню спой
Во славу вящую весны молодой». —
«Нет, Муза, нет! Довольно! Пощади!
Давно клокочет ад в моей груди.
Забывать тебя заставляю я сейчас
Про кровь, весну, поэта и Парнас.
Да будет проклят тот несчастный день.
Когда ты надо мной простерла сень!
С тех пор как стал твоим питомцем я,
Убогой, нищей стала жизнь моя». —
«А про святой забыл ты жар,
Что принесла тебе я в дар?» —
«Обманщица, что дал он мне?
Из-за него я как в огне.
Иль ты не знала, в мир какой
Идет питомец юный твой?
Мне б лучше кровь народа пить, —

Я б деньги мог тогда скопить.

Но мироедом бы не слыл,
Хоть им бы в самом деле был.

Раздался б крик:

„Как он велик.

Наш благодетель! Он один —
Собратьям верный армянин“.

Еще попом я мог бы стать,
С крестом на шее провожать
Покойников, — меня б тогда

На место первое всегда

Сажали люди; ими чтим

Я был бы, словно серафим.

Мне б этакую жизнь вести,

И был бы я у всех в чести.

Иль жить напыщенным глупцом.

Которому всё нипочем,

Лишь бы поесть, потом поспать,

Червю навозному под стать

Такая жизнь, но нужды нет —

Меня бы чтили с юных лет,

Хоть боле пуст во много б раз

Был череп мой, чем вот сейчас

Любой карман моих штанов.

Закон юдоли сей таков!

Но — ах! — с рождения под власть

Парнасской нищенки подпасть,

На плач свою

Обречь семью,

Смех вызывать у всей родни,

Влачить, как груз тяжелый, дни, —

О Муза, это ли твой дар?

Нет, это худшая из кар.

И, помню я,

Мои друзья

Твердили мне наперерыв,

Что мой губителен порыв,

Что жизнь проучит, надо мной

Смеясь, качали головой.

Но я, дурак,

Себе был враг,

С утра до вечера читал,

Стихи безмозглые кропал

И, за тобой летя вослед,

Бежал от счастья с юных лет».

— «О счастье ты каком тужишь?

Неблагодарный, вспомни лишь.

Какой в тебе я жар зажгла!

Тебе способность я дала

На дивных крыльях грез нестись

От скудной жизни к небу, в высь,

Заботы, муки забывать,

В ад опускаться, в рай взлетать

И песни пламенные петь.

Чего же ты лишен? Ответь!»

— «Вопрос бессовестный! Сейчас

Узнаешь, — слушай мой рассказ.

Был в школу счетоводства я

Когда-то отведен. Друзья

Твердили вкруг,

Что, дескать, друг,
Когда получишь аттестат.
Тебе порядочный оклад
И там и тут —
Везде дадут:
Бухгалтеры в большой цене.
Хозяин, говорили мне,
Не будет на прибавки скуп,
А если не совсем ты глуп,
То попадешь к нему... в зятя.
Но тут к тебе, о Муза, я
Подпал под власть, и вот мой дух
Возненавидел зло грессбух.
В колонках чисел и дробей
Я видеть стал клубки червей
И вот, безумное дитя,
Всё бросил я, к тебе летя:
Так дольше жить, мол, мочи нет.
Ведь я поэт, поэт, поэт!
Но снова благосклонный рок
Мне в люди выбратся помог;
Он сделал писарем меня.
Не знал я праздничного дня,
Но так начальнику был мил,
Что он мне ручку подарил,
И я узнал от писарей,
Как надо обирать людей.
Но ты ко мне пришла и тут,
Вмешалась в мой спокойный труд,
И я — за глупость мне позор! —

Стал затевать за спором спор.
Мол, не годится мужика,
Чья жизнь и так ведь не легка.
Годами мучить и терзать,
Вдовицы скарб с торгов пускать.
Потом — зачем, и не пойму —
По наущенью твоему
В письме я шефа обругал,
И он тотчас меня прогнал.
„Тебя мы кормим и поим,—
Сказал он мне, — а ты, гоним
Своею Музой, нас хулишь?
Таких не надо нам. Уйди ж!“
Но милостив господь, и вот,
Едва успел промчаться год,
Служу в большой конторе я.
„Здесь будет легкой жизнь моя“,—
Мечталось мне, но ты пришла,
Мои все спутала дела,
И я, от места отрешен,
На улицу был выгнан вон.
Пришлось, рукой махнув на честь,
Мне по уши в долги залезть
(А если задолжал поэт,
Он не простой должник, о нет!
О нем пекутся все сердца,
И пересудам нет конца).
Когда увидела родня.
Что мало толку от меня,
Что у меня удачи нет,

Все стали мне давать совет
Пойти в попы и взять приход:
„Там ждут тебя любовь, почет,
Поминки с сочною кутьей,
Достаток полный и покой“.
Но я, тебе на торжество,
Отрекся, глупый, от всего!
Церковной кружкой не прельстясь.
Спиною к счастью обратясь,
Я лиру взял,
Поэтом стал
И с песней выступил своей,
Воскликнув вдохновенно: „Эй,
Стоит пред вами музы сын!“
Все рассмеялись как один
И закричали мне в ответ:
„Мы не хотим твой слушать бред.
Безумный юноша, уйди!
Лишь грезы у тебя в груди,
И песнями ты поглощен.
От мира взор твой отвращен.
Мы люди дела и труда,
К чему нам эта ерунда?“
Я крикнул им: „Ах, деньги лишь
И блеск, тупая чернь, ты чтишь.
Тебе поэта не понять,
На нем почиет благодать,
Он правду и любовь поет“.
Сказав, бегу в журнал, и вот
С редактором мой разговор:

„Пишу стихи с недавних пор.
Нельзя ли поместить у вас
Вот эти? Их прочту сейчас.
„О черные глаза, ваш взор покой
Тревожит мой и днем и в час ночной“
Вы мне хотите в душу заглянуть —
Пора закрыться вам, пора уснуть.
Устал поэт от горя и невзгод,
И вечный сон к себе его влечет.
Усните же и вы! Прошел мой день,
Ночь надо мной свою простерла тень“».

— «Недурно! Гладко! Что же, спора нет,
Вы не бездарны, господин поэт!
Десятисложна каждая из строк...
Но бедность рифмы — вот в чем ваш порок.

Позвольте, я исправлю вам сейчас —
И сразу заблестят стихи у вас.
Поэтов наших правлю я всегда
И тем учу, — а то бы им беда.
„О черные глаза, ваш взор покой
Тревожит мой, как будто бес какой“».

Я, как от беса, ужасом влеком.
Из кабинета бросился бегом
И песни в типографию отнес,
О чем мне скоро пожалеть пришлось.
Едва лишь появился сборник в свет,
Суровый публицист почтенных лет.
Высоко беспристрастие ценя,
Счел нужным едко осмеять меня.

«Стихи такие, — он писал, — ни в грош
Не ставлю я, в них смысла не найдешь.
Всего-то в них лишь рифмы да слова!
Я новый сборник дочитал едва, —
Отменно зелен, видимо, поэт.
Поэтам старым нынче смены нет;
Они с собою унесли свой дар
И тайну песенных чудесных чар.
Всем этим овладело царство тьмы,
И вот живем в немой пустыне мы.
Навек умолкли наши старики,
А молодых читать нам не с руки.
Как ты ни смейся, как их ни брани, —
Писать по-своему хотят они».
— «О, край бездушных и тупых сердец!
Не верь, не верь им, молодой певец,
Я от покойных гениев не раз
На твой похожий слышала рассказ.
Сперва им в чашу льют насмешек яд,
Потом от имени их говорят
И всех заслуг их пожирают плод.
Чем дальше, тем гнусней борьба идет.
Клянусь Авроры сладостным лучом
И полным силы светозарным днем, —
О тех ничтожных говоришь ты мне,
Что тупо спят при молодой луне,
Глядеть не любят на ее восход.
А только в полдня час, разинув рот,
Вперяют в небо заспанный свой взор.
Когда уж вышло солнце из-за гор,

Поклоны бьют
И гимн поют,
Всё тот же гимн, что и в былые дни.
Но разве вечно будут жить они,
Уроды эти старые? Ведь нет!»
— «О Муза, — тут воскликнул я в ответ, —
Ты о каких уродах говоришь?
У нас везде, куда ни поглядишь,
Поэты слезы льют, о том скорбя,
Что получили лиру от тебя.
А я... признаться, виноват я сам:
Ленив я был, бездарен и упрям.
Меня корила вся моя родня,
Но убедить никто не мог меня,
Пока ко мне не обратился раз
Богач-сосед, что умницей у нас
В округе слыл, с вопросом: „Где твоя,
Приятель, служба, знать хотел бы я?“
Тут я воскликнул гордо: „Я поэт!“
А он: „Беда, когда работы нет“.
Я повторил: „Поэт!“ — а он сказал:
„Я понял, ты работу потерял“.
Когда приятель мой, в защиту мне,
Сказал: „Такие тоже впрок стране“.
Расхохотался наш ага, да так,
Что всех — будь то богатый иль бедняк —
Рассказ о том
Смешил потом.
Но вот вопрос еще яснее стал,
Когда в газете некто написал:

„Пусть делом занимается поэт,
Коль сыт он быть желает и одет.
А если жизнь он отдает стихам,
То нечего о нем и печься нам.
Не просит ведь его народ писать,
Его кормить газете не под стать, —
Пушай же он своим пером живет!
Что говорю, то от души идет.

Кто слишком сыт,

Тот не творит.

Лишь тот поэт,

Кто в рвань одет

И не обут.

Здесь нужен кнут,

А то вперед

Он не пойдет...“»

— «О край кнута! Поэт, расстанься с ним,

Мы к небесам с тобою воспарим,

Где с духами среди блаженных нег

Ты будешь петь и веселиться век.

А хочешь на Олимп, — летим туда.

Нектар там дивный будешь пить всегда!»

— «Да, — я в ответ, —

Сомненья нет.

Мне, Муза, надоела жизнь моя.

Я б улетел в надзвездные края!

Там средь богинь, которым не чета

Небось армянских женщин красота,

Я б век сидел

И сладко пел

Всё вновь и вновь

Свою любовь.

Какое счастье из юдоли слез
Уйти и, на парнасский сев утес,
Оттуда, свесив ноги, созерцать
Тупую чернь! Но, ах, должна ты знать,
Что ведь женат и многодетен я,
Что ж будет делать там моя семья?» —
«Нет, о семье пускай забудет тот.
Кто, бросив землю, на Парнас идет!» —
«Жестокая, за что с моей семьей
Меня ты хочешь разлучить? Постой!
Коль так, не мил мне твой Парнас ничуть,
Тут на земле устроюсь как-нибудь!» —
«Поэт, ты вправе выбрать. Выбирай
Иль землю эту, или горний край.
Но что бы ты ни выбрал, милый мой,
Всегда от сердца искреннего пой.

Как солнце будь!

Верши свой путь

Сквозь толщу туч,

Всегда могуч.

Ты призван жить,

Чтобы светить.

И, верь мне, вдохновенья краткий час
Ценней, чем драгоценнейший алмаз». —

«О искушительница, ты опять

Мне хочешь лестью дух зачаровать?

Свои повадки, лживый демон, брось!

Я понял всё, ты мне ясна насквозь.

Быть простаком довольно мне! Теперь
Стучись к кому-нибудь другому в дверь.
Внуши моей супруге, например,
Что золото не высшая из мер.
Да что я говорю? У нас поэт
Постиг давно, что деньги — жизни цвет.
В години бедствий и горючих слез
Пред нами часто возникал вопрос:
Певца венок
Иль кошелек?
Вопрос решен! Пусть твой простынет след.
О Муза! До тебя мне дела нет.
Свой книжный шкаф я в кассу превращу.
Отныне деньгам лишь рукоплещу.
О кошелек! Захочешь — и пигмей
Вдруг станет выше всех богатырей,
Безмолвные заговорят скоты.
Красой уroda наделяешь ты,
Своим прикосновеньем золотым
Всё мерзкое ты делаешь святым.
Бросаешь деву в руки старику.
Венчаешь голову ростовщику,
Клеймо смываешь с подлого чела
И ставишь памятник исчадью зла.
Ты у судьбы ворочаешь язык,
Молитвы в небо ты возносишь вмиг,
В своих руках ты держишь шар земной,
Ты дух наш вечный, наш господь второй.
Довольно клеветал я на тебя!
Теперь, о прошлом горестно скорбя,

За ум я взялся и желаю впредь
Восторженно твои деянья петь». —
Тут Муза помрачнела вдруг и — глядь! —
Свои пожитки стала собирать.

«Злой человек,
Прощай навек!
Забывши честь,
Мог предпочесть
Ты пенью лир
Златой кумир».

1901

АНУШ^[32]

© Перевод В. Державин

ПРОЛОГ

На крыльях ветра рея ввысь,
На лунные сев лучи,
Толпою пери собрались
На вершине горы в ночи.

«О сестры! скал и родников
Прелестные духи, — сюда!
Оплачем юную любовь.
Погибшую навсегда!..

Кувшином девушка брала
Волну от семи ключей.
С семи кустов цветы рвала
Гадать о любви своей.

Под звезды воду и цветы
Она поставила в ночь,
Моля у звездной высоты
В любви ей, бедной, помочь...

Жаль нам, Ануш — горный цветок!
Жаль горькой любви твоей!
Жаль стан твой стройный, розы щек.
Жаль темных морей — очей!..»

Цветы раскрылись по склонам гор.
Как взоры, полные слез,
И с тихим ветром в ночной простор
Стенанье их понеслось:

«О, горе, Ануш, о, горе, наш друг!
Любви твоей жалко нам...
О, горе, Саро, о, горе, пастух!
Любимым твоим горам!..»

«О сестры! скал и родников
Прелестные духи, — сюда!..» —
Так хором скорбных голосов
Звучала всю ночь высота.

Волшебный зов, с угрюмых круч
Летящий к лугам в росе...
Но лишь заиграл первый луч, —
Незримо исчезли все,

Спрятались в дуб толстоствольный,
В холодные ручейки.
Канули в пенные волны
Летящей со скал реки...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Лори меня вновь неустанно зовет.
Тоска по отчизне мне сердце томит.
И властно расправила крылья и вот
Душа моя к дому родному летит.
А там, перед отчим сидя очагом,
С тоской и надеждой давно меня ждут
И, слушая выюгу в ночи за окном,
О витязях древних беседу ведут.
Туда — где гора над горою встает,
Где по небу горы ведут хоровод,
Где пьяные горы встают поутру,
Как гости, на свадебном буйном пиру
Плясавшие, пившие целую ночь.
Когда стародавние богатыри
Дэв-Бед и Дэв-Ал Арагацову дочь,
Укрыв, привезли в неприступный Лори.

II

Эй! горы зеленые, детства друзья!
Опять я вас вижу, и вспомнилась мне
Счастливая, ранняя юность моя!
Любимые лица прошли как во сне,

Прошли, будто множество ярких цветов.
Что прошлой весной здесь на склонах цвели.
Прошли, как ручьи прошлогодних снегов. —

Но снова взываю я к ним издали...
Вы — первые воспоминания! Вам
Привет моей осиротелой души!
Вас ищет она по горам и холмам,
Взволнованным голосом кличет в тиши:
«Из тьмы, из могилы вставайте опять,
Хочу вас увидеть, услышать, обнять!»
И снова дышите весной бытия,
Чтоб высшей отрадой наполнился я.

III

Из темных пещер, с обомшелых громад
Утесов, из чащи безмолвных лесов,
Сквозь годы, как эхо, я слышу, звенят
Далекие звуки родных голосов.
Вновь крики кочевья звучат издали,
И вновь над шатрами дымки расцвели.
И бодро встают из предутренней тьмы
Знакомцы, и прошлое снова живет.
А там, где росой дымятся холмы,
Чу! — слышишь? — пастух в отдалении поет:

IV

«Эй, сиди в шатре, девушка, молю!
Закружила ты голову мою.
Я забыл покой, — как ашуг, пою,
С песней, как в бреду,

По лугам иду.
Бросил я овец,
За тобой бреду.

Ты огнем любви сердце мне сожгла,
Нитями волос ноги обвила.
Я умчу тебя силой из села,
Эй, девушка гор,
Красавица гор,
Смуглая краса,
Черная коса!

Коль не суждена ты мне никогда, —
Не стерплю тогда, кровь пролью тогда,
В горы я уйду, сгину без следа!
Эй, полночь-глаза!
Эй, море-глаза!
Погублю себя
Я из-за тебя!»

V

Саро молодой на склоне поет, —
Не может Ануш в шатре усидеть.
«Ты знаешь, нани, нас кто-то зовет...
Ну слушай, нани... Ну дай поглядеть!»

— «Довольно, Ануш, в шатер свой войди!
Ведь девушка ты, спокойно сиди.
Увидят тебя — осудит народ,
Худая молва повсюду пойдет».

— «Нани, погляди-ка, на склоне другом
Щавель, как ковер, зеленеет кругом.
Пусти погулять ты дочку свою,
Нарву щавеля, „Джан-гюлум“^[33] спою».

«Ты что потеряла, негодная, там?
Что тянет тебя к молодым пастухам?
Сиди-ка в шатре да за дело берись,
Будь скромной! ведь ты уж невеста!
Стыдись!»

— «Ой, сердце мое беспокойно давно,
Нани, и томится и ноет оно,
То вдруг окрылится и рвется тогда,
Не знаю — куда! Не знаю — куда!
Нани-джан! Нани!

О, как же мне быть?
Покоя мне нет, что сделать с собой?
Нани-джан! Нани! Позволь же сходить
С подругами мне — к ручью за водой!..»

VI

В ущелье девушки толпой
С кувшинами бегут.
Смеются, шутят меж собой,
И на бегу поют:

«Сквозь тучи надает поток

В кипучем серебре;
Чей яр^[34], печален, одинок,
Рыдает на горе?

Эй, воды снеговых вершин,
Спадающие с гор,
Бегущие по дну долин
На луговой простор!

Видали ль яра моего?
Напился ли мой яр?
Прошла ли боль в груди его —
Бессонный сердца жар?»

— «Твой яр, огнем любви спален.
Пришел, воды испил;
Как жаждал он! Но жажды он
Водой не утолил...»

— «С вершин бежит поток седой
В кипучем серебре...
Ах, то — мой яр, то — милый мой
Рыдает на горе!...»

VII

И в сердце у матери выросло вдруг
Глухое сомненье, неясный испуг...
«Давненько Ануш кувшин свой взяла.
Спустилась к ручью — и всё не пришла...
А тучи сгустились, окутали высь,

В ущелья забились, друг с другом сплелись.
И — страшно! — беды не случилось бы с ней.
Немало ведь бродит недобрых людей...
Ануш, ох, бессовестная!» — И встает
Старуха и к краю ущелья идет.
И, ко лбу ладонь прислонивши, кряхтя,
Бесстрашное кличет и кличет дитя.
«Эй, дочка, срамница! Что делаешь ты
В овраге одна средь такой темноты?
Глянь — тучи какие, гроза на пути!
Ты что потеряла, не можешь найти?
Ты слышишь, Ануш? Эй, дочка Ануш!»
И бьет по коленям и охает: «вуш!»^[35]
Над пропастью мать, растерявшись, сидит
И вниз с омраченной душою глядит...
А тучи сгустились, окутали высь,
В ущелья забились, друг с другом сплелись,
И — страшно! — беды не случилось бы с ней,
Немало ведь бродит недобрых людей...

VIII

«Ну,пусти меня!.. Слышишь? Мать звала...»
— «О, не уходи! погоди, молю!..»
— «Ах,пусти, уйду... Я с ума сошла!..
Нет! не любишь ты так, как я люблю;
Только я одна плачу и томлюсь,
Думала — тебя вовсе не дождусь.
Ты совсем, совсем про меня забыл:
С коих пор одна здесь сидела я,
Я ждала, ждала, ты ж не приходил,

Все глаза в тоске проглядела я!

Нет, ты меня

Не слушаешь,

Ты обо мне

Не думаешь...

А я сгорю,

Огнем взовьюсь,

Я растворюсь,

Ручьем прольюсь.

Не знаю я.

Чем стану я,

Коль еще раз

Так буду ждать...

Ива, говорят,

Девушкой была,

Милого ждала,

Милый не пришел.

Стан склонив, как ствол,

Ивой у реки

Сделалась она,

Высохла с тоски...

Шелестя листом

Тонким над водой,

Всё стоит она,

И дрожит она,

И скорбит тайком

Вечно об одном,

Лишь о том, как яр

Милую забыл...»

— «Ах, Ануш, Ануш! упрекаешь ты,

А не знаешь ты
Для кого свою песню я пою,
С кем я говорю?..
И свирель моя, жалуясь без слов,
Чью зовет любовь...
И, когда в мечтах застываю я,
С кем бываю я...
И тоской о ком весь я полонен,
И о ком мой стон...
Ах, Ануш, Ануш! сердца нет в тебе!» —
Юноша пастух
Пал на грудь Ануш, застонал в мольбе,
Замолчал, потух.

IX

«Ануш! Эй, Ануш! скорее иди!» —
Старуха нани вздыхает, кричит.
«Иду я, нани! Иду! Подожди!» —
Ответ в глубине ущелья звенит.

Рассыпались косы у ней по спине,
И пряди упали на щеки в огне,
И вышла из пропасти сквозь облака,
Как лань, убегающая от стрелка.

Кувшин на плече притащила пустой,
И нет на плече у ней для кувшина
Подстилки. В ущелье осталась она.
Эх, горе-беспечность души молодой.

«Нани, испугалась я! — дочь говорит.
И хочет всплакнуть, да слеза не бежит
Внизу я людей увидала вдали,
Подумала — турки купаться пришли...»

Старуха клянет, досады полна.
Трусливую, глупую дочку свою.
И сходит, бранясь, в ущелье она
С кувшином пустым обратно к ручью.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

(Утро Вознесения)

Х

Амбарцум^[36] настал. Горы зацвели.
Дно долин горит, как ковер, вдали.
Девушки пошли на горы гулять,
Собирать цветы, песни петь, гадать.

«Амбарцум, яйла^[37],
Яйла-джан, яйла^[38]!
Тени гор, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Запах трав смешав
С песней молодой,
Девушки бегут
Пестрою толпой,
Роем мотыльков
Реют меж цветов.

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Вешний день, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Амбарцум настал,
На горах крутых
Сердцу загадал:
Кто же твой жених?

Ай, джан-пастух, ай, розы цвет, — чей ты есть?
Нет! видит бог и видит свет — мой ты весь!

Вот и ты берешь
Скрытый жребий свой,
Будет всем хорош
Яр твой удалой!

Усы — два нежные ростка, стан красив,
Не горевать тебе, пока яр твой жив!

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Жар сердец, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Голоса звенят. Девушки поют,
И, храня обряд, жребий достают.
Счастье и любовь выпадут одной,

Горе на душе ляжет у другой.

XI

И жребию вновь по кругу бежать
Велит Мать цветов, накрывшись фатой.
И все «Джан-гюлум» запели опять,
И эхо звенит вдали за горой.

«Эй, выросшая средь гор
Красавица, ночь — твой взор!
Но милого твоего
Ждет гибель — пуля в упор!»

«Ой, горе тебе, сестрица Ануш!
Пал жребий тебе несчастий и мук!
Отсохни рука, что достала его!..» —
И смолкнул весь круг смущенных подруг.

«Сестрица, всё — ложь! гаданью не верь!
Беги от тоски, от горестных дум;
Иди, не грусти, — и с нами теперь,
Как прежде, играй и пой „Джан-гюлум!“»

«Ах, счастья мне нет — и не суждено!
Всегда от меня бежало оно...
Не дружит оно с судьбою моей;
Проклятье на мне с младенческих дней.

К нам нищий старик, говорят, приходил —
А я еще малым ребенком была, —

Он песню пропел, подаянья просил,
Но мать ни куска ему не дала.
„Прочь! — крикнула, — прочь от наших дверей!
Покоя мне нет и от дочки моей!..“
И проклял старик жестокий меня,
Чтоб ей, мол, не знать отрадного дня.
Мой темный удел лишь богу открыт,
На сердце ж моем мрак вечный лежит
И тьма предо мной; в ее глубине
Таится мой путь — неведомый мне!..»

«Ануш, не грусти, вот ты поглядишь,
Увидишь сама: гадания — ложь!
Какой-то старик безумный, дервиш
По злобе сболтнул, а ты — слезы льешь.
Не бойся, Ануш, знай — счастье придет!
Вся жизнь пред тобой весною цветет.
Ты так молода, — взгляни же, взгляни:
Лежат впереди счастливые дни!
Сестрица, всё — ложь, гаданью не верь!
Беги от тоски, от горестных дум;
Иди, не грусти, — и с нами теперь,
Как прежде, играй и пой, „Джан-гюлум!“»

Хор

Счастливая ты —
Счастлива в любви!
Красивая ты —
Без горя живи!

Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Дни любви, яйла,
Яйла-джан, яйла.

С расцветшей весной
Ты схожа, сестра.
Твой яр за тобой
Стоит, как гора.

Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Горы-джан, яйла,
Яйла-джан, яйла.

Ануш (одна)

Куда судьба меня зовет?
Ах, будущее страшит...
От ледяного зова ее
Сердце мое дрожит.

Вот так и горные цветы
Болью безмолвной полны.
Слезами их глаза налиты,
Грустны сердца и черны.

Напрасно краткою весной
Томятся они на лугах
И вянут с горечью немой

В печальных черных сердцах.

Хор (издали)

Амбарцум, яйла,

Яйла-джан, яйла,

Пламя мук, яйла,

Яйла-джан, яйла.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

XII

На свадьбе гуляли однажды зимой.

Привольно гостям веселиться, шуметь.

Пришли пастухи молодые толпой —

Бороться, плясать, на красавиц глядеть.

Вот бурная пляска утихла. И вдруг

Для новой забавы расчистили круг,

И песню борьбы продудела зурна^[39].

Толпа раздалась, любопытства полна.

«Тащи их! тащи!» — суетятся, галдят...

И вот уже друг против друга стоят

Моси — брат Ануш и Саро — наш пастух.

Насильно друзьями притащенный в круг.

Тогда на два стана село разошлось.

Сомкнулось теснее, стеной поднялось.

Себе каждый стан пахлевана^[40] избрал,

Теснясь и шумя, за спиной его стал...

Кричат, подзадоривая, всё сильней:

«Эй, эй, молодцы! не робейте! смелей!»

А рядом, из-за занавесок цветных.

Невеста с подружками смотрит на них.
Стоят, горячатся борцы-пастухи.
Заправили за пояс полы чухи^[41],
Бьют об землю крепкой ладонью; взвились
Прыжком — в свирепом порыве сплелись.
Есть в темных ущельях обычай седой...
Старинным обычаям верен всегда.
В борьбе удалец удалца пред толпой
Спиною к земле не прижмет никогда.
Саро и Моси, молчаливо сцепясь,
То кажут притворную ярость и прыть,
То хлопнутся наземь, в обнимку катясь,
Никак, мол, друг друга им не победить!
Напрасно толпа в исступленья кричит
И девушки с бьющимся сердцем глядят...
Ануш, изваяньем застывши, стоит,
Не в силах отвести околдованный взгляд.
Стоит... И Саро вдруг увидел ее...
В глазах его — мгла, в голове — забытье.
В нем вспыхнуло сердце, забилось сильней.
Забыл он обычай, и мир, и друзей.
Тогда как Моси, побратима любя,
Боролся шутя и ослабив себя,
Саро его с силой внезапно схватил,
Сшиб с ног и коленом к земле придавил.
Так сделал — и сам не заметил того...
Толпа заорала. В толпе торжество.
«Саро победитель!» И вот пастуха
С почетом подводят к тахте жениха.
И все рукоплещут, ликуют, кричат,

Качается кровля, и стены дрожат.
А рядом из-за занавесок цветных
Невеста с подружками смотрит на них.

XIII

С пола встал Моси. Мечет он и рвет.
Крикнул: «Пусть встает! Схватимся мы вновь.
Иль, жизнью клянусь, он так не уйдет!
Плата за позор — нечестивца кровь!
Он не победил!.. Я обманут был!..
Ну — пусть он придет! Очистите круг!»
Хохот загремел, хохот оглушил.
Смеются, орут все сразу и вдруг:

«Он не побежден? —
Правду молвил он!
Ха-ха-ха! — упал.
На спине лежал!
У тебя, Моси,
Вся спина в грязи!
Вот он, еще раз
Схватится сейчас!
Пусть-ка наперед
Спину отряхнет!..»

XIV

Со свадьбы веселой из дома того
Уходит Моси, тяжело оскорблен;
Кипит омраченное сердце его.
Поспешно, шагами неверными он

Идет, бормоча: «Это ты ли, Моси?
Позор тебе!.. Ты ли валялся в грязи?
Еще ты земли не касался спиной...
Ты вспомни — кто ты? Погорюй над собой!
Как на землю вдруг твоё тело легло.
Когда на тебя всё глядело село?
Тебе... у Саро под коленом лежать
И женщинам после глаза показать?!
Нет... Горе с тобою случилось! беда!
Посмешищем будешь для всех навсегда...
Умри! Ведь такого стыда не снести!
Сиди со старухами, прялку крути!..»

XV

«Ой, не убивай меня, брат, пощади!
Не буду! не буду любить я его!
Ох, сердце дрожит, как листочек в груди...
Моси, я кинжала боюсь твоего!..» —
Так брата Ануш умоляла, в слезах
Упав на колени, от страха без сил...
Свирепый Моси с иступленьем в глазах
Сестре обнаженным кинжалом грозил.
«Клянись моим именем! — брат ей кричал. —
Клянись, что Саро ты не будешь любить!
Не то — видишь мой обнаженный кинжал? —
Легко мне бесчестное сердце пронзить!»
— «Моси-джан! Я прах под твоею ногой!
Ты клясться рабу принуждаешь свою?..
Вот я на коленях, в слезах пред тобой...
Я больше Саро не люблю, говорю!»

— «Ты вздумала мне, обманщица, лгать?
Не любишь его?.. А что же тогда,
А что же тогда, как ложимся спать,
В ночной темноте ты плачешь всегда?
А что же тогда, как только уснешь,
„Саро-джан! Саро!..“ — его ты зовешь?»
— «Моси, джан-Моси! мне за это не мсти!
Сегодня меня пощади,пусти!
Не хочешь — не буду его я любить,
И звать уж не буду его я во сне...
Боюсь я... не надо кинжалом грозить...
Моси-джан, опомнись! не брат ли ты мне?..»

XVI

И непримиримой, смертельной враждой
Друзей разделил этот случай пустой.
Родные в дом из дому стали ходить —
Мирили их, да не могли помирить.
Как мог непреклонный Моси потерпеть.
Что неотмщен он, а рядом с сестрой
Вдруг стал под венец бы обидчик Саро.
Смерть лучше, чем в доме такого иметь...
И жаждою мести горя, может быть,
Он хочет пролить сестры своей кровь
И грудь ей готов кинжалом пронзить,
Чтоб с жизнью из сердца вырвать любовь.
Быть может, с ночи, до восхода луны,
Настойчивы в злобе, ожесточены,
Враги друг у друга угонят овец,
Чтоб ярость свою утолить наконец?

Быть может, сегодня же ночью сгорит
Стог хлеба на кровле — запас годовой,
И хмурые скалы окрест озарит
И вскинется к звездам язык огневой?..

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

XVII

Рассвета лучом Чатиндаг^[42] озарен.
И, как с водопоя верблюды, на склон
Гуськом из ущелья идут облака.
В долине блестит и дымится река...
Что ж полно смятенья селенье в горах?
На кровлях толпится встревоженный люд,
И юноши, ружья сжимая в руках,
Толпою ко входу в ущелье бегут.

XVIII

К толпе возбужденных событием людей
Седой, величавый старик подошел
И, пыхнув прокуренной трубкой своей,
Сказал, указавши рукою на дол:
«Я прошлую ночь — этак в полночь — не спал
И, глаз не смыкая, в постели лежал...
Всего я лишился на старости лет, —
И сна и здоровья бывалого нет...
Да... помню: был темный полуночный час,
Вдруг пес забрежал за стеною у нас.
„Эй, кто там? Уймись ты!“ — я крикнул ему.
Гляжу — пес, как бешеный, кинулся в тьму!..
„Эх, времечко! — тут про себя я сказал. —

Чем прежде я был, и чем нынче я стал?
Бывало, один возле выгона спишь,
Чуть шорох — и вскочишь, и в оба глядишь...“
Так вот, говорю, не сомкнул еще глаз;
А помню — был горький, полуночный час...
Две тени мелькнули, пустились бегом
От пса и пропали во мраке ночном...
Туда побежали».

Толпа удальцов
В ущелье сошла и двоих беглецов
Недавние там отыскала следы,
Терявшиеся на песке у воды.

XIX

Шло время. Толпа деревенских парней
Все горы обрыскала за сорок дней,
Но только Саро-пастуха не нашла,
Укравшего дерзко Ануш из села.
И парни ни с чем воротились домой.
Про удаль Саро говоря меж собой:
«Эх, вот у кого нам пример надо брать!
Друзья, вот как надо невест умыкать!...»
Но, жаждою мести снедаемый, брат
Беглянки Ануш не вернулся назад.
Дал клятву Моси беглецов проследить,
Убить их на месте и гнев утолить.
В горах он скитался...

Но вот как-то раз
Со жницами-женщинами в поздний час,
В изодранном платье, понурясь, тайком

Беглянка вернулась в родительский дом.

XX

«Эй, слышь, Вардишах^[43], коль любишь меня,

Раскинь-ка на счастье горсть ячменя!

Исчахнуть бы мне, ослепнуть бы мне!

Послушай, что мне приснилось во сне:

...Ущельем иду, где воды шумят,

И овцы Саро в ущелье стоят,

Язык обрели — и песню поют,

Согласно поют, чудесно поют.

Раскинь свой ячмень! Порадуй сестру!

Ой, плох этот сон... Ох, он не к добру...

О боже, врата свои нам открой;

Ты нас сотворил, мы — прах пред тобой!..

Безгласные овцы в ущелье глухом

Так пели, сестрица, как мы не споем;

Бедняги Саро убогая мать

С платочком пошла пред ними

плясать...» —

«Услышь, Манишак^[44], к несчастью твой сон.

Гляди на ячмень — как падает он:

Вот — зло, вот — добро... А это — гляди:

Саро... он стоит на черном пути.

Господь, молодца Саро пощади!

В дом старой нани беду не пусти!..»

XXI

И бродит Саро по горам родным.

Как загнанный зверь, из оврага в овраг.

И рок впереди, и пуля за ним.
Луга ему — ад, и друг ему — враг.

Когда ж на горах закат догорит
И вечер дарит отрадную тьму, —
Его баяти^[45] печально звучит
И горы-друзья внимают ему:

«Ночные горы — эгей!
Вас мое горе темней.
Ой, горы, вам я кричу,
Одни вы вторите мне.

С надеждой к вам я бежал,
Я так от мира устал!
О горы, скройте меня
В глухих расселинах скал!

Как к дому друга, иду
К скалистым кручам во льду.
Умру, избавлюсь от мук,
Ночлег спокойный найду.

Умру... но как же она?
Ах, эта мысль мне страшна.
Пусть я избавлюсь от мук, —
Она как будет одна?»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

XXII

Рыдает Ануш, пав на землю лицом.
Соседки безмолвно столпились кругом;
Не знают они, что ей, бедной, сказать,
И чем обнадежить, и как утешать...
Покамест бог миловал: бешеный брат
Из дальних полей не вернулся назад...
Но с пеной у рта жестокий отец
Плюется, клянет несчастную дочь:
«Пусть горе тебе принесет твой венец!
Уйди ты, распутница, с глаз моих прочь!
Подальше от дома свой стыд уноси,
Уйди! Не позорь ты отца своего!
Ты знала — его ненавидит Моси,
Ты знала — что мы невзлюбили его!
Так как же решилась ты с ним убежать?
Нет! Лучше б тебе в могиле лежать!..»
На крик старика всё селенье сошлось.
И слышно: «Утихни!.. Умерь свою злость!»
И сельский священник приплелся на крик —
Осанистый белобородый старик.
«Прочь, прочь уходите! — он людям сказал. —
Уйдите, чтоб сам я всю правду узнал!
Ануш всё мне скажет сама. И тогда
Увидите, что поправима беда.
Не плачь, успокойся, утихни, мой свет!
Скажи мне, ты любишь его или нет?
Сама захотела ты с ним убежать?..
Сама? Ну, так должен я вас обвенчать,—
И всё тут!..
Эй! кто там так громко кричит?..

Да что там?.. Пускай кто-нибудь поглядит!..
Убил?.. Кто?.. Моси?.. Не хватало беды...
Ануш, эй, Ануш!.. поскорее — воды!..»

XXIII

Как бурный поток, что, свиреп и могуч.
Внезапно бы на землю хлынул из туч.
Как яростный вихрь, распахнувший крыла,
Помчалась толпа парней из села.
Спешат, уж не спрашивая ни о чем,
Гонимые горем, как черным смерчем.
Влетели в ущелье. И мнится — у ног
Шипит и клубится кровавый поток...
И вмиг — никого не осталось в селе.
Теснясь, в нетерпении стоят на скале
И, с трепетом вслушиваясь в каждый звук.
Глядят напряженно. Но скалы вокруг
Безмолвны. Лишь пену бушующих вод
Бессонный Дэв-Бед по дну бездны несет.

XXIV

И вот показался убийца из мглы
Ущелья. Шаги неверны, тяжелы.
Идет... Все черты его искажены,
Глаза выраженьем ужасным полны.
И — страшный, медлительный — к двери своей
Прошел он, не глядя на лица людей;
Повесил на столб волосатой рукой
Ружье свое, схожее с черной змеей.
Застыла толпа. Каждый — как онемел

От страха... Никто идохнуть не посмел,
Молчат. Вдруг завьла старуха одна.
Лицо раздирает и вопит она:
«Арай!»^[46] Это сын ее, сын... он убит.
Она, обезумев от горя, бежит.
И, страшен и нечеловечески дик,
В пустынном ущелье звучит ее крик.

XXV

И с воплем «арай» исступленной толпой
Все женщины кинулись узкой тропой
В ущелье, за матерью вслед. И вдали
Ее возле мертвого сына нашли.
И плач их надгробный так скорбно звучал,
Что душу, казалось, живым разрывал.
И юноши с горестной думой в глазах
Уселись понуро на ближних камнях.
А женщины плакали — сгиб удалец...
Жалели покинутых сирых овец,
Бедняжку Ануш помянули потом
Бездушным проклятьем.
Скорбели о том.
Что вот, мол, все юноши в горы пойдут,
Саро одного лишь с собой не возьмут.
Что некому будет собак накормить,
Что с кровли начнут они, бедные, выть,
Что палица с грозной щетиной гвоздей
Покроется сажей на полке своей.
Что длинный кинжал, украшение стены,
Заржавеет, вдвинутый праздно в ножны.

Привыкшая к воздуху горных высот,
Нани в этот год на яйлаг не взойдет;
Одна будет дома несчастная мать
Сидеть, горевать, о былом вспоминать...

И каждое слово, что слышала мать
О сыне, ей сердце могло б растерзать.
И мать мертвеца начинает молить
Хоть слово сказать, хоть глаза приоткрыть:
«Что, солнышко, ты закатилось во тьму?
Зачем не глядишь ты? Молчишь почему?
Сын милый! Ты что изменил мне? Взгляни —
Ты отнял могилу у старой нани!»
Но бледные веки навек заперты.
Застыли уста, и не дрогнут черты.
Не слышит убитый земных голосов...
Недвижно белеет полоска зубов.

...И небо-врага проклиняет она,
Отчаянья и исступленья полна.
И бога поносит, и волосы рвет,
И снова рыдает, и снова зовет:
«Ты солнцем за тучи упал, Саро-джан!
Ты с ветви цветущей упал, Саро-джан!
Тьма солнце убила мое, Саро-джан!..
И ночь наступила моя, Саро-джан!..»
...И ночь наступила. И пала роса.
И плачущих стихли вдали голоса.
Лишь старый Дэв-Бед, в гриве пенных седин.

Горюет и плачет в ущелье один.

С грозной песней

Мчится в бездне,

И — горя полн —

Бьет пеной волн

О стены скал.

За валом вал

Разбивает

И рыдает...

XXVI

Друзья с сокрушенной душой

Могилу копать пришли.

Над рекой, под скалой большой

Они его погребли.

Заблагоухал ивы цвет,

Всплыл над долиной туман.

И голосом шумным Дэв-Бед

Величавый спел шаракан^[47].

И друзья — грустны и туманны —

Воротились каждый в свой дом,

Оставя внизу безымянный

Черный холм в ущелье глухом.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

XXVII

Принеслась весна. Склоны гор в цветах.

Загремел в лесах хор весенних птах.

Девушка одна ходит, травы рвет,

Про себя поет, и не отдохнет,

По речным пустым ходит берегам,
Плача и смеясь, бродит по лугам.
«Красавица, что плачешь ты,
Тоскуешь ты о чем?
И для кого ты рвешь цветы
В ущельях день за днем?
Ты плачешь — роз весенних ждешь?
Для роз настанет май!..
Иль ты о милом слезы льешь?
Ушел он в дальний край...
Его из плена — никакой
Мольбой не воротить!..
Зачем напрасных слез рекой
Огонь очей гасить?
Могильный холм его польет,
Оплачет дождь весной.
Тебя ж другой любимый ждет,
Таков закон земной».
«Благодарю, прохожий-брат!
Иди! Ты встретишь яр...
У ней смеется сладко взгляд,
Глубокий, полный чар.
Пусть ваши дни, любви полны,
Ликут, как весна!
А мне? — лишь слезы мне даны
И плакать я должна».
И бредет она,
И поет она.
А у ней одна
Песня сложена,

И кипит в ней слез темная волна...
Ропота полна, стонет и скорбит,
И одно поет, и одно твердит:
«Опустела жизнь!.. Страшно опустел,
Изменился мир!.. Мир осиротел!..
Горы без Саро — сиры и пусты».
И зовет она: «Милый, где же ты?
Где твои пути? где найти следы?..

Сжался, удалец!
Боротись скорей.
Долго ль ждать тебя
Любящей твоей?
Поверни стада,
Пригони домой!
Мы тайком тогда
Встретимся с тобой...

Взгляни на тот зеленый склон, —
Там юноша лежит.
Укрывшись черной буркой, он.
Откинув руку, спит.
Ах, то — мой яр! Дыханьем трав
Он сладко опьянен,
На свежий луг в тени упав.
Спит безмятежно он.

Встань же, удалец!
Встань, жестокий мой!
Уж давно овец

Гнать пора домой...

Смуглый, молодой,

Я тебя люблю.

Боль души с тобой

Только утолю!..

Чья свадьба там, под рев зурны,

Идет — пышнее всех?

Людей веселых скакуны

Несут сквозь дождь и снег?..

Нет... Мне слышалась зурна,

Почудилась на миг...

Подруженьки, а где ж у них

Невеста и жених?..

Вон несут, несут

К воротам родным!..

Стойте! я косу

Расплету над ним...

Унесли его,

Плача и стень.

О, заройте с ним

В землю и меня!..

Ах, что я! Это, говорят,

Немой, смердящий труп;

Застыл недвижный, мутный взгляд,

Засохла кровь у губ.

А тот был юн и полон сил.

Благоуханно-свеж!

Он с шуткой, с песней проходил
По росам вешних меж...

Сжался, удалец,
Воротись скорей!
Долго ль ждать тебя
Любящей твоей?
Ждать не заставляй,
Долго я ждала.
Много без тебя
Слез я пролила.

Если не дождусь
Нынче до зари.
Помни — рассержусь.
Разлюблю — смотри!»

XXVIII

В утесы бьет разъяренный
Дэв-Бед пеной мутных волн.
И виден над ним зеленый
Саро надмогильный холм.

Там слезы безумная льет
Возлюбленная его,
И стонет она, и зовет
К себе Саро своего.

И светом сменяется тьма,
И тьмой сменяется свет;

Безмолвна могила, нема,
И милого нет и нет...

Дэв-Бед вздыхает: «Вуш, вуш!»,
Вал за валом гоня во тьму,
Призывая: «Слушай, Ануш,
Тебя я возьму к нему!..»

«Ануш, эй, Ануш! вернись же назад!..» —
Старуха нани с обрыва кричит.
Но, страшно немые, ущелья молчат.
Лишь недруг Дэв-Бед во мраке шумит:

«Вуш-вуш, Ануш, вуш — нежный друг,
Любви твоей жалко нам!..
Вуш-вуш, Саро, храбрец-пастух!..
Вуш — милым твоим горам».

XXIX

Под Вознесенье, в ночь тайн и чудес,
Есть миг счастливый один, когда вдруг
Распахиваются врата небес,
И умолкает внизу всякий звук,
И чуть струится в небе эфир,
И благодатью наполнен весь мир.

В тот миг чудесный, когда тишиной
Объяты бездны и бури молчат.
Неутоленных при жизни земной
Влюбленных звезды друг к другу летят,

И встречаются, и нежно, с тоской,
Целуются — высоко над землей...

1890, 1901

ДАВИД САСУНСКИЙ

© Перевод С. Шервинский

I

Лев-Мгер богатырь был родом таков:
Сасуном^[48] владел он сорок годов.
Столь грозен был Мгер, что птице чужой
Не взлететь при нем над его страной.
От Сасунских гор и в дальний предел
О славе его слух страшный гремел —
Что велик ишхан^[49], всем смелым пример.
На тысячи уст был один Лев-Мгер.

II

Так, грозный, как лев, соседям на страх,
Он князем сидел в Сасунских горах
Целых сорок лет, — и за сорок лет
Не молвил он «ах!» ничему в ответ.
Впервые теперь, как старость пришла,
В бесстрашную грудь кручина вползла.

Стал думать старик всё думы одни:
«Настали мои осенние дни.
В плен к черной земле идти мне черед, —
А слава моя, словно дым, пройдет,
Страх минет, и слух замрет обо мне

В пустынной моей и сирой стране.
Встанут каджей тьмы, встанут дэвов тьмы...
Кого ж назовем наследником мы,
Кто бы поднял меч, защитил Сасун?...» —
Так думал в тоске бездетный горюн.

III

Раз сидел он, хмур, головой поник,
И виденьем вдруг был смущен старик:
С небес огневой спорхнул херувим —
Стопы в облаках — и предстал пред ним.
«Блажен, исполин, сасунский старик!
Престола небес твой голос достиг.
Бог даст, у тебя народится сын,
Но одно лишь знай, о гор властелин:
В тот же день судьба свершиться должна:
Умрете — и ты, и твоя жена».
«Будь воля его! — Мгер молвил тотчас. —
Как для смерти мы, так и смерть для нас.
Коль наследник есть, тогда человек
Потомством своим бессмертен вовек».
Благовестник вновь в пыланьи огня
Отлетел в лазурь, и с этого дня
Через девять лун и девять часов
Сын Мгеру был дан в исполнение слов.
И львенку дает он имя — Давид,
И брата призвать, Огана, спешит.
Он сына и край ему поручил
И вместе с женой навек опочил.

IV

А в Мсыре в тот век, могуч и велик,
Престол занимал царь Мысрамелик.
Услыхав, что Мгер ныне взят землей,
На горный Сасун он пошел войной.
Стал Оган-Горлан от страха чуть жив,
Он встречал врага, главу обнажив,
Стал молить его, припадал к ногам:
«Ты будь, — говорил, — владыкою нам!
Доколь под тобой суждено нам жить.
Будем дань платить и верой служить, —
Лишь ты пощади, не громи наш край,
Лишь сладким на нас ты оком взирай».

«Нет, — молвил Мелик, — пусть весь ваш народ
Под мечом моим, как один, пройдет;
Что я ни твори, что с вами ни будь —
Сасунец не смей мечом шевельнуть».

И пошел Оган, весь Сасун призвал,
Всем скопом его под мечом прогнал.
Лишь один Давид никак, нипочем
Не хочет пройти под вражьим мечом.
Насильно тащить Давида пришлось,
Он людей разнес, раскидал всех врозь.
Мизинцем Давид коснулся кремня —
Из кремня взвились вдруг искры огня!
«Я дурня убью, разделаюсь с ним!» —
Говорит Мелик вельможам своим.
«Всемогущ ты, царь, — те в ответ ему, —
Покорен Сасун мечу твоему,
Угроза тебе ль в ребенке таком,

Хоть он превратись в огонь целиком?»
«Ну, пусть! — говорит Мелик. — Но когда
Нагрянет на нас отсюда беда,
Клянусь этим днем,
Будет зло всё — в нем!»

V

Был велик Давид, хоть малы года.
Лет семи-восьми был Давид тогда.
Хоть мал был Давид, силен до того,
Что всяк человек — комар для него.
Но несладкий рок сироте сужден,
Хотя бы и львом он был порожден.
Огана жена — презлая была;
Молчала сперва, но потом со зла
Заспорила с ним, речь этак ведет:
«Я одна, — твердит, — забот полон рот,
А ты сироту взял — не было бед!
На шее моей сидит дармоед!
Пропасть бы ему!.. Ведь я не раба, —
Ради вас не стану я гнуть горба!
Убери его, работать устрой,
Пускай поживет своей головой». Начала тут слез ручьи проливать,
Оплакивать жизнь, судьбу проклиная.
Что несчастна, мол, и одна к тому ж,
Заступника нет, не щадит и муж...
Тут к парню Оган пошел-зашагал,
Он лапти ему железные дал,
Железный ему дал посох потом, —

Стал на весь Сасун Давид овчаром.

VI

И погнал овчар-великан свой скот
В несравненный край сасунских высот.

«Эй, горы, джан!

Родные, джан!»

Как он залился, окликать пошел.

Оглушил раскат и гору и дол,
Пустилось зверье из берлог, из нор, —
Разбежались врозь, разбрелись средь гор.

По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Лис, зайцев, волков, косуль наловил,
В отару одну с ягнятами сбил.

Вечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Увидал тогда весь сасунский люд,
Что звери толпой на город идут.

«Дела бросай! —

Себя спасай!»

Тут, рад не рад,

И стар и млад

Скорей утекать — кто в лавку, кто в храм,

Заперлись в домах, сидят по дворам.

Явился Давид, на майдан идет:

«И рано же тут ложится народ!
Ягнят встречай! Козлят встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного — все десять на!
За десять — двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Ягнят, козлят в хлева веди!»

Глядит — не идут; что ни дом — замкнут.
Разлегся и сам на майдане тут.
Уснул — головой на камне, — устал;
До самой зари сладким сном проспал.
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все — одна семья:
«Эй, Оган-Горлан, возьми тебя прах!
К чему дурачка держать в пастухах!
Где овца, где волк — ему невдомек,
Весь Сасун зверьем набил пастушок.
Бога ради, дай другой ему труд,
Не то люди все со страху помрут».

VII

Встал Оган-Горлан, пошел на майдан.
«Подале держись, эй, дядя Оган!
Разгонишь козлят! Осторожно! Стой!»

Из отары вдруг тут заяц косой —
Оба уха врозь — с перепугу — прыг...
За серым Давид бежит напрямик.
По горам бежал, по долам бежал,
Вернул и опять к другим примешал.

«Ой, дядя Оган! Я и сам не рад:
Бог благословил тех черных козлят,
А серые — те, которые тут,
Врассыпную все — и в горы бегут.
Намучился я, как бегал вчера,
Насилу-то их довел до двора...»
Посмотрел Оган — беда с пареньком:
Вновь обувки нет приличной на нем,
И посох-то весь об ладонь истер —
Немало, видать, поизбегал гор.
«Помогу тебе, — говорит Оган, —
От серых козлят ты извелся, джан.
Назавтра гони ты рогатый скот». —
Так молвил Оган. Наутро идет,
Вновь пару лаптей железных дарит,
Чтоб вновь хорошо был обут Давид.
В сто лидров дарит он посох притом, —
И в Сасуне стал Давид пастухом.

VIII

И погнал пастух-великан свой скот
В несравненный край сасунских высот.

«Эй, горы, джан!
Родные, джан!
Как сладок склон
Нагорных стран!»

Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.

Пустилось зверье из нор, из берлог, —
Разбрелись в горах, покинули лог.
По следу искать их начал Давид.
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Волков, медведей, львов, тигров словил,
Их в стадо одно с коровами сбил.
Вечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Перетрусил вновь сасунский народ:
Тьмой-тьмущей зверье на город ползет.

«Дела бросай! —
Себя спасай!»
Тут, рад не рад,
И стар и млад

Скорей утекать — кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам.
Явился Давид, на майдан идет:

«И рано же тут ложится народ!
Коров встречай! Волон встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного — все десять на!
За десять — двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Коров, волон в хлева веди!»

Глядит — не идут; что ни дом — замкнут.
Разлегся и сам на майдане тут.

Уснул — головой на камне, — устал;
До самой зари сладким сном проспал.
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все — одна семья:
«За тебя собой пожертвуем, брат.
Хоть вовсе не будь пастуха у стад,
А уж если быть, так быть не ему.
Что медведь, что вол — ему ни к чему.
Он на город наш беду наведет,
Зверье приведет — всё в прах разнесет».

IX

Наказанье с ним! Не Давид — беда!
В отчаянье впал сам Оган тогда,
Он стрелы ему и лук смастерил,
Чтоб в горы Давид стрелять уходил.
Так лук и колчан Давид приобрел.
Далеко в тот день за город забрел, —
Охотником стал. В просяных полях
Воробьев стрелял, перепелок-птах;
К знакомке отца ходил вечером,
К старухе одной одинокой в дом.
Велик, долговяз, лежал, как вишاپ:
У огня в углу раздавался храп.
Однажды пришел с охоты Давид,
Старуха в сердцах ему говорит:
«Ой, чтоб тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каким был отец?
Старуха ведь я, без рук и без ног,
Лишь поле да я, а над нами — бог!

Что ж топчешь посев, что губишь спроста?

Я была б с него целый год сыта!

Коль охотник ты — свой лук забирай.

Сехансар, Цымцка^[50] и меж них весь край

Держала рука отца твоего,

Была для охот гора у него, —

И козуля там, и олень, и лань.

Коли сможешь — там охотником стань!» —

«Что ж, бабка, клянeshь ты меня? Я мал,

Впервые о том от тебя узнал.

Где наша гора? Как найти ее?» —

«Твой дядя Оган тебе скажет всё».

Х

Вот к Огану в дом, чуть забрезжил свет.

Явился Давид получить ответ:

«Что ж, дядя, молчал? Сказать бы пора,

Отцовская где для охот гора?

Козуля там есть, и олень, и лань!

Сведи же меня на ту гору. Встань!» —

«Ох, лучше бы ты про это не знал!

Лишись языка кто тебе сказал!

Да, нашей гора была до поры,

Но дичь той горы ушла с той горы.

И козулям всем и ланям конец.

Покуда был жив твой светлый отец

(Счастливые дни, возвратишь ли вас?),

На горе той дичь едал я не раз...

Он умер, и бог отвратил свой лик,

Тут войско собрал царь Мысрамелик,

Разгромил наш край, сады и дворы,
Расхитил, угнал дичь с нашей горы,
И ни лани нет, ни оленя там.
Уж так на роду написано нам.
Всё прошло, сынок... ступай-ка домой.
Мелик услышать может голос твой». —
«Что сделает мне Мелик? Ничего.
Позволения, что ль, просить у него?
Коль он мсырский царь, так Мсыр свой и знай.
Чего ему лезть в наш нагорный край?
Встань, дядя, бери свой лук и пойдем
На ловчей горе пострелять вдвоем!»
Огану пришлось тут встать и пойти.
Пришли, а горы искать — не найти.
Ограду снесли, повырублен лес;
От самой горы даже след исчез.

XI

Там на ночь они остались сам-друг.
Взял Оган-Горлан свой колчан и лук,
Под голову их положил, храпит.
В море дум меж тем погружен Давид.
Вдруг видит — вдали словно свет зажгли.
Могучий огонь сияет вдали..
И вот на лучи Он пошел в ночи.
Идет по горе, взобраться спешит,
Взошел, поглядел: там мрамор лежит,
Лежит, рассечен.
Внутри просвечен,
Из камня ж огонь, вырываясь, бьет, —

Взовьется и вновь на камень падет.
Спустился Давид с вершины опять;
Спустился и стал он Огана звать:
«Встань, дядя, чего ты храпишь? Иди!
Встань, дядя, скорей, на свет погляди!
Яркий свет упал на ту высоту,
На ту высоту, на глыбину ту.
Встань, сон отряхни, поди посмотри.
Какой это свет там горит внутри?»
Встал Оган-Горлан, сотворил он крест:
«Умереть бы мне за свет этих мест!
То наша гора, то свет Марута!
Монастырь здесь был, где глыбина та —
Сасуна покров, Сасуна оплот,
Заступницу здесь почитал народ;
Обычно, когда собирался в бой,
Молитву творил там родитель твой
Он умер, и бог отвратил свой лик,
И войско собрал царь Мысрамелик.
Пришел, монастырь он разрушил, смёл, —
Но доныне свет нам струит престол».

XII

И когда Давид обо всем узнал,
«Дядя, дядя мой дорогой! — сказал. —
Вот я сирота на свете на всем,
Без отца живу, так будь мне отцом.
С горы Марута теперь не сойду:
Я наш монастырь опять возведу.
Прошу у тебя мастеров пятьсот,

Пять тысяч людей для тяжких работ,
Чтоб в недельный срок на работу стать —
Каким прежде был, монастырь создать».

Тут пошел Оган и привел народ.
Пять тысяч привел, мастеров пятьсот;
Работники все, мастера пришли,
Стук-стук да тук-тук — всё вновь возвели.
Всё — на прежний лад — краса, широта, —
Монастырь возник горы Марута.
И братия вновь сошлась в монастырь,
И вновь по церквам зазвучал псалтырь.
Когда ожила вновь обитель та.
Спустился Давид с горы Марута.

ХІІІ

До Мелика слух, до Мсыра достиг:
«Спешим доложить, что Давид воздвиг
Монастырь отца, что ишханом стал, —
А подати ты семь лет не взимал».

Осерчал Мелик:

«Отправляйтесь вмиг,

Бади с Козбади,

Сюди с Чархади!

Все камни поднять в сасунской стране,
За семь лет всю дань истребовать мне!
Сорок юных дев-красавиц добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить.
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
При доме моем служанками быть!»

И Козбади возглавил рать.
«Всё, что велишь, готов собрать!

Сасун разрушу и займу,
Жен сорок сороков возьму,
Да в сорока тюках казну, —
Армянскую сотру страну!»

Сказал, а женщин хор и дев.
Кружась, выводит нараспев:
«В Сасун наш Козбади идет.
Жен сорок сороков возьмет.
Да сорок золота тюков —
Низать уборы для голов,
Коров пригонит красных — впрок
Нам масло будет и творог!
Джан Козбади, джан Козбади!
Давид перед тобой пади!»
А Козбади, так спесью сыт,
«Спасибо, сестры! — им кричит.—
Пождите, возвращусь сюда,
Еще попляшете тогда!»

XIV

Вот рать в поход
Идет — поет...
И Козбади в Сасун проник.
Оганов отнялся язык, —
Хлеб-соль в руках,
А сам в слезах
Твердит, трясясь:

«Помилуй нас!

Хоть всё бери! Веди в полон
Цветущих дев, сасунских жен.
Бери казну — и кровь и пот, —
Но бедный пощади народ!
Не истребляй, смири грозу.
Бог — наверху, а ты — внизу».

И вереницей вывел он
Цветущих дев, сасунских жен.
Закончил Козбади отбор,
В сарай загнал их на запор.
Сорок дев сумел невинных добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить.
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Мелику-царю служанками быть.
Увез казны немало груд.
Объяла скорбь армянский люд.

XV

Эй, где ты, Давид, защитник армян?
Хоть из камня выдь — явись на майдан!..
Как встала в горах вновь обитель та,
Спустился Давид с горы Марута.
Он ржавый себе полольник нашел.
Пошел, в огород старухин зашел.
Старуха — к нему, и кричит-клянет:
«Не репу жевать тебе, сумасброд,
А огонь бы есть, заразу бы есть!
На свете ужель одна я есть?
Всё просо мое ты сравнивал с землей,

Я репой одной буду жить зимой, —
Ты и репу рвать?
Где ж еды мне брать?
Ты возьми свой лук, коли ты храбрец.
Овладей страной, где княжил отец,
Ты возьми добро отца своего.
Без владельца ты оставил его.
Царь Мсыра за ним уж прислал — смекни!» —
«За что ж на меня ты кричишь, нани?
Не пойму, о чем говоришь сейчас.
Что мсырский халиф увозит от нас?» —
«Что мсырский халиф увозит от нас!
Да мсырский халиф лишит тебя глаз!
Где ум твой, Давид! Он отправил рать,
Чтоб город Сасун громить, обирать.
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади
Ограбить пришли наш Сасун родной:
Сорок взять тюков казны золотой,
Сорок дев-невест прекрасных добыть.
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Мелику-царю служанками быть». —
«Чего же меня ты клянeshь, нани?
Покажи, чего там хотят они?» —
«Чего? — Помереть бы тебе, юнец!..
Таков ли ты сын, каков был отец?
За репой пришел — набиваешь рот,
Козбади ж ведет вашим деньгам счет.
Он девиц набрал, весь сарай набил».

Тут ушел Давид, о репе забыл.
Глядит: Козбади у дяди в дому,
Сам мерит казну — не дает никому.
Сюди с Чархади — те держат мешки.
Поодаль Оган, понур от тоски.
Стал, руки скрестив, нахмурена бровь;
Давиду в глаза тут хлынула кровь
«Ты встань, Козбади, да стань к стороне.
Отцову казну дай ты мерить мне!»
Козбади сказал: «Оган, перестань!
Даешь — так давай за семь лет мне дань.
А не то уйду, клянусь бородой,
Мелику скажу — нагрянет войной.
Он весь ваш Сасун вконец разнесет,
Пропахать велит, чтоб стал огород».
— «Вон, мсырские псы! Не случилось, знать,
Сасунских вам удальцов встречать!
Иль мертвыми нас тенями сочли,
Чтоб требовать дань с сасунской земли?»
Осерчал Давид, он мерку схватил,
Он меркою лоб Козбади разбил.
И стену пробил осколком Давид, —
И осколок тот до сих пор летит.
Побросав мешки золотой казны.
Бежали из гор армянской страны
Бади с Козбади
Сюди с Чархади...

«Ой, дядюшка, ой! Никак не пойму!
Ведь денег мы тут накопили тьму, —
Ты ж сделал меня в Сасуне слугой,
Поставил меня у двери чужой».
Отвечал Оган: «Эх ты, сумасброд!
Сколько лет я блюл Меликов доход,
Чтоб сладко глядеть изволил на нас.
Ты не дал... Теперь нагрянет как раз.
Он камни, и те снесет, как поток...
А сразиться с ним кто бы выйти мог?» —
«Ты, дядя, постой, сам выйду я в бой.
Отвечу ему, — ты, дядя, постой..»
Ворота в сарай он с размаху пнул.
Всем девушкам он свободу вернул:
«На волю! — и пусть молва говорит:
„Мы солнца тебе желаем, Давид!“»

XVII

Избитые, в крови, отсель
До мсырских добрались земель
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади.
Их видят женщины вдали,
На крыши женщины взошли,
Шумят, поют, в ладоши бьют:
«Идут, идут! Ведут, ведут!
Наш Козбади ходил в поход,
Жен сорок сороков ведет.
Коров ведет нам красных — впрок,
Нам будет масло и творог».

Подъехали — иной уж толк.
Вдруг голос радости примолк,
И ну — кричать,
Ну — величать:
«Эй, Козбади! А хвастал тож!
Чего ж едва идешь-бредешь?
Видать, идешь издалека?
Твоя рассечена башка!
А сам сулил — в Сасун пойду,
Жен сорок сороков сведу,
Казны я сорок нош сберу, —
Страну армян я в прах сотру!
Ушел в Сасун, как лютый волк,
Пришел, как пес, — зубами щелк!»
На Козбади нахлынул гнев.
«Молчать! — вскричал, рассвирепев. —
Видали вы мужей, отцов,
А не сасунских удальцов!
То племя — горное оно.
Их стрелы — каждая с бревно.
Край каменист, не подступись.
Ущелья — вглубь, а горы — ввысь.
Как сабли травы по хребтам,
Бойцов три сотни пало там».
Сказав, решился наконец
Идти к Мелику во дворец.
Перед царем своим предстал, —
На троне царь захохотал:
«Ну, молодец же Козбади!
Повешу я, того гляди,

Тебе орла большого знак
За то, что уничтожен враг.
Так где же все? А ну, взгляну
На дев сасунских и казну!» —
Сказал Мелик, а Козбади
Возьми да в ноги упади.
«Будь, государь, твой вечен дом!
Насилу спасся я верхом.
Казну возьмешь ли у армян?
Родился у армян буян —
Ему ничто лета и сан.
Мне голову рассек буян:
Отцов, мол, клад, — не дам его,
Ни жен народа моего!
В Сасуне места нету вам...
Пушай ваш царь приедет сам,
Тогда сразимся мы вдвоем:
Пусть, ежели смел, берет силком!»
Рассвирепел Мысрамелик.
«Рать собирать! — раздался крик. —
Тыщу тыщ зеленых юнцов.
Тыщу тыщ — без бород, усов,
Тыщу тыщ — с пушком на губах,
Тыщу тыщ — в цветущих годах.
Тыщу тыщ — кто с углем-бородой,
Тыщу тыщ — с седой головой.
Тыщу тыщ — в трубы трубить,
Тыщу тыщ — в барабаны бить.
Пусть явятся все, при мече, в броне, —
Погляжу, каков Давид на войне,

Сасун разгромлю.

Как поток, залью».

XVIII

Несметную рать ввел в землю армян,

На поле разбил под Сасуном стан

И гордо воссел царь Мысрамелик.

К Батману-реке тут каждый приник.

Припадали пить, а рать велика.

Всё идут, всё пьют, — иссякла река.

Без воды страна оказалась вся.

Князь Оган-Горлан тут диву дался.

Влез в шубу Оган, добрел до горы.

Взобрался, глядит — под горой шатры!

От шатров бела равнина сама,

Словно разом в ночь подошла зима,

Словно белый снег весь Сасун застиг!

Желчь стала водой, отнялся язык.

Побежал домой, завопил: «Арай!

Он нагрянул к нам, — арай! убегай!» —

«Кто нагрянул к нам? Кто пришел опять?»

— «Мор, огонь пришел, чтоб Давида взять!

Царь Мсыра пришел Сасун воевать.

Там в поле у нас построил он рать.

Есть и звездам счет, — счету нет войскам.

Горе нашей стране, и солнцу, и нам!

Понесем казну, поведем девиц,

Пойдем пред ним, повергнемся ниц, —

Умолить хочу

Не предать мечу». —

«Ты, дядя, постой, ни к чему тоска,
Ты поди домой, да поспи пока.
Я встану, пойду на равнину сам,
За всех нас ответ я Мелику дам».
Отправился вновь к старухе Давид.
«Нани моя, джан, — он ей говорит, —
Кочергу, пруты, весь железный хлам.
Что есть у тебя, собери по углам.
Добудь мне осла, чтобы мог я сесть, —
С Меликом хочу я сражение вести».
— «Ох, чтобы тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каков был отец?
Где конь отцовский голубой?
Где меч отцовский огневой?
Отцовский пояс золотой
И крест заветный боевой,
Его наборное седло,
Капа^[51] и булава его?
А просишь, дурень, чтоб дала
Тебе я прутья да осла!»
— «Зачем же, бабушка, сердчать?
Я молод, мне откуда знать?
Я не слыхал о том словца.
А где лежит доспех отца?»
— «У дяди своего спроси.
Скажи: достань, давай, неси!
А не захочет дать добром,
Коли глаза, бери силком».

Пришел к Огану наш Давид.
«Мой дядя добрый, — говорит, —
Дай мне отцовского коня.
Дай меч, который из огня,
Отцовский пояс золотой
Да крест заветный боевой.
Его наборное седло,
Капу и булаву его!»
— «Как умер Мгер, с того я дня
Не выводил его коня,
Не брал я молнии-меча,
Оружья, лат с его плеча.
Не растравляй, не говори!
Всё тут, — коль хочешь, сам бери!»

XX

Доспех отца надел Давид
И пояс с молнией-мечом,
На мощной длани крест висит, —
Вот на коня он сел верхом,
Прикрикнул — и коня пустил...
Оган-Горлан запел-завыл:
«Жаль, трижды жаль, пропал наш конь голубой.
Ах, наш конь голубой!
Жаль, трижды жаль, он пояс взял золотой,
Ах, пояс взял золотой!
Жаль, на себе он Мгера капу увез.
Ах, Мгера капу увез!»
Стал Давид серчать,
Повернулся вспять, —

Тот оторопел.

Иное запел:

«Жаль, новый наш лев, мой Давид погиб!»

Ах, мой Давид погиб!»

Услыхал Давид,—

Он сойти спешит.

Огану к руке подошел сперва.

Оган, как отец и семьи глава.

Дал совет ему и перекрестил

И, благословив, на бой отпустил.

XXI

У Давида-льва был дядя один,

Гроза-великан, а звался Торос.

Про сасунский бой узнал исполин.

Он тополь взвалил на плечо, понес.

Он кричит врагам с далеких холмов:

«Иль больше у вас одной головы?

Что за люди вы? Или кто таков

Сасунец Давид, не знаете вы?

Неизвестно вам: крылат его конь!

Как явится с ним, да как пустит в пляс!

Убирайся прочь, Сасуна не тронь,—

Я пришел майдан очищать от вас!»

Враз тополем он как хватил шатры,

Их двадцать за раз сокрушил с плеча,

А Давид стоит на верху горы,

На поле глядит, как вишاپ^[52], крича:

«Кто спит еще — дрему сгоняй!

А кто согнал — спеши, вставай!
Кто встал — доспехи надевай!
А кто надел — коней седлай!
Кто оседлал — скакать пускай!
Потом не лгать — легли, мол, спать,
Давид явился, мол, как тать».

Он прокричал и поскакал —
Огонь разящий, свет и гром,
На вражье войско он напал,
Сияя молнией-мечом.

До полдня он рубил, топтал,
И к полдню — крови был поток,
Он бурно тек, горяч и ал,
И трупы тысячами влек.

Во мсырском войске старец был.
Он много видел на веку.
«Пойду к Давиду, — дед решил, —
Он не откажет старику...»

Представ перед сасунским львом,
Разумно молвил старец тот:
«Век сила будь в мече твоём!
Твоя рука тебе оплот!

Послушать старика — не труд.
И своему поверь уму:
Чем провинился этот люд?

Его ты губишь почему?

Они все — дети матерям,
Они — светильники в дому,
Иной жену оставил там, —
Вдаль тяжело глядеть ему;

Иной — свой дом, малюток в нем,
Отца да мать и всю семью,
Иной — с завешенным лицом
Подругу юную свою.

То царь их пособрал везде,
Согнал бичом, грозил мечом!
Мы — бедняки, весь век в нужде,
Перед тобой мы грешны в чем?

Твой враг — Мелик, виновник сеч;
Коль боя жаждешь, — с ним сразись.

Зачем же ты возносишь меч
На тех, что горем упились?»

«Ты молвил хорошо, старик,—
Сказал Давид, — но знать хочу.
Укрылся где ваш царь Мелик,
Как день его я помрачу?»

— «А вон, под тем шатром большим.
Где дым валит, он крепко спит;
А дым тот — вовсе и не дым:

Из уст Мелика пар валит».

Едва замолкнули слова,
Давид к шатру верхом летит,
А у шатра — араба два,
И звонко крикнул им Давид:

«Где царь ваш? Где врага найду?
Пусть выйдет — встретимся в бою!
Коль смерть неймет — я смерть ему,
Не бьет никто — так я убью!»

Они ответили: «Привык
Семь дней без просыпу он спать, —
Уже три дня проспал Мелик,
Через четыре может встать».

— «Несчастный люд согнал гурьбой,
В крови он утопил людей! —
А сам в шатер ушел цветной,
Спать завалился на семь дней?

Он спит иль нет — мне дела нет!
Будите, чтобы шел сюда!
Спать уложу тебя, сосед, —
Так не проснешься никогда!»

Арабы встали — как им быть?
Прут накалили на огне.
Царя по пяткам стали бить,

А царь лишь охает во сне:

«Ох! Невозможно час один
Забиться от проклятых блох!» —

И только крякнул исполин.
Невозмутим был царский вздох.

Лемех достали от сохи.

Его калили на огне
И, раскаленным добела,
Царя хватили по спине.

«Ох! Не уснешь и час один
От трижды клятых комаров!» —
Вновь глухо крякнул исполин,
Зевнул опять, уснуть готов...

Но вдруг вскочил, глаза скосил:
Пред ним — Давид! Мелик — рычать.

И начал дуть изо всех сил.
Чтоб великана прочь умчать.

Глядит — тот с места ни ногой,
Трепещет — подошла гроза!
И взор свой, кровью налитой,
Вперил в Давидовы глаза.

Как увидал, — так мощи в нем
На десять убыло волон.
Присел на ложе, — а потом

Поток полился льстивых слов.

«Привет Давиду! Отдохни,
Сядь, потолкуем, — говорит, —
А там со мною бой начни,
Коль боем ты еще не сыт».

В шатре меж тем он яму рыл;
До сорока локтей обрыв,
Ковром он пасть ее покрыл,
Сначала сеткою покрыв.

Кого он побороть не мог,
Тех зазывал к себе в шатер
И льстиво — гостю невдомек —
Сажал на гибельный ковер.

Сойдя с коня, вошел Давид,
Уселся и упал в провал...
«Ха-ха-ха-ха!.. Хо-хо-хо-хо! —
Свирепый царь захохотал.

Коли сумел туда попасть,
Там и сгниешь! Довольно жил!»
И на погибельную пасть
Огромный жернов наложил.

XXII

А Оган-Горлан уснул в эту ночь,
И ночью во сне увидал старик:

Где Мсыр — в небесах там солнце горит,
А горный Сасун под тучей поник.

С постели его тут поднял испуг.
«Ты, жена, — сказал, — посвети-ка мне!
Больно юн Давид, отбился от рук, —
Ах, туча лежит на родной стране!»

— «Ой, прахом посыпь ты темя себе!
Наверно, Давид где-нибудь в гостях.
Ты лежишь-храпишь, а сны у тебя
Бог знает о чем, — оттого и страх».

Вновь уснул Оган, проснулся опять:
«Ой, жена, Давид дождался беды.
Ой, Мсыра звезда всех ярче горит,
Но печален свет у нашей звезды».

А жена кричит, стоит на своем:
«Что случилось с тобой средь ночи глухой?»
И Оган лицо осенил крестом,
Отвернулся, спит, тревожен душой.

И еще грозней ему снится сон,
Он видит во сне небес высоту.
Свет мсырской звезды — на весь небосклон,
Сасуна ж звезда зашла в темноту.

В испуге вскочил: «Сгинь дом твой, жена!
Что слушать тебя, ты умом скудна!

Там погиб-пропал наш мальчик Давид,
Вставай да давай мне мой меч и щит».

XXIII

Пошел в конюшню, потрепал
Коня он белого рукой:
«Эй, белый конь, когда домчишь
Меня к Давиду, ретивой?»

«К рассвету», — говорит в ответ
И — брюхом оземь конь лихой.
«Сломи хребет! Что мне рассвет?
Поспею к гробу я с тобой!»

Он треплет красного коня,
И — брюхом оземь огневой.
«Джан, красный конь, когда домчишь
Меня к Давиду, ретивой?»

«Да в час единый, — конь сказал, —
Домчу к Давиду; я — лихой!»
— «Овес, что я тебе давал,
Да станет ядом и чумой!»

Тут к вороному подступал,
Не рухнул наземь вороной.
«Джан вороной, когда, — сказал, —
Меня домчишь к Давиду в бой?»

— «Коль будешь крепко ты сидеть,

Коснешься стремени ногой.
Другую не успеешь вдеть,—
Домчу!» — ответил вороной.

XXIV

Он вороного оседлал,
И — в стремя левою ногой.
Пока же правую вдевал,
Уж был в Сасуне вороной.

Глядит: Давидов конь, один,
Уныло бродит по горам.
А мсырцы посреди равнин
Что море — нет числа шатрам.

Семь бычьих шкур он надевал, —
Боялся: от избытка сил
Не разорваться б! Тучей встал
И с кручи горной возгласил:

«Эй, эй, Давид! Где ты? Услышь!
Недаром носишь ратный крест!
Святую деву помяни,
Явись под солнцем этих мест!»

Пророкотал, донесся клич
К Давиду под тюремный кров.
«Эй, эй, — сказал, — то дядя мой,
С горы Сасуна этот зов!

И богоматерь Марута
И древний крест мой боевой,
В мой трудный час взываю к вам...» —
И прынул витязь удалой.

По жернову ударил он,
Разбил на тысячу кусков,
Взвились обломки в небосклон, —
Так и летят ряды веков.

Из ямы вышел, грозен встал —
И задрожал Мелик пред ним:
«Мой брат Давид, ко мне поди,
Садись за стол, поговорим».

— «Теперь твой хлеб не для меня.
Лукав ты, низок и труслив.
Бери доспех, седлай коня,
И вступим в бой, пока ты жив».

«Ну, вступим в бой! — сказал Мелик. —
Но ударять сначала — мне».
«Пускай — тебе!» — сказал Давид
И стал средь поля на коне.

Взял палицу Мысрамелик.
Помчался, во весь дух гоня.
Он залетел в Диарбекир —
И вновь назад погнал коня.

Три тысячи был лидров^[53] вес
Огромной палицы одной.
Ударил он — в пыли исчез.
Заколебался шар земной.

«Землетрясение? Рухнул мир?» —
В смятении спрашивал народ.
«О нет, то жаркой крови пир,
То великанов бой идет!»

«Один удар — и пал Давид!» —
Войскам провозгласил Мелик.
Но из-под тучи крик гремит:
«Я жив!» — Давида грозный крик.

«Ай, ай, — разбегу мало нам!
Гляди, как налечу сейчас!» —
Вскричал Мелик. Могуч и прям.
Сел на коня второй он раз.

Теперь уж скачет он в Алепп,
Оттуда вновь погнал коня.
От вихря пыли мир ослеп,
Под бурей задрожал, стена.

Разит. Услыша грозный гром,
Оглохли люди, нем язык.
«Осиротел сасунцев дом!» —
Спешит похвастаться Мелик.

«Я жив! — воскликнул вновь Давид, —
Скачи еще — черед не мой!» —
«Ай, ай, разбегу мало нам!..» —
Мелик воскликнул сам не свой.

Мчал в третий раз он горячо,
И в мсырский ускакал предел,
И с палицей через плечо
Вновь на Давида налетел.

Изо всех сил ударил он.
Ужасен гром был, мир поник.
Окутан прахом небосклон,
Покрылся тьмою солнца лик.

И вот три ночи и три дня
Стоял подобьем тучи прах,
Была три ночи и три дня
Давида смерть на всех устах.

Три долгих дня ушло, и вот
В стоявшем тучей прахе том
Живой Давид горой встает,
Горою в сумраке густом.

«Теперь, — он молвил, — мой черед!»
Припав к земле, дрожит Мелик, —
Смертельный пал на сердце гнет,
Душой кичливой царь поник.

Он сам в ту яму, в глубь и тьму.
Под земляной забрался кров, —
Забился он под сорок шкур,
Залег под сорок жерновов.

И с места прынул, и вскричал
Сын-лев, достойный льва-отца.
Сверкнул, взыграл, забушевал
Меч-молния в руке бойца.

Но мать Меликова вопит,
Вопит и пряди рвет седин:
«Топчи мне волосы, Давид!
Но мне даруй удар один!»

Вторично меч Давид вознес,
Сестра Меликова — к нему:
«Давид, теперь, — вопит сквозь слез, —
Рази по сердцу моему!»

И час последний наступил.
Давид сказал: «Господь, прости!
Я два удара уступил,
Но третий должен нанести».

Тут дядя выступил Торос:
«Его разрубишь пополам,
Потом, Давид, — он говорит, —
Мы тело взвесим по частям.

Две половины мертвеца
Да будут равны, — говорит, —
Иль больше моего лица
Не увидеть тебе, Давид».

Воспрял Давид и поскакал,
Мчит бурно конь — сдержать нельзя.
Забушевал и засверкал
Меч-молния, и пал, разя.

Сквозь сорок буйволовых кож,
Сквозь сорок мельничных камней
Он пополам рассек царя
И вглубь прошел на семь локтей.

«Я жив! — Мелик из тьмы вопит. —
Рази еще, — да не рассечь!»
Тогда разгневался Давид,
Вновь сыплет искры дивный меч.

«А ну, встряхнись, Мысрамелик!»
Мелик встряхнулся, и тогда
Распались половины вмиг,
Одна — сюда, одна — туда.

И вражья рать простерлась в прах.
Встал ужас, лица леденя.
Давид воззвал: «Оставьте страх,
Приблизьтесь, слушайте меня.

Жизнь ваша, пахари, темна!
Голодный, голый вы народ.
Мук ваших тысяча одна
И тысяча одна — забот.

Зачем вы взяли стрелы, лук.
Пришли в чужих полях засесть?
У нас ведь тоже дом и плуг,
И старики, и дети есть.

Иль опостылел вам покой
И ваши сельские труды,
Иль надоело под горой
Вам сеять, жать, собирать плоды?

Идите, люди, как пришли,
В свой Мсыр родимый сей же час,
Но, если из своей земли
Вы вновь подыметесь на нас, —

Хоть в яму брошен будь Давид,
Будь тяжким жерновом накрыт.
Как ныне, молнией-мечом
Давид Сасунский вас сразит.

Бог весть, при встрече боевой
Кто пораскается в тот час:
Мы — в грозный вышедшие бой,
Иль вы, напавшие на нас!»

1902

ВЗЯТИЕ ТЫМКАБЕРДА [\[54\]](#)

© Перевод П. Антокольский

ПРОЛОГ

Эй, молодежь, собирайся в круг!

Красавицы, ко мне!

Расскажет странник вам, ашуг,

О давней старине.

Друзья! Мы в жизни гости все.

Со дня рожденья мы

Бредем по суетной стезе,

И ждет нас царство тьмы.

Пройдет любовь, умрет краса,

Всему придет черед.

Для смерти смертный родился,

Деянье — не умрет!

Пойдет молва из века в век

Про добрые дела.

Бессмертен смелый человек,

Чьим подвигам хвала.

А злым деяньям суждены

Проклятья без конца,

Равно суровы для жены.

Для сына, для отца...

Но речь моя про доброту,
Да улыбнется всяк!
Кто не признает славу ту?
Воздаст ей даже враг.

Друзья, настройтесь песне в лад!
Запев недолог мой.
Как пулю, песню шлют. Крылат
Ее полет прямой.

I

Собирает орды шах Надир^[55],
Раздается звон мечей.
Тучами он крепость заградил.
Что чернее всех ночей.

«Слушай, князь Татул, лихой боец!
С жизнью смертною простись,
Я принес в подарок твой конец.
Так спускайся с башни вниз!»

«Шах Надир! Не хвастай до поры! —
Отвечает смелый князь. —
Много черных туч окрест горы,
А гора сверкает, не склонясь».

Витязей ведет он за собой,
Меч отточенный свистит.
Конь заржал. И прямо в смертный бой

С конницей Татул летит.

Сорок суток бились храбрецы,

Не смолкая бой кипел.

Крепостные высятся зубцы

Над кровавой грудой тел.

Вышел весь Иран и весь Туран.

Звон мечей немилосерд.

Бьет и бьет по крепости таран,

Но не дрогнул Тымкаберд.

И, в победной радости клонясь,

Возвращаясь в замок свой,

Целовался утомленный князь

С черноокою женой.

II

«Клянусь душой,

С такой женой

Бойцом бы стал ашуг!

И, не дрожа,

Не взяв ножа,

На шаха б встал ашуг.

О, жар любви,

Огонь в крови.

Лишь усмехнется взор —

И сумрак прочь,

И сразу ночь

Сияет ярче зорь...

Залог побед
Тех уст привет, —
Нежнее роз уста.
Услышь — и страх,
И смерть, и шах
Исчезнут без следа».

III

И у шаха уже не смолкает в ушах,
Как прославили эту армянку друзья.
«С ней и гуриям нашим иранским, о шах,
Ни красой, ни осанкой сравниться нельзя!

Дочерьми черноокими славен Джавахк.
В черном омуте глаз не один потонул:
Вот она — словно кряж в снеговых кружевах,
У джавахских предгорий высокий Абул.

Это князя Татула и мощь, и душа.
И от знойных, от розовых губ охмелев
И пьянея любовью, встает он, круша,
В гущу брани бросается он, будто лев.

Завладей этой женщиной, шах, и Татул,
Обессиленный, сдастся, не встанет с колен;
Тымкаберд, что так долго ярмом не согнул,
Ты согнешь до земли и возьмешь его в плен».

IV

Мы с юности помним о песне твоей,
Не раз ты певал, Фирдуси-соловей:
«Герой, безупречный в отваге своей,
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!

Ты светел, как солнечный ясный зенит.
Ты горд и незыблем, как горный гранит,
Кто наземь повергнет и в прах превратит?
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!

Выходишь на битву и пляшешь, смеясь.
Не ходишь — летаешь, в просторы смотрясь.
Но с облачной выси ты свалишься в грязь!
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!

Весь мир в рукопашной — тебе одному.
Ты воли не сдашь никакому ярму.
Ты встанешь, Рустему^[56] грозя самому.
Не молись на жену,
Не вверяйся вину!»

V

Шах отправил ашуга в нагорный Тымук.
«Достучись, чарователь, до той госпожи!
О любви моей спой, об огне моих мук,
И про мощь и про славу мою расскажи!

Обещай госпоже мой престол золотой!
Пусть звенит у нее от желаний в ушах!
Обещай ей всё то, что жене молодой
В силах дать очарованный женщиной шах!»

И куда не пробиться свирепым бойцам,
Там желанен ашуг, там звенит его саз^[57].
Все приветствуют бедного странника там.
Он пришел к Тымкаберду в предутренний час.

VI

А над крепостью вновь содроганье и гул.
И стоит против шаха Татул, как вчера.
Бьются витязи шаха, — не дрогнет Татул.
Кровь потоками хлещет и бьет, как Кура.

Бьются насмерть, сшибаются витязи вновь.
Хлещет кровь, словно горная в пене река.
И ашуг запевает про шаха любовь,
Как богат его шах, как страна широка.

Слышит песнь молодая Татула жена.
И томит ее тайна, гнетет ее стыд.
И соблазном предательским поражена,
И мечтает о царстве, и ночи не спит.

«Внемли, красавица, внемли!
Ты несравненна и сладка.
Шах — повелитель всей земли,

Могучи шаховы войска.

Но, как и мы, душой он слаб

И любит женщин молодых.

Как диадема подошла б

К тебе, владычица владык!»

Слышит песню ашуга, не спит госпожа

Столько дней и ночей, столько дней и ночей!

И задумчиво ждет, и бледнеет, дрожа,

И дремота бежит от прекрасных очей.

VII

Битва кончена. Князь возвращается вновь.

Возвращается с войском могучий Татул,

И с кривого клинка оттирает он кровь.

И в Тымуке движенье и праздничный гул.

Там устроила пир госпожа. И пока

Темнота на земле, там пируют всю ночь.

Льются вина, как горная в пене река.

Весь Джавахк на пиру, и подняться невмочь.

Госпожа угощает гостей дорогих,

Наблюдает за пиршеством зорко она,

Чтоб веселье росло, чтобы говор не стих.

Чтобы пили глубокие чаши до дна:

«Сдвигайте, гости, чаши в круг

И пейте до конца!

Да будет славен мой супруг
По милости творца!

Эй, пусть господь его хранит!
Пусть будет меч остер!
Пусть нас навеки осенит
Могущества шатер!»

Гремит Тымук средь мощных гор.
Отгул далече раздался.
Не молкнет песня, дружен хор,
Грозны мужские голоса.

«То сквозь тучу не с гор опустился орел
На прямых, на широких, на плавных крылах.
Славный князь Тымкаберда на землю сошел,
На врагов нагоняя смятенье и страх.

То не туч грохотанье в расщелинах гор,
Не блеснула свирепая молния там, —
Это схватка Татула в расщелинах гор,
Это сабля Татула, сверкнувшая там.
Не сравнится нагорный орел с храбрецом, —
Шах пред ним растеряется, дрогнув лицом».

Всё беспутнее пир, всё пьянее поток.
Брызжут вина Кахетии, чаши звончей.
Гости пьют за растущий на скалах цветок —
За свою госпожу, за утеху очей.

Пьют здоровье и честь храбрецов дорогих,
Что для ближнего жизни в бою не щадят...
Пьют за славу живущих и в память других,
Тех, что с неба на жаркую битву глядят.

Госпожа угощает гостей дорогих,
Наблюдает за пиршеством зорко она,
Чтоб веселье росло, чтобы говор не стих,
Чтобы выпили полные чаши до дна.

«Свидетель бог, твое вино
Всё выпито до дна.
Мы до краев полны давно.
Мы пьяны допьяна!»

И стих чертог. И черен стал
Зубцов немой венец.
Татул с дружиною устал.
Храпят. Храпят. Конец.

VIII

Под зловещими сводами еле видны.
Спят вповалку, повержены ниц.
И витают, витают их тяжкие сны,
Вьются тяжкие сны чередой верениц.

Снится, снится Татулу — мутит его мрак,—
Снится, будто вползает на башенный мост
Змей кольчатый, дракон. Обвивается враг
Вкруг стены крепостной и кусает свой хвост.

Подымается медленно чудище.
Вот Запрокинулось черной своей головой.
Голова уже с башнями вровень плывет
И глядится в Татулов чертог огневой.

И как будто Татул не один в эту ночь.
И как будто с женою любимой он,
И как будто он молвит: «Привстань, чтоб помочь,
Я дракона убью, я прерву этот сон!»

Так Татул говорит. Но, взглядевшись, дрожит.
Ибо чувствует он сквозь смятение и муть.
Что не с милой женой, как бывало, лежит,
Что вдавилась драконья глава в его грудь.

IX

Страхните сон! Всмотритесь в ночь.

Хоть и темным-темна...

Чья это тень метнулась прочь,
Не знающая сна?

Иль то отчаявшийся враг,
Победой не кичась,
Предательски глядит во мрак,
В ночной, могильный час?

Сомкнитесь, воины, в цепи!
Здесь бродит человек!
Эй, стража львиная, не спи!

Ты всё проспишь навек!

Вас опоила госпожа.
Чтоб дверь открыть врагам!
И дверь откроется визжа,
За дверью свист и гам.

Встань! Там измена! Напролом!
В бой! На коней! Вперед!
И лязгает железный лом
В тугой затвор ворот.

Х

Ясный день открывает большие глаза,
И опять он глядится на мир, на Джавахк.
А над крепостью отбушевала гроза, —
Всё в развалинах, в дымных густых кружевах.

Упоенные славой побед и вином,
Крепко спят и войска. И отважный Татул
Беспробудным, навек обнимающим сном.
Не узнав об измене, навеки уснул.

Перед шахом, пред сумрачным взором его.
Пир вчерашний, и чаши, и снедь на столах...
Сиротеющий трон. Всё черно и мертво.
Кончен пир. И о бренности думает шах.

Всё пройдет. Всё изменит. Всё тщетно, как дым.
Так не верь ничему, не вверяйся душой

Ни счастливым часам, ни удачам своим,
Даже чаше, что подана милой женой!

И горчайшее слово он молвит: «Скажи,
Госпожа Тымкаберда! Бледна ты, как мел,
Черноокая женщина, полная лжи!
Разве не был твой муж и прекрасен, и смел?»

— «Он прекраснее был, и смелей, и честней
Всех на свете, мой мертвый владыка и муж!
Он предательством женским не брал крепостей!
Никогда он обманщиком не был к тому ж!»

Так ответила. И, разъяренно рыча,
Содрогаясь всем телом, как бешеный зверь,
Шах поднялся и крикнул: «Позвать палача!»
Только крикнул — тотчас открывается дверь.

XI

Весь в красном с головы до пят,
В чертог палач вошел.
Из этих сумрачных палат
Он женщину увел.

Ее привел он на скалу,
Что и сейчас видна,
И сбросил женщину во мглу,
Где не достанешь дна.

Дрались волчица и лиса,

В ущелье труп грызя.
Стервятник хищный сорвался,
Ей выклевал глаза.

И та, чьи очи так нежны,
Чьи так влажны уста,
Цветок неслыханный весны —
Исчезла без следа.

И мощный шах прошел, как дым,
Со славой ратных дел.
Татул, что был непобедим,
Покинул наш предел.

И лишь одно дошло до нас
Предание о них.
Не смолкнет памятный рассказ
И для времен иных!

XII

Эй, молодежь, собирайся в круг!
Красавицы, ко мне!
Расскажет странник вам, ашуг,
О давней старине.

Друзья! Мы в жизни гости все.
Со дня рожденья мы
Бредем по суетной стезе,
И ждет нас царство тьмы.

Но нас дела переживут —
Злой, доброй ли молвой.
Блажен, кто безупречно тут
Весь путь проходит свой!

1902

ТЫСЯЧЕГОЛОСЫЙ СОЛОВЕЙ

<Отрывки из неоконченной поэмы>

© Перевод М. Столяров

I

АРЭГ В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Шел долго доблестный Арэг^[58] и видит: вокруг него страна,
Где черны небо и земля и ночи тень черным-черна.
Вот замок черный перед ним вознес громады черных стен.
Оттуда слышен песни звук, — тоской тот звук запечатлен.
Там дева наверху стоит, и слезы льет, и вниз глядит,
И песни горестный напев из уст красавицы звучит.

Дева

Увы! Зачем пришел, храбрец,
Ты в эту мрачную страну?
Кто путь направил твой сюда,
Того добром не помяну.
Беги, оставь наш черный край,
Или растерзан будешь ты:
Сейчас появится, узнай,
Дэв-людоед^[59] из темноты.

Арэг

Кто ты, красавица, скажи?
Зачем тебя я вижу тут?
И почему глаза твои
Так безутешно слезы льют?
Ты так прекрасна, так нежна;
За что, ответь — я не пойму, —
Печальная, заточена
Ты в эту мрачную тюрьму?

Дева

Ах, я красива, — за собой
Лишь эту знаю я вину;
Из-за нее явился дав
В мою чудесную страну.
Нашел меня, меня схватил,
Унес из родины моей
И в замок черный заточил.
Где я не знаю светлых дней.
Здесь, жалкой пленницей его,
Томясь, и плача, и грустя,
Живу, не вижу никого,
И безотраднa жизнь моя.
Храбрец, ждать дэва не дерзай.
Он близок, грозный людоед.
Беги, оставь наш черный край —
Или тебе спасенья нет.

Арэг

Не испугаюсь я, сестра, —
Не страшен храбрым смерти зев.

С тобою здесь останусь я,
Какой ни угрожай мне дэв.
Уж не расстанусь я с тобой,
Или в бою погибну, знай,
Иль бросишь и сама со мной
Ты этот черный, мрачный край.

Одно поведай мне скорей:
Откуда должен дэв прийти,
И, чтоб сразить его верней,
Куда мой лук мне навести?

Дева

Вот из-под черной той горы
Сверкнет его свирепый взор.
Бьет красный пламень изо рта,
Колеблет голос гребни гор.
Семь алчных у него голов.
Его в четвертую одной
Стрелой единственной рази,
Хотя б просил он о второй.
Гляди! Вот он идет во мгле.
Всё сокрушая, всё губя.
Уйди, а я в моей тюрьме
Молиться буду за тебя...

И за кромешной черной тьмой сокрылись даль и гор края...

Раздался дэва грозный рев — качнулись небо и земля.

Пришел он, пламенем дыша, подобен туче грозовой.

Пришел, как море в скалы бьет рассвирепевшею волной.

Грозя, на светлого врага он бросил разъяренный взгляд,

И голос загремел во тьме, как грома тяжкого раскат.

Черный дэв

Кто ты, земное существо?
Как ты попал, смельчак, сюда?
Иль имя грозное мое
Не слыхивал ты никогда?
Не видел сел и городов,
Где я прошел, грома, губя?
Пожрал я тысячи бойцов
Храбрей, огромнее тебя.
А ты — ты кто такой, малыш,
Что принял столь отважный вид?
Как звать тебя? Хочу я знать,
Кого пожрать мне предстоит.
А ну — с чем выйдешь на меня?
Вот у меня есть семь голов.—
Так в клубах дыма и огня
Гремят раскаты грозных слов.

Арэг

На бой, чудовище, иди.
Перед тобой стою я смел.
Есть сердце гордое в груди,
В руках семь смертоносных стрел, —

Сказал Арэг и поднял лук, и, ярым голосом взревев,
Сраженный меткою стрелой, кляня Арэга, рухнул дэв.

«Ударь еще!» — рыча, молил
В предсмертных муках исполин.

«Один у матери я был,
Один зарок, удар один!» —
Ответил доблестный Арэг, и умер черный дэв, и вот
На черную его страну потоки света солнце льет.

II

СКОРЬ ПЕВЦА

В день праздника, в весенний день, сиявший с голубых высот,
Мечеть далеко обступив толпой бесчисленной, народ
Моей молитвы ждал. Взошел я радостно на минарет.
Внизу — широкая земля, вверху — небес бездонный свет...
...Вся — жизнь, вся — лучезарный свет, вся — радость, нежность, красота.
Глядел, глядел я и пьянел, глаза сияли всё темней.
Невольно, смутно, как во сне, устами я склонялся к ней, —
И вдруг горячий поцелуй зажегся на моих устах,
И женский голос в тот же миг укором прозвучал в ушах:
«Увы, несчастный, сколько благ ты с поцелуем потерял!»
«Увы, несчастный!» — вокруг меня весь лес чудесный повторял.
Один стоял я, изумлен, томясь раскаяньем, но вдруг
Вновь услышал невдалеке я голоса волшебный звук.

Третья пери

Две лилии,
Сестры мои,
В благоуханной тишине,
С дыханьем струй
Свой поцелуй
Издалека прислали мне.
И третью деву вижу я, — пленительна она была,
Подобно лилии лесной, что между травами выросла.

Молчанье прежнее хранить на этот раз не стало сил, —
И вот собрался с духом я и с девою заговорил:
«О, сжался, госпожа, скажи, в какие дивные края
Перенесен я, и кто вы, что так терзаете меня?
Я — человек: не устоять мне против вашей красоты.
О, сжался, сжался — не томи меня соблазном новым ты». —
«Ты в заповедной той стране, где смертных не было дотоль,
Где не известна никому земная страсть, земная боль!
Лишь мимолетная мечта вас переносит в ту страну.
Приди — честна твоя душа: в твоих объятьях отдохну.
Но не целуй меня, смотри, — иль, сколько горьких слез ни лей,
Уж будет поздно: никогда утраты не вернешь своей».
Так хороша она была, так лик ее обворожал,
Что и на этот, третий раз я обещанья не сдержал.
С упреком молвила она: «О недостойный смертный, прочь!»
И вмиг сокрылась от меня таинственного рая дочь.
А я, растерян, одинок, стою и думаю опять:
За вожделенный миг один как мог так много я отдать?
Всё думаю, и всё иду, ищу кругом, ищу везде —
Куда, чудесные, ушли, куда исчезли девы те?
Но тщетны поиски мои: нигде не видно ни одной.
Охвачена моя душа глубокой скорбью и тоской.
И стало всё вокруг меня пустынно, сумрачно, мертво.
Вздыхаю я, ищу, зову — увы! не вижу никого.
Вдруг грозный голос надо мной взгремел: «Убрать его тотчас!»
И потемнело всё кругом, и дивный край исчез из глаз:
И в том же грязном городке на минарете я стою,
Неисчислимая толпа молитву слушает мою.
И, полон пламенной тоски, всё в тот же день уж сколько лет.
Как нынче, радостен, счастлив, взбираюсь я на минарет.

О светлых пери я пою, надеждой трепетной дыша,
Всё им одним посвящено — и песнь, и грезы, и душа,
Но тщетно жду за годом год, чтоб птицы сказочной крыло
Вновь подхватило бы меня и к светлым пери унесло.

1914

Примечания

Первый русский перевод из Туманяна появился в 1893 году на страницах журнала «Семья» (№ 55, стр. 2). Здесь была напечатана легенда «Ахтамар» в переводе К. Д. Бальмонта. Через год Ю. А. Веселовским и Минасом Берберяном было предпринято в Москве издание второго тома сборника «Армянские беллетристы» (первый том был издан в 1893 году), в котором были представлены в русских переводах также «молодые поэты», среди них и Туманян (легенда «Ахтамар», стихотворения «Когда в последний миг...» и «С горных высей стремится ручей...»). Второй том сборника «Армянские беллетристы» был сожжен органами царской цензуры.

В начале 900-х годов переводы из Туманяна время от времени появлялись на страницах русской периодической печати. Затем Туманян печатался в специальных сборниках: «Современные армянские поэты» (М., 1903), «Современная армянская литература» (М., 1906), «Армянская муза» (М., 1907), «Кавказский альманах» (Пг., 1914), «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького (Пг., 1916). В годы первой империалистической войны переводы из Туманяна печатались также в «Армянском вестнике» (М., 1916–1917).

Наиболее серьезная попытка ознакомить русское общество с поэзией Туманяна до революции была сделана в сборнике «Поэзия Армении» под редакцией В. Я. Брюсова (М., 1916).

Широкая пропаганда богатого художественного наследия армянского поэта развернулась лишь в советские годы. В течение двух десятилетий (1937–1957)

были изданы восемь сборников избранных произведений Туманяна в русских переводах.

При составлении настоящего сборника учтен весь существующий фонд переводов из Туманяна. Многие из них неудовлетворительны, порою содержат серьезные смысловые искажения. Для данного издания отбирались лучшие из переводов. Однако в отдельных случаях, когда имеется лишь один перевод, составитель был вынужден отступить от этого принципа.

В сборнике три основных раздела: «Стихотворения», «Легенды и сказки», «Поэмы».

Расположение произведений внутри разделов хронологическое. Стихотворение «Пролог», которым О. Туманян открывал свои сборники, вынесено вперед.

Даты первой публикации, в отличие от точных дат, заключены в угловые скобки.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТУМАНЯНА, ИЗДАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Избранное. Стихи и проза. Тбилиси, 1937. Избранные произведения. М., 1937.

Избранное. Под редакцией С. Шервинского. Ереван, 1941. (В конце книги имеется указатель «Ованес Туманян в русских переводах».) Избранное. Под редакцией С. Шервинского. М. — Л., 1945.

Избранные произведения. Составление и редакция С. Хитаровой. М., 1946.

Избранные сочинения. Под редакцией Мариэтты Шагинян. Ереван — Москва, 1950.

Избранные произведения. М., 1952.

Избранные сочинения. Ереван, 1956.

Примечания

1

В горной местности Лори (ныне Алавердский район Армянской ССР).

2

Речь идет о дореволюционной Армении. Статья Брюсова написана в 1916 году.

3

Башинджагян Геворг (1857–1925) — живописец-пейзажист. Он же — автор очерков и рассказов.

4

Дзорагет — река в Армении.

5

Бараташвили Николоз (1817–1845) — грузинский поэт-романтик.

6

Сипан — гора на северо-западном берегу озера Ван.

7

Прошян Перч (1837–1907) — один из зачинателей армянской реалистической прозы. Первый его роман из армянской народной жизни «Сос и Вартитер» был опубликован в 1860 году.

8

Масис — армянское название горы Арарат.

9

Писал в мучительной тоске О ранах родины поэт. Имеется в виду Хачатур Абовян и его роман «Раны Армении».

10

Отклик на раннее стихотворение Ованеса Ованисяна «Видел ли ты холмы, где пышно цветет вечная весна?..», в котором облик родины был обрисован в романтических тонах. Стихотворение Туманяна было направлено против тех, кто идеализировал жизнь народа, изображал ее в виде безмятежной

идиллической картинке, кто не видел социальных противоречий
действительности.

11

Восьмистишие посвящено трагической судьбе известного армянского
народного певца — поэта XVIII века *Саят-Нова* (1712–1795).

12

Алагез или *Арагац*, — гора в Армении.

13

Месроп Маштоц (361–440) и *Саак* Партев (389–438) — основатели
армянской письменности. В начале V века ими был изобретен армянский
алфавит.

14

Кошакар — гора в Лори.

15

Посвящено жене поэта С. М. Городецкого.

16

Шота — Шота Руставели, грузинский поэт XII века, автор поэмы «Витязь в
тигровой шкуре».

17

Кяманча — струнный, смычковый народный инструмент.

18

Парвана — высокогорное живописное озеро в Богдановском районе
Грузинской ССР.

19

Абул и *Мтин* — горы в Джавахке (ныне Ахалкалакском и Богдановском
районах Грузинской ССР).

20

Легенда отражает события XIV в.

21

Ленгтимур — Тимурленг, Тамерлан (1336–1405), монгольский хан, создатель огромной империи в Средней Азии. Отличался жестокостью.

22

Туга — страдание, печаль, горе.

23

Мних — монах.

24

За землей мы, не за хлебом — народное иносказательное выражение; употребляют сваты, когда они приходят в дом невесты.

25

Джан — эпитет, выражающий ласку, приблизительно — дорогая (ой), милая (ый).

26

Лори — местность в Алавердском районе Армянской ССР (родина Туманяна).

27

Дебед — река в Лори. *Дэв-Бед* — мифологическое название этой же реки.

28

Ода — зимнее крестьянское помещение.

29

Нани — форма обращения к старой матери.

30

Ертык — дымовое окно.

31

Кадж — злой дух.

32

Ануш — женское имя; буквально — нежная, сладостная.

33

Джан-гюлум — весенние гадальные песни, приуроченные к кануну Вознесения.

34

Яр — возлюбленный (ая).

35

Буш — скорбное восклицание.

36

Амбарцум — Вознесение.

37

Амбарцум-яйла — припев весенних «Вознесенских» песен.

38

Яйла — летнее пастбище.

39

Зурна — народный музыкальный инструмент.

40

Пахлеван — богатырь, удалец.

41

Чуха — мужская верхняя одежда.

42

Чатиндаг — вершина Бугорского хребта между Лори и Казахом, напротив села Дсех (ныне Туманян).

43

Вардишах — женское имя; буквально — роса на лепестках розы.

44

Манишак или *Манушак* — женское имя, буквально — фиалка.

45

Бяяти — протяжная печальная песня.

46

Арай — крик о помощи.

47

Шаракан — армянское церковное песнопение.

48

Сасун — горная область в Среднем Тавре.

49

Ишхан — князь.

50

Сехансар и *Цыцка* — горы в Сасуне.

51

Капа — верхняя мужская одежда.

52

Вишап — чудовище в армянских мифах.

53

Лидр — мера веса, около 5 килограмм.

54

Тымкаберд — Тымукская крепость.

55

Шах Надир (1688–1747) — персидский царь, ранее атаман разбойничьей шайки.

56

Рустем Зал — герой иранской эпической поэмы «Рустем и Зохраб».

57

Саз — народный музыкальный инструмент.

58

Арэг — мужское имя, буквально — солнце.

59

Дэв — дракон, чудище.